

Филипп Пулман

КНИГА

ШЫЛД

Тайное
содружество

Золотой Компас

Золотой компас (АСТ)

Филип Пулман

Книга Пыли. Тайное содружество

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)

Пулман Ф.

Книга Пыли. Тайное содружество / Ф. Пулман — «Издательство АСТ», 2019 — (Золотой компас (АСТ))

ISBN 978-5-17-122479-0

Прошло двадцать лет с тех пор, как лорд Азриэл постучал в ворота Иордан-колледжа и передал младенца – свою дочь Лиру – под защиту университетских стен. Прошло почти десять лет с тех пор как читатели расстались с Лирой и Уиллом, дочитав последние страницы «Янтарного телескопа» – романа, которым завершилась трилогия «Темные начала». Лире двадцать лет, она уже не ребенок, а мир, который она знала и любила, меняется. Ей нужны ответы на вопросы, которые проще было бы не задавать. И чтобы получить их, она отправляется в путешествие, которое снова изменит ее жизнь, – через всю Европу, на загадочный, жестокий, непредсказуемый Восток.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-122479-0

© Пулман Ф., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

От автора	6
Глава 1. Лунный свет и пролитая кровь	7
Глава 2. Их одежда пахла розами	14
Глава 3. Камера хранения	19
Глава 4. Серебро колледжа	27
Глава 5. Дневник доктора Штрауса	37
Глава 6. Миссис Лонсдейл	43
Глава 7. Ханна Релф	56
Глава 8. Литтл-Кларендон-стрит	66
Глава 9. Алхимик	76
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Филип Пулман

Книга пыли. Тайное содружество

Philip Pullman
The Book of Dust. The Secret Commonwealth

© 2019 by Philip Pullman
© А. Блейз, А. Осипов, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

*Посвящается Нику Мессенджеру, прекрасному поэту и
неукротимому другу*

От автора

«Тайное содружество» – вторая часть трилогии «Книга Пыли». Ее главная героиня, Лира Сирин, в прошлом известная под именем Лира Белаква, была центральным персонажем и в предыдущей трилогии, «Темные начала». Более того, первая трилогия начиналась и заканчивалась ее именем. В той истории Лире было всего одиннадцать или двенадцать лет.

В книге «Прекрасная дикарка» – первой части второй трилогии – Лира еще совсем маленькая. Она и здесь занимает центральное место в повествовании, но главным действующим лицом оказывается одиннадцатилетний мальчик, Малкольм Полстед.

В «Тайном содруестве» мы переносимся лет на двадцать вперед. События «Темных начал» остались в прошлом: Малкольм и Лира стали старше на десять лет. События «Прекрасной дикарки» отошли еще дальше в прошлое.

Но ничто не проходит бесследно, и последствия некоторых событий становятся явными не сразу, а лишь много лет спустя. Да и мир не стоит на месте: расстановка сил меняется, кто-то набирает влияние, кто-то, наоборот, теряет. У взрослых – свои проблемы и заботы, не всегда такие же, как в детстве. А Лира и Малкольм, повторюсь, уже не дети.

Филип Пулман

*Всё, во что возможно поверить, – образ истины.
Уильям Блейк*

Глава 1. Лунный свет и пролитая кровь

В колледже Святой Софии, на подоконнике тесной комнатухи, служившей одновременно и кабинетом, и спальней, лежал Пантелеймон, деймон Лиры Белаквы, которую теперь звали Лира Сирин. Он ни о чем не думал – насколько мог, но чувствовал всё – и холод сквозняка из-под плохо подогнанной рамы, и тепло лампы, светившей внизу, на столе, и скрип Лириного пера, и тьму за окном. Холод и тьма, вот чего ему сейчас хотелось больше всего. А говорить с Лирой не хотелось. Но пока он так лежал, ворочаясь с боку на бок и подставляя сквозняку то спинку, то живот, желание выйти наружу становилось все сильнее и, наконец, победило.

– Открой окно, – сказал он. – Я хочу выйти.

Перо Лиры замерло. Отодвинув стул, она встала. Пантелеймон видел в стекле ее отражение, парящее над ночным Оксфордом. И даже мог прочесть по ее лицу, что она возмущена и недовольна.

– Я знаю, что ты хочешь сказать, – добавил он. – Само собой, я буду осторожен! Я не дурак!

– Это как посмотреть, – буркнула Лира.

Она подняла раму и подперла ее первой подвернувшейся под руку книгой.

– Только не... – начал он.

– Только не закрывай окно? Ну конечно, Пан! Просто сиди тут и мерзни, пока Пан не соизволит вернуться. Я, знаешь ли, тоже не полная дура. Всё, хватит! Проваливай!

Он скользнул наружу, в заросли плюща, оплетавшего стену колледжа. До ушей Лиры донесся лишь едва слышный шорох, да и тот через мгновение стих. Пану не нравилось, как они с Лирой теперь общались, или, вернее, не общались. Это были первые слова, которыми они обменялись друг с другом за целый день. Но он не понимал, как это исправить, и Лира тоже.

На полпути вниз ему попалась мышь. Пан запустил в нее острые иглы зубов и хотел съесть, но, к удивлению мыши, передумал и отпустил. Сидя на толстой ветке плюща, он с наслаждением купался в запахах, в шальных порывах ветра, во всей бескрайней, распахнутой настезь ночи.

Но об осторожности забывать было нельзя. На то имелось две причины. Первая – сливочно-белое пятно у него на шее, досадно ярко сверкавшее на фоне красно-бурого меха. Впрочем, не так уж трудно бежать, не поднимая головы, или просто побыстрее перебирать лапами. Вторая причина была куда серьезнее. При виде Пана никому бы и в голову не пришло, что он – обычный хорек. Да, он выглядел точь-в-точь как хорек, но все же был деймоном. Объяснить, в чем разница, было очень сложно, но в Лирином мире любой человек почувствовал бы ее сразу, как мы узнаем кофе по запаху или видим, что красный цвет – красный.

И любой с уверенностью сказал бы, что человек без деймона, как и деймон без человека – это жутко, противоестественно и невозможно. Обычному человеку было не под силу отделиться от своего деймона, хотя ведьмы, по слухам, это умели. Так что Лира и Пан обладали особым даром, который восемь лет назад обрели в мире мертвых, дорого за это заплатив. Вернувшись в Оксфорд, они никому об этом не рассказывали и прилагали все усилия, чтобы тайна не вышла на свет. Но иногда, а в последнее время все чаще, они чувствовали необходимость побыть друг без друга.

Пан держался в тени, пробираясь сквозь кусты и высокую траву по краю огромных, аккуратно подстриженных лужаек Университетского парка. Он впитывал ночь всеми доступными органами чувств, но не издавал ни звука и не поднимал головы. Вечером прошел дождь, земля под ногами была мягкой и влажной. Вскоре на пути попалась лужица, и Пан, подогнув лапы, окунулся грудью в жидкую грязь, чтобы замазать предательское пятно под подбородком.

Оставив парк позади, он метнулся через Банбери-роуд, выждав момент, когда на тротуаре не осталось ни одного пешехода и только вдалеке виднелся одинокий экипаж. На другой стороне улицы Пан юркнул за ограду большого дома и помчался дальше – сквозь живые изгороди, по стенам, под заборами, через садики и лужайки. От Иерихона¹ и канала его отделяло всего несколько улиц.

Добравшись до раскисшей от дождя тропинки вдоль канала, он немного успокоился. Тут росли кусты и высокая трава, в которых легко было спрятаться, и деревья, – а уж взобраться на дерево Пан мог быстрее, чем огонь бежит по фитилю к пороховой бочке. Эта полудикая часть города нравилась ему больше всего. Он знал наизусть все ручьи и реки, разрезавшие Оксфорд вдоль и поперек, – не только канал, но и широкий простор самой Темзы, и впадавший в нее Черуэлл, и все бесчисленные мелкие протоки, отведенные от них, чтобы вращать колесо водяной мельницы или питать декоративный пруд. Иногда они исчезали под землей, чтобы снова вынырнуть на поверхность из-под стены какого-нибудь колледжа, за одним из городских кладбищ или за пивоварней.

Там, где один из таких ручейков приближался к каналу почти вплотную и их разделяла лишь узкая тропинка, Пан перебежал кованный мостик и двинулся вниз по течению – к обширным садам и огородам, раскинувшимся к югу от скотного рынка Окспенс и к востоку от станции Королевской почты и железнодорожного вокзала.

Сияла полная луна, между несущимися по небу клочьями туч проглядывали редкие звезды. Гулять при лунном свете было вдвойне опасно, и все же Пан наслаждался этим холодным, серебристым сиянием. Неслышно, как тень, он крался под деревьями, проскальзывал между стеблями брюссельской и цветной капусты, между стрелками лука и шпината, пока не добрался до садового сарая. Запрыгнув наверх, он распластался на плоской крыше, покрытой толем, и стал разглядывать почтовую станцию вдалеке за широким лугом.

Похоже, это было единственное место в городе, где и ночью бурлила жизнь. Пан не раз приходил сюда вместе с Лирой посмотреть на поезда, прибывающие с севера и юга и разводящие пары у платформы, пока рабочие выгружают мешки с посылками и письмами в большие корзины на колесах и катят их в огромный, обшитый металлическими листами ангар. В этом сарае почту в Лондон и на континент сортировали, чтобы отправить дальше с утренним дирижаблем. Воздушный корабль стоял тут же: гондола раскачивалась на ветру, стальные тросы то натягивались во всю длину, то провисали, со звоном ударяясь о причальную мачту. Повсюду горели фонари – и на платформе, и на мачте, и над входом в ангар. На боковых путях гремели вагоны, створки металлических дверей то расходились, то с лязгом захлопывались.

Краем глаза Пан заметил движение справа. Очень медленно повернул голову. Вдоль грядки с капустой или брокколи кошка кралась за мышью. Но прыгнуть она не успела. Бесшумная белая тень, больше Пана, обрушилась перед ней с высоты и, схватив добычу, взмыла в небо, подальше от кошачьих когтей. Мерно взмахивая крыльями, сова пролетела над огородами и опустилась на дерево за Райской площадью. Кошка сидела, словно задумавшись, как же это она так оплошала, но вскоре встала, отряхнулась и снова отправилась на охоту.

Луна поднялась выше и засияла ярче, облака почти рассеялись, и с крыши сарая Пан мог теперь во всех подробностях разглядеть и огороды, и скотный рынок. Теплицы и огородные пугала, оцинкованные загоны для скота, поилки, старые, прогнившие и покосившиеся ограды и новые, ровные и аккуратно выкрашенные, оббитые плетями гороха треугольные подпорки на грядках, похожие на каркасы маленьких вигвамов, – все серебрилось в свете луны, словно декорации театра призраков. «Лира, Лира, что с нами случилось?» – прошептал Пан. Никто ему не ответил.

¹ Иерихон (Джерико) – исторический пригород Оксфорда, названный в честь библейского города и расположенный на берегу Оксфордского канала за пределами старой городской стены. (Здесь и далее прим. переводчиков.)

Почтовый поезд уже разгрузили – коротко свистнув, он тронулся с места. Пан ожидал, что сейчас он выкатит на южный путь, тянувшийся вдоль огородов и через реку. Но поезд проехал чуть вперед и, гроыхая вагонами, медленно сдал на запасный путь. Пар клубами валил из трубы и разлетался в клочья на холодном ветру.

С той стороны реки, из-за деревьев, приближался другой состав – видимо, не почтовый: проехав мимо станции, он остановился ярдов через триста, у пассажирской платформы. «Наверное, из Рединга», – подумал Пан. Его уши уловили шипение пара и приглушенный скрежет тормозов.

И еще какое-то движение.

Слева от него, где через реку был переброшен железный мост, по берегу, густо заросшему камышами, шел человек. Он явно спешил, но при этом, кажется, старался держаться скрытно. Пан тут же спрыгнул с крыши сарая и бесшумно помчался к реке. Огибая луковые и капустные грядки, проскальзывая между прутьями изгородей, он добежал до ржавой водяной цистерны, пробрался под ней, выскочил на край последней делянки и замер, уставившись на реку и луг через пролом в шиферной ограде.

Человек шел в сторону почтовой станции, и чем ближе он к ней подходил, тем осторожнее становились его движения. Наконец, он остановился у ивы на берегу, ярдах в ста от ворот станции и почти напротив пролома, за которым притаился Пан. Даже зоркие глаза деймона едва различали его в тенях. Пан потерял бы его из виду, если бы отвернулся хоть на миг.

Человек не шевелился. Пан не столько видел его, сколько просто знал, что он все еще там. Прошла минута, за ней другая. В городе, к которому Пан сейчас сидел спиной, колокола начали отбивать по два удара: половина первого ночи. Пан огляделся. Слева от ивы, неподалеку, стоял старый дуб, раскинув на зимнем ветру голые ветви. А справа...

Справа через ворота почтовой станции перелезал другой человек. Спрыгнув на землю, он торопливо зашагал вдоль берега к той самой иве, где ждал первый.

На миг луна скрылась за тучей, и в набежавшей тени Пан нырнул под ограду и со всех лап помчался по мокрой траве, стараясь не шуметь. Он помнил про сову, помнил про человека под ивой. Но ему нужно было добраться до этого дуба. Добежав, он подпрыгнул, выпустив когти, вцепился в кору и взобрался на высокую ветку, откуда иву было видно как на ладони – теперь, когда луна снова вышла из-за облака.

Человек с почтовой станции уже приближался. Когда он подошел совсем близко и замедлил шаг, вглядываясь в темноту, первый – тот, что ждал под ивой, – бесшумно выступил из укрытия и что-то тихо сказал. Что именно, Пан не расслышал, но так обычно говорят сообщники. Эти люди встретились тут не случайно.

У одного деймон был похож на мастифа, у другого – тоже собака, но ростом пониже, на коротких лапах. Собаки, конечно, по деревьям не лазают, но учуять его вполне могли, так что Пан еще теснее прижался к толстой ветке. Люди под ивой о чем-то шептались, но слов он по-прежнему не разбирал.

Между высокой проволочной оградой почтовой станции и рекой, вдоль огородных участков, через луга, тянулась тропа к вокзалу. По ней обычно и ходили сюда от церкви Сент-Эбб и газового завода, окруженного сетью узких улочек. С ветки дуба Пан видел дальше, чем люди внизу, и потому первым заметил, что со стороны станции приближается кто-то еще. Один, без спутников, человек шагал по тропе, подняв воротник – должно быть, ему было холодно. Потом из темноты под ивой донеслось: «Ш-ш-ш!» Эти двое тоже заметили третьего.

* * *

В тот же день, только раньше, и не в Оксфорде, а в Женеве, еще двое вели беседу в элегантном особняке семнадцатого века, близ собора Святого Петра. Библиотека на втором

этаже выходила окнами на тихую улочку, погруженную в полумрак зимнего вечера. На длинном столе красного дерева были разложены стопки бумаги, карандаши и ручки, стояли пресс-папье, стаканы и графины с водой, но собеседники сидели не за столом, а в креслах по обе стороны от жарко горящего камина.

Хозяин, Марсель Деламар, был генеральным секретарем организации, неофициально известной по названию дома, в котором она размещалась, – того самого, где и шла сейчас беседа. Назывался он *La Maison Juste* – «Дом справедливости». Деламар, ухоженный мужчина чуть за сорок, был в очках и в сером, под цвет его темных с проседью волос, костюме, безупречно подогнанном по фигуре. Его деймон, полярная сова, восседал на спинке кресла. Ее желтые глаза неотрывно следили за деймоном в руках гостя – алым ужом, который бесконечной лентой вился и перетекал между его пальцами. Гостя звали Пьер Бино. Ему было за шестьдесят, и в пасторском воротнике он выглядел суровым аскетом. Этот человек возглавлял Суд консистории – главное орудие Магистериума, с помощью которого тот насаждал дисциплину и поддерживал свою безопасность.

– Ну? – поторопил Бино.

– На станции Лобнор пропал еще один научный сотрудник, – сказал Деламар.

– Почему? Что говорит ваш агент?

– По официальной версии, пропавший человек и его спутник заблудились среди протоков, расположение которых меняется очень быстро и непредсказуемо. Местность там и вправду очень сложная: каждый, кто покидает станцию, обязан брать с собой проводника. Но наш агент сообщил, что, по слухам, они отправились в пустыню по ту сторону озера. Там ходят легенды о золоте...

– К черту легенды. Это были специалисты по ботанике и экспериментальной теологии. Люди науки. Они искали розы, а не золото. Но вы говорите, пропал только один? А со вторым что?

– Второй вернулся на станцию, но тут же отбыл в Европу. Его фамилия – Хассаль. Я вам о нем говорил на прошлой неделе, но вы, вероятно, были слишком заняты и не услышали. Мой агент полагает, что этот Хассаль везет с собой образцы роз и пачку статей.

– И мы его еще не схватили?

Деламар не вспыхнул, но это стоило ему явного усилия.

– Если вы помните, Пьер, – произнес он, выдержав паузу, – я настаивал, чтобы его задержали еще в Венеции. Но ваши люди решили иначе. «Дайте ему добраться до Британии и проследите, куда он там направится» – таков был приказ. Ну вот, сегодня он туда прибыл, и ночью его перехватят.

– Дайте мне знать, как только материалы будут у вас в руках. И еще одно: насчет той девушки. Что вам о ней известно?

– Алетиометр...

– Нет-нет-нет. Старомодно, невнятно, слишком много домыслов. Мне нужны факты, Марсель!

– У нас новый чтец, и он...

– О да, я о нем слышал. Новый метод. И что же, он лучше старого?

– Времена меняются, и мы тоже не должны стоять на месте.

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что мы узнали об этой девушке нечто такое, чего не понимали прежде. Похоже, она под какой-то защитой, и не только в юридическом смысле. Я бы начал разбирать эти защитные укрепления – ненавязчиво, тихо, незаметно. Когда она, наконец, окажется уязвимой, настанет время действовать. А до тех пор...

– Ты осторожен, Марсель, – сказал Бино, поднимаясь из кресла. – Чересчур осторожен. А это большой недостаток. Надо действовать решительно. Разыщи ее, схвати и привези сюда. И действуй так, как сочтешь нужным: на этот раз я не стану вставлять тебе палки в колеса.

Деламар встал и пожал гостю руку. Когда за Пьером Бино закрылась дверь, он подошел к окну. Деймон-сова уселась ему на плечо, и вдвоем они проводили взглядом верховного судью и его помощников (один нес его портфель, другой держал над его головой зонтик, защищая от начавшего накрапывать дождя).

– Не люблю, когда меня перебивают, – пробормотал Деламар.

– По-моему, он даже не заметил, – сказал его деймон.

– Ну, рано или поздно он поймет.

* * *

Человек, шедший от железнодорожной станции, шагал быстро. Не прошло и минуты, как он уже поравнялся с деревом, и в тот же миг двое других набросились на него. Один заступил ему дорогу и, взмахнув тяжелой палкой, ударил по ногам. Человек упал на колени, глухо вскрикнув, а второй принялся избивать его короткой дубинкой, стараясь попасть по голове и рукам.

Никто при этом не произнес ни слова. Деймон жертвы, мелкий ястребок, с воплем взлетел и отчаянно захлопал крыльями, но тут же начал терять высоту: человек слабел под градом ударов, и его птице все труднее было держаться в воздухе.

Затем Пан увидел лунный свет, блеснувший на лезвии ножа, и один из нападавших закричал и рухнул навзничь. Но тут сверкнул второй нож. Он поднялся и опустил еще раз, и еще. Жертва затихла. Пан отчетливо слышал каждый удар.

Человек был мертв. Тот, кто бил его ножом, поднялся и посмотрел на своего сообщника.

– Ты ранен? – спросил он тихо.

– Этот ублюдок перерезал мне сухожилия! Смотри, кровь так и хлещет!

Его деймон, помесь мастиффа с какой-то дворнягой, скулил и корчился на земле.

– Встать можешь? – убийца говорил низким голосом, хрипловато и немного в нос, словно был простужен. Пан различил ливерпульский акцент.

– А ты-то как думаешь?

Они по-прежнему говорили вполголоса, почти шепотом.

– Тогда хотя бы сядь.

Раненый попытался привстать и снова приглушенно взвыл от боли. Сообщник протянул ему руку, и, ухватившись за нее, раненый ухитрился подняться, но было видно, что опираться он может только на одну ногу.

– Что будем делать? – спросил он.

В лунном свете вся сцена была как на ладони: убийца, его раненый напарник и мертвец. Сердце Пана колотилось так громко, что он испугался, как бы его не услышали.

– Ты идиот. Не видел, что ли, что у него нож?

– Он действовал слишком быстро...

– А говорили, ты в этом деле хорош. Ну-ка, с дороги!

Раненый отпрыгнул в сторону на одной ноге. Убийца наклонился, схватил труп за лодыжки и поволок в заросли камыша.

Не прошло и минуты, как он показался снова и нетерпеливо замахал руками, подзывая к себе раненого.

– Обопрись на меня, – велел он. – И скажи спасибо, что я тебя не бросил. А все чувство ответственности, будь оно неладно. Теперь придется возвращаться, чтобы самому тут все прибрать, а эта проклятая луна с каждой минутой все ярче. Где его сумка?

– Не было у него никакой сумки. Он вообще с пустыми руками шел.
– Не может быть! Вот зараза!
– Возьмешь с собой Барри, он поможет.
– Слишком уж он шумный. Слишком нервный. Ну, давай руку и пошли. Живее!
– О господи... осторожнее... а-а-а! До чего же больно...
– Заткнись и пошевеливайся! Больно там или нет, мне плевать. Просто держи свой чертов рот на замке.

Раненый обхватил напарника за плечи и захромал с ним в обнимку мимо дуба и дальше, вдоль берега. Пан посмотрел вниз и увидел на траве пятно крови, ярко блестящее в свете луны. Дождавшись, пока те двое скроются из виду, он собрался спрыгнуть с ветки, но тут в камышах, куда убийца оттащил тело, что-то зашуршало. Что-то бледное, размером с птицу, вспорхнуло из зарослей и полетело, то и дело проваливаясь в воздухе, взлетая повыше и падая вновь, но как будто страшным усилием опять набирая высоту. Пан понял, что птица летит прямо на него, и застыл, скованный ужасом. Если тот человек умер... Неужели его деймон стал призраком? Что же делать? Но пока Пан отчаянно перебирал варианты – броситься в бой, пуститься наутек, упасть в обморок, – птица уже добралась до ветки, на которой он сидел, и из последних сил попыталась в нее вцепиться. Пану ничего не оставалось, как броситься к ней и поддержать. На ощупь она оказалась ледяной, но слабая искорка жизни в ней еще теплилась. Значит, человек тоже еще не умер.

– Помоги, – задыхаясь, прошептала птица. – Помоги нам...
– Да, – сказал Пан. – Сейчас...
– Скорее!

Она все-таки упала, но у самой земли успела вспорхнуть и метнулась обратно в заросли. Пан сбежал по стволу дуба и помчался следом за ней. Человек лежал в камышах, его грудь слабо вздымалась, а птица, прижавшись к его щеке, шептала:

– Тут деймон... один, сам по себе...

Человек чуть повернул голову и застонал. Чутким слухом Пан уловил скрежет сломанной кости.

– Сам по себе? – пробормотал человек.
– Да... мы научились разделяться...

– Значит, мне повезло. Внутренний карман. Тут. – Невероятным усилием человек поднял руку и коснулся правой полы своей куртки. – Достань... – прошептал он.

Стараясь не причинить ему новой боли и внутренне сражаясь с великим табу, запрещающим прикасаться к чужим людям, Пан просунул нос под полу и нащупал во внутреннем кармане кожаный бумажник.

– Да, это он. Забери его. Не дай им его получить. Теперь все зависит от тебя и от... твоей...

Пан потянул бумажник зубами, но тот не поддавался: пола куртки застряла, а человек не мог пошевелиться, чтобы ее высвободить. Несколько секунд Пан тянул и дергал и наконец у него получилось. Он вытащил бумажник из кармана и положил на землю.

– Забирай и уноси... скорее... пока они не вернулись...

Бледная птица-деймон уже теряла очертания. Белым клочком тумана она вилась над телом умирающего, то вспархивая, то вновь прижимаясь к нему. Пан терпеть не мог смотреть, как умирают люди. Страшно было видеть, как деймон умершего исчезает – просто гаснет, как свечка, и всё. Ему хотелось утешить бедняжку: ведь та не могла не понимать, что вот-вот исчезнет. Но ястребок хотел лишь одного: в последний раз ощутить тепло, которое они с человеком всю жизнь дарили друг другу. Человек слабо, прерывисто вздохнул... и птица-деймон растаяла без следа.

Теперь Пану предстояло тащить этот бумажник всю дорогу обратно – до самого колледжа Святой Софии, до Лириной спальни.

Сжав его зубами, он пробрался сквозь камыши, подальше от реки. Бумажник был не тяжелый, но неудобный и, что еще хуже, весь пропах чужим человеком: пóтом, одеколоном, курительным листом. Слишком много было в нем кого-то, кто не был Лирой.

Пан добрался до ограды огородных участков и остановился отдохнуть. Спешить было некуда: ночь только начиналась.

* * *

Лира очнулась от глубокого сна внезапно – на нее как будто что-то упало. В прямом смысле... Но что? Она потянулась к Пану, но тут же вспомнила, что он ушел. Может, с ним что-то случилось? Это была далеко не первая ночь, когда ей приходилось засыпать одной, и Лира терпеть этого не могла. В самом деле, что за глупость – вот так бродить по городу в одиночку! Но он ее не слушает, продолжает валять дурака. И рано или поздно они оба за это поплатятся.

С минуту Лира лежала, глядя в темноту, потом ее опять сморил сон.

Оксфордские колокола пробили два часа ночи, когда Пан взобрался на подоконник. Уронив бумажник на стол, он подвигал затекшей челюстью, а потом вытащил из-под рамы книгу, которой Лира подперла окно. Эту книгу – роман под названием «Гиперхоразмийцы» – он знал и считал, что Лира уделяет ей слишком много внимания. Сбросив ее на пол, он тщательно умылся, снова подхватил бумажник зубами и запихал поглубже на книжную полку, с глаз долой.

Потом он легко подпрыгнул, приземлился на подушку Леры, подогнул лапы и сел, разглядывая ее лицо в узком луче луны, пробивавшемся между шторами. Ее щеки покраснелись, темно-золотистые волосы слиплись от пота, а губы – которые так часто что-то шептали ему, целовали его, а когда-то и Уилла, – сейчас были крепко сжаты. Пан заметил морщинку у нее на лбу. Она быстро разгладилась, но через миг появилась вновь, словно облако, которое ветер гонит по небу. И все это говорило Пану: что-то не так. С каждым днем ему все труднее дотянуться до Леры, как и ей – до него. Скоро она станет недостижимой. И Пан понятия не имел, как это исправить. Все, что ему оставалось, – крепче прижиматься к ней. На ощупь она по-прежнему была уютной и теплой. Хоть что-то это да значит. Это значит, что они с ней все еще живы.

Глава 2. Их одежда пахла розами

Часы в колледже пробили восемь. Лира проснулась. Первые несколько минут, медленно и сонно всплывая на поверхность дня, она наслаждалась ощущениями, в том числе теплом шерсти деймона у своей шеи. Эта взаимная забота всегда, сколько Лира себя помнила, была неотъемлемой частью их жизни.

Она лежала в кровати, стараясь ни о чем не думать, но мысли сами накатывали, словно подступающий прилив. Маленькие ручейки сознания – нужно закончить эссе... пора постирать одежду... если она не попадет в столовую до девяти, то рискует остаться без завтрака, – текли со всех сторон, просачивались под фундамент, размывая песчаный замок сонной неги. И самой крупной волной – Пан и их отдаление друг от друга. Что-то странное происходило между ними, и ни один не понимал, что именно. Довериться они могли лишь друг другу, но именно это обоим было не под силу.

Лира сбросила одеяло и встала, ежась от холода. В том, что касалось отопления, колледж Святой Софии был на редкость прижимист. Быстро умывшись в крошечной раковине (горячая вода сначала долго грохотала в трубах и сотрясала краны, и лишь затем соизволяла появиться), Лира надела клетчатую юбку и серый свитер – едва ли не последнее, что еще оставалось из чистой одежды.

Все это время Пан лежал на подушке и притворялся, что спит. Раньше он никогда так не делал... никогда.

– Пан, – устало сказала она.

Он должен был подойти, она знала, что должен. И он поднялся, потянулся и позволил ей подсадить себя на плечо. Лира вышла за дверь и стала спускаться по лестнице.

– Лира, давай играть, что мы друг с другом все-таки разговариваем, – прошептал он ей на ухо.

– Не уверена, что игра заменит жизнь.

– Лучше так, чем никак. Мне нужно рассказать тебе, что я видел прошлой ночью. Это важно.

– А почему не рассказал сразу, как пришел?

– Ты спала.

– Не больше, чем ты сейчас.

– Тогда как же ты не поняла, что мне нужно рассказать тебе что-то важное?

– Я поняла. Сразу почувствовала – что-то случилось. А еще поняла, что из тебя клещами придется все вытаскивать. Так что, честно говоря...

Пан промолчал. Лира вышла в сырой утренний холод. Несколько девушек шли через двор к столовой; еще больше – в обратном направлении, уже позавтракав. Люди спешили по утренним делам, в библиотеку, на лекции или к преподавателю.

– Ох, не знаю, – сказала Лира. – Я уже устала от всего этого. Расскажешь после завтрака.

Она взбежала по ступенькам в зал, взяла себе овсянки и уселась на свободное место за одним из длинных столов. Вокруг ее ровесницы доедали яичницу, кашу, тосты – кто-то весело болтал, кто-то сидел со скучающим, усталым или чрезвычайно занятым видом. Одна или две читали письма. Остальные спокойно ели. Многих Лира знала по имени, некоторых – только в лицо. С одними она дружила, любила за доброту или ум; другие были просто знакомыми, и несколько человек – не то чтобы врагами... Но Лира знала, что они ей никогда не понравятся из-за своего снобизма, высокомерия или холодности. В этом ученом сообществе, среди блестящих, трудолюбивых или просто болтливых сверстниц, Лира чувствовала себя дома – примерно так же, как в любом другом месте. И, вообще-то, ей полагалось чувствовать себя здесь счастливой.

Наливая молоко в кашу, Лира заметила, что напротив сидит Мириам Джейкобс, хорошенькая, темноволосая, в меру быстрая и сообразительная, чтобы преуспевать в науках, прикладывая к этому минимум усилий. Немного тщеславная, но достаточно добродушная, чтобы позволять подтрунивать над собой. Ее деймон, белка Сириакс, испуганно вцепился Мириам в волосы, а сама она читала письмо, прижав ладонь ко рту. Лицо ее было бледно.

Вокруг никто ничего не замечал. Мириам опустила письмо, и Лира наклонилась к ней через стол.

– Мириам! В чем дело?

Та моргнула и тихий вздохнула, словно просыпаясь. Письмо упало на колени.

– Это из дома, – пробормотала она. – Глупости какие-то.

Сириакс спустился поближе к письму. Мириам исполнила небольшой, но впечатляющий спектакль на тему «все в порядке, ничего не случилось», который, впрочем, пропал даром – соседкам не было до нее никакого дела.

– Я могу чем-то помочь? – продолжила Лира.

Пан присоединился к Сириаку под столом. Деймоны о чем-то переговаривались – обе девочки чувствовали это, – а то, что узнал Пан, очень скоро узнает и Лира. Мириам беспомощно посмотрела на нее. Еще мгновение, и она разразится слезами.

– Так, пошли. – Лира решительно встала из-за стола.

Мириам была как раз в таком состоянии, когда чужая решимость – все равно что спасательный круг посреди бурного моря. Прижимая деймона к груди, она поплелась за Лирой, как послушный ягненок, даже не спрашивая, куда они идут.

– Мне до смерти надоели овсянка, холодные тосты и высохшая яичница, – поделилась Лира на улице. – В такой ситуации нам остается только одно.

– Это что же? – удивилась Мириам.

– «Джордж».

– Но у меня лекция...

– Нет, это у лектора лекция, а у тебя – нет. И у меня тоже. Хочу глазунью с беконом. Давай, шагай. Ты была скаутом?

– Нет.

– И я нет. Не знаю, зачем спросила.

– Мне еще сочинение писать...

– А ты знаешь кого-нибудь, кому не надо писать сочинение? Тысячи молодых леди и джентльменов в этих стенах не успевают сдать сочинение. Было бы крайне невоспитанно отличаться от них. А вот «Джордж» не ждет. «Кадена» пока закрыта, а то можно было бы пойти туда. Шагай, а то холодно. Может, пальто возьмешь?

– Да... только быстро.

Они побежали за пальто. Лирино – зеленое и потрепанное – было ей маловато. Пальто Мириам из темно-синего кашемира сидело на ней превосходно.

– А если кто-нибудь спросит, почему это тебя не было на лекции, или семинаре, или где там еще, скажешь, что была расстроена и добрая Лира водила тебя прогуляться, – сказала добрая Лира, когда они проходили мимо привратника.

– Я никогда не была у «Джорджа», – робко заметила Мириам.

– Да ну тебя! Наверняка была.

– Нет, я знаю, где он находится, но только... Я думала... это не для нас.

Кафе «Джордж» находилось на Крытом рынке, и его посетителями были в основном торговцы и рабочие со всей округи.

– А я туда хожу сколько себя помню, – заявила Лира. – То есть с самого детства. Часто болталась снаружи, пока мне не дадут булочку, лишь бы я только ушла.

– Что, правда?

– Ну, или подзатыльник, это как повезет. Я там даже немного работала – посуду мыла, готовила чай и кофе. Мне тогда было лет девять.

– И твои родители позволяли... Ой, прости! Прости!

Про семью Лиры сверстницы знали немного – только то, что ее родители были высокого происхождения и умерли очень рано. Все думали, что для Лиры это большая тема, ведь она никогда о них не говорила. Не удивительно, что слухи цвели пышным цветом. Мириам испуганно замолчала.

– Нет, меня тогда уже взял под крыло Иордан-колледж, – весело сказала Лира. – Если бы в Иордане знали, где я бываю, они бы, наверное, удивились, а потом просто забыли бы, и я все равно продолжала бы бегать в «Джордж». Я тогда делала что хотела.

– И никто не знал, чем ты занимаешься?

– Экономка знала, миссис Лонсдейл. Строгая была особа, каждый раз меня отчитывала, хоть и знала, что это бесполезно. Когда было нужно, я умела хорошо себя вести.

– А как долго... В смысле, сколько тебе было, когда... Ох, прости. Не хочу лезть не в свое дело.

– Первое что я помню, – как меня принесли в Иордан. Понятия не имею, сколько мне тогда было, – наверняка я еще была младенцем. Меня вез какой-то очень большой мужчина. Стояла полночь, лил проливной дождь, гром, молния, все такое. Он ехал верхом, а меня прижимал к груди, завернув в плащ. Потом помню, как он стучит в дверь пистолетом, и дверь открывается, а внутри тепло и свет... И он передал меня кому-то и, кажется, поцеловал на прощанье, а потом вскочил на коня и уехал. Наверное, это был мой отец.

На Мириам это произвело огромное впечатление. Насчет лошади Лира была не слишком уверена, но лошадь ей нравилась.

– Как романтично! – вздохнула Мириам. – Это правда твое первое воспоминание?

– Да, самое первое. Потом я... просто жила в Иордане. Всю жизнь. А ты что первое запомнила?

– Запах роз, – тут же ответила Мириам.

– Какой-то сад?

– Нет, папина фабрика. Там делали мыло и всякое такое прочее. Я сидела у отца на плечах, мы были в разливочном цеху. Сильный сладкий аромат... Одежда работников пахла розами, и женам приходилось все время ее стирать, чтобы избавиться от запаха.

Лира знала, что семья Мириам богата, и разбогатела она на производстве мыла, духов и всего в том же духе. У Мириам имелась обширная коллекция парфюмерии, шампуней и благовоний, и ее подруги обожали пробовать разные новинки.

Внезапно Лира поняла, что ее собеседница плачет.

– Мириам, да в чем дело? – Она остановилась и взяла ее за руку. – Что тебе написали?

– Папа обанкротился, – дрожащим голосом ответила та. – Все кончено. Вот что мне написали. Теперь ты знаешь.

– Ох, Мириам, какой ужас!

– И мы больше не... они не могут... Мы продаем дом, а я уйду из колледжа... Больше не можем себе позволить...

Договорить она не смогла. Лира обняла ее, и Мириам, всхлипывая, прислонилась к ней. От ее волос пахло шампунем. «Интересно, в нем тоже есть розы?» – подумала Лира.

– Ну, ну... – сказала она. – Ты же знаешь, есть стипендии и разные фонды... Вот увидишь, тебе не придется никуда уходить!

– Но теперь все изменится! Им придется все продать и переехать... Ох, не знаю... Дэнни придется бросить Кембридж и... Все будет просто ужасно.

– Уверена, все кажется гораздо хуже, чем на самом деле.

Краем глаза Лира видела, как Пан шепчется с Сириаком, – и сейчас он говорил демону Мириам то же самое, что и она.

– Конечно, это потрясение – узнать подобные новости за завтраком. Но люди и не такое переживали, уж поверь, и, как правило, все заканчивается куда лучше, чем ты думаешь. Готова поспорить, тебе не придется уходить из колледжа.

– Но все узнают...

– Ну и что? Стыдиться совершенно нечего. С любой семьей может случиться что угодно, никто в этом не виноват. А если ты храбро справишься со всем, люди станут тобой восхищаться.

– Уж папа-то точно не виноват...

– Разумеется, не виноват, – кивнула Лира, которая не имела ни малейшего понятия о реальном положении вещей. – Помнишь, нам на экономической истории объясняли, что такое производственный цикл? Чем больше нечто, тем ниже его сопротивляемость.

– Это просто случилось... Никто мог не предвидеть...

Мириам достала из кармана смятое письмо и прочла:

– «Поставщики вели себя совершенно безответственно. Папа снова и снова ездил в Латакию, но нигде не смог найти поставщика. Судя по всему, все подчистую скупают крупные медицинские компании... Ничего нельзя было сделать. Это просто ужасно...»

– Какие поставщики? – уточнила Лира. – Поставщики роз?

– Ну да. Их покупают в садах, потом дистиллируют или что-то в этом роде. Аттар. Да, из них делают розовый аттар. Как-то так называется.

– А английские розы для этого не подходят?

– Вряд ли. Розы должны быть именно оттуда.

– Или, скажем, лаванда. Лаванды-то у нас пруд пруди.

– Они... ох, я не знаю!

– Теперь люди потеряют работу, – сказала Лира, когда они повернули на Бруд-стрит напротив Бодлианской библиотеки. – Те, чья одежда пахла розами.

– Наверное... Все это так ужасно.

– Да. Но ты справишься. Сейчас мы с тобой сядем в кафе и составим план. Подумаем, что можно сделать. Переберем все возможные варианты, все направления. Тебе сразу станет лучше, вот увидишь.

В «Джордже» Лира заказала яичницу с беконом и пинтовый чайник чая. Мириам хотела только кофе, но Лира все равно попросила хозяина принести еще булочку с изюмом.

– Если она не съест, я съем.

– Вас что, в колледже совсем не кормят? – поинтересовался Джордж, человек с удивительными руками.

Лира не встречала другого человека, чьи руки двигались бы так же проворно – нарезали, намазывали масло, разбивали яйца, наливали, солили. Еще в детстве ее восхищала способность хозяина заведения сразу, одной рукой разбить три яйца о край сковородки, при этом белок не разливался, желток не лопался, и в яичницу не попадало ни кусочка скорлупы. Как-то раз она извела пару дюжин яиц, пытаясь освоить этот трюк, и получила крепкий и заслуженный подзатыльник. Теперь Джордж вел себя более уважительно. Хотя яичному фокусу она так и не научилась.

Взяв у Джорджа листок бумаги и карандаш, Лира начертила три колонки: «То, что нужно сделать», «То, что нужно выяснить», «То, по поводу чего нужно перестать беспокоиться», – а дальше они с Мириам и двое демонов принялись заполнять их идеями и решениями, не отрываясь от еды. Мириам сама съела булочку и к тому времени, как на листке закончилось свободное место, почти повеселела.

– Ну, вот, – подвела итог Лира. – Я же говорила, пойти к «Джорджу» – всегда хорошая идея. В колледже пицца слишком уж духовная. А в Иордане...

– Держу пари, завтраки там не такие скудные, как у нас...

– У них там огромные серебряные блюда с подогревом, а на них кеджери², пряные почки, копченая рыба. Молодых джентльменов следует содержать в тех условиях, к которым они привыкли. Мило, конечно, но не каждый же день...

– Спасибо, Лира, – сказала тихо Мириам. – Ты была права, мне гораздо лучше.

– И что ты сделаешь в первую очередь?

– Навещу доктора Белл. И напишу домой.

Доктор Белл, внешне суровая, но добрая женщина, была наставником Мириам, чем-то средним между духовником и ментором. Уж она-то наверняка знает, какую помощь может оказать колледж в подобном случае.

– Вот и хорошо, – кивнула Лира. – А потом все мне расскажешь.

– Расскажу, – пообещала Мириам.

Когда она ушла, Лира еще немного поболтала с Джорджем, не без сожаления отклонила его предложение подработать на рождественских каникулах и допила свою пинту чаю. И наконец они с Паном снова остались наедине.

– Что он тебе сказал? – спросила Лира, имея в виду деймона Мириам.

– На самом деле больше всего ее волнуют отношения с молодым человеком. Не знает, как ему сказать. Боится, что став бедной, сразу ему разонравится. Он, видите ли, из Кардинал-колледжа, какой-то аристократ.

– Мы потратили столько времени и сил, а она даже не сказала, о чем сильнее всего беспокоится?! Не слишком вежливо с ее стороны. – Лира взяла свое старое пальто. – Если этот парень и правда так к ней относится, он ее точно не стоит. Пан, прости меня, – вдруг сказала она, удивив не только его, но и себя. – Ты ведь хотел рассказать, что видел прошлой ночью, а у меня не было времени тебя выслушать.

Лира помахала Джорджу на прощанье, и они вышли на улицу.

– Я видел, как кого-то убили.

² Английское блюдо индийского происхождения из риса и рыбы.

Глава 3. Камера хранения

Лира застыла. Они стояли перед кофейной лавкой, у входа на Крытый рынок, и воздух был пропитан ароматом кофейных зерен, которые продавец обжаривал на противне.

– Что ты сказал? – переспросила она.

– Я видел, как два человека напали на третьего и убили его. Рядом с почтовой станцией, там, где огороды...

Лира медленно двинулась по Маркет-стрит, обратно к колледжу Святой Софии. По дороге Пан все ей рассказал.

– И они, похоже, знали про разделение, – добавил он. – Этот убитый человек и его демон... И сами так умели. Его птица, наверное, заметила, что я сижу на ветке, и полетела прямо ко мне... С трудом, конечно, потому что человек был ранен, но она ничего не боялась. То есть, я хочу сказать, она не испугалась, что я один, хотя кто угодно бы испугался. И человек тоже не боялся.

– А бумажник? Где он сейчас?

– У нас на книжной полке. Рядом с немецким словарем.

– Повтори еще раз, что он сказал?

– Он сказал: «Забери его. Не дай им его получить. Теперь все зависит от тебя и от твоей...». И умер.

– Значит, все зависит от нас, – кивнула Лира. – Ну что ж, давай посмотрим, что там.

Вернувшись в спальню, которая служила ей и кабинетом, Лира включила газовый камин, села за стол и зажгла антарный светильник, потому что небо за окном хмурилось и в комнате было темно.

Не вставая, она протянула руку и взяла с полки бумажник. Он оказался совсем простым, без застежки, размером чуть больше ее ладони. Кожа, похожая на сафьян, когда-то была зернистой и, наверное, коричневой, но тиснение почти стерлось: старый бумажник был гладким и маслянистым на ощупь и совсем потемнел. В нескольких местах виднелись вмятины – следы от зубов Пана. Лире бросился в ноздри запах: слабый, острый, немного пряный, как от мужского одеколona, смешанного с потом. Пан помахал лапой перед носом. Лира еще раз внимательно осмотрела бумажник снаружи, она искала монограмму, но не нашла.

Внутри бумажник тоже оказался совершенно обычным и ничем не примечательным. В одном отделении лежали четыре английские банкноты, шесть монет по доллару и сотня франков – скромная сумма. В другом кармашке обнаружился обратный билет на поезд из Парижа в Марсель.

– Он был француз? – спросил Пан.

– Пока не знаю, – сказала Лира. – Смотри-ка, фото!

Из третьего отделения она достала потертую и грязную карточку, удостоверяющую личность владельца. На фотографии она увидела лицо мужчины лет сорока, с черными курчавыми волосами и тонкими усиками.

– Это он, – подтвердил Пан.

Удостоверение было выдано Министерством иностранных дел Его Величества на имя Энтони Джона Родерика Хассала, гражданина Британии. Судя по дате рождения, Хассалу было тридцать восемь лет.

На фотографии деймона была запечатлена не крупная хищная птица, вроде ястреба, но меньше. Пан разглядывал снимки с напряженным интересом и сочувствием.

Следующий предмет из бумажника оказался Лире хорошо знаком: такая же карточка – читательский билет Бодлианской библиотеки – лежала и в ее сумочке. Пан удивленно пискнул.

– Значит, он был из университета, – заметил он. – Смотри, а это что такое?

Третья карточка оказалась удостоверением факультета ботаники. Она подтверждала, что доктор Родерик Хассаль числился в штате отделения прикладной ботаники.

– Почему же они на него напали? – спросила Лира, не надеясь на ответ. – Может, он был богато одет? Или нес что-нибудь такое?

– Они сказали... – Пан замолчал, стараясь вспомнить как можно точнее. – Один из них... тот, который убил его... Он удивился, что у него не было с собой сумки. Они как будто рассчитывали, что он будет что-то нести. Но второму – тому, которого ранили, – было не до того.

– А у него точно не было сумки? Ни портфеля, ни чемодана?

– Нет. Ничего.

Следующую бумажку, судя по ее состоянию, часто сворачивали и разворачивали: места сгибов протерлись настолько, что владельцу пришлось укрепить их клейкой лентой. Заголовок гласил: LAISSEZ-PASSER³.

– Что это? – спросил Пан.

– По-моему, что-то вроде паспорта...

Выпущен этот проездной документ был в Константинополе, Министерством внутренней безопасности Высокой Порты – правительства Османской империи. На трех языках – французском, английском и анатолийском – он подтверждал, что Энтони Джон Родерик Хассаль, ботаник из Оксфорда (Британия) имеет право свободного проезда по всей территории Османской империи, и призывал местные власти оказывать ему любое содействие и предоставлять необходимую защиту.

– А Османская империя большая? – спросил Пан.

– Огромная! Турция, Сирия, Ливан, Египет – и дальше. Больше тысячи миль на восток. Погоди-ка, тут еще один...

– И еще!

Один пропуск был выпущен Туркестанским каганатом, включавшим в себя области Бактрию и Согдиану, другой – префектурой Синьцзян Небесной империи Китая. В них почти в тех же словах говорилось то же, что и в паспорте Османской империи.

– Эти просрочены, – заметила Лира.

– Но синьцзянский выпущен раньше, чем туркестанский. Значит, он ехал из Китая, и путешествие заняло... три месяца! Неблизкий путь!

– Тут что-то еще.

Лира вытащила еще одну бумажку из внутреннего кармана – тоже сложенную во много раз. Но это был не пропуск, а листовка пароходной компании – «Имперских восточных путей» – с рекламой круиза по странам Леванта на судне под названием «Зиновия». Текст на английском обещал «целый мир романтики и солнечного света».

«Мир шелков и благовоний, – прочитал вслух Пан, – ковров, сластей и дамасских клинков, и прелестных очей, сверкающих под небом, усыпанным звездами...»

«Танцы под романтическую музыку Карло Померини и его Оркестра салонных серенад, – подхватила Лира. – Волнующий шепот лунного света, озаряющего безмятежные воды Средиземного моря...» Как, интересно, лунный свет может шептать? «Левантинский круиз “Имперских восточных путей” – это ворота в чарующий мир...» Пстой-ка, Пан... Смотри!

На обороте было отпечатано расписание с датами прибытия в разные порты. Из таблицы следовало, что «Зиновия» должна была покинуть Лондон в четверг 17 апреля и вернуться в Саутгемптон в субботу 23 мая, совершив по пути остановки в четырнадцати городах. И дата одной из этих остановок – понедельник 11 мая, в Смирне, – была обведена кружком. К кружку кто-то пририсовал стрелку, ведущую к надписи на полях: «Кафе “Анталья”, площадь Сулеймана, 11 утра».

³ «Разрешение на въезд» (фр.).

– Место встречи! – воскликнул Пан.

Перепрыгнув со стола на каминную полку, он встал, оперся передними лапами о стену и начал изучать висевший там календарь.

– Дни недели не совпадают. Значит, не в этом году! Погоди... да! Это будет в следующем году! Это еще не случилось. Что будем делать?

– Ну-у-у... – протянула Лира. – Думаю, мы должны отнести это в полицию. Или ты сомневаешься?

– Нет. – Пан прыгнул обратно на стол и еще раз перечитал все бумаги. – Это все, да? В бумажнике больше ничего нет?

– По-моему, нет. – Лира осмотрела его еще раз, прощупав все кармашки. – Ой! Погоди-ка... Тут что-то еще... Монета?

Она перевернула бумажник и потрясла. На стол выпала еще одна вещица, но не монета, а ключ с круглой металлической биркой, на которой был выбит номер 36.

– По-моему, это... – начал Пан.

– Да. Мы уже такое видели... У нас тоже такой был. Но когда?

– В прошлом году... На вокзале...

– Камера хранения! – воскликнула Лира. – Он оставил что-то в ячейке!

– Ту самую сумку, которой при нем не оказалось!

– Наверняка она все еще там.

Лира и Пан уставились друг на друга круглыми глазами.

Затем Лира покачала головой:

– Нет, надо отнести это в полицию. Мы сделали все, что на нашем месте сделал бы каждый. Мы выяснили, кому это принадлежало, и... и...

– Ну, можно отнести все это в Ботанический сад. На отделение прикладной ботаники. Они должны знать, кто он.

– Да, но его убили! Значит, этим должна заниматься полиция. Понимаешь, Пан?

– М-м-м... – пробормотал он. – Да, наверное...

– Но никто не мешает нам кое-что записать. Даты путешествия, место встречи в Смирне...

Так она и сделала.

– И это все? – спросил Пан.

– Да. Сейчас я постараюсь сложить все обратно, как было, а потом пойдем в полицию.

– Но зачем, если честно? Зачем мы все это записываем?

Лира посмотрела на Пана, затем перевела взгляд на бумажник.

– Просто любопытно, – сказала она. – Вообще, это не наше дело, но так уж вышло, что мы знаем, что произошло там, в камышах. Так что, выходит, это и наше дело тоже.

– И еще он сказал, что теперь все зависит от нас. Не забывай.

Лира положила бумажник в карман, выключила камин, заперла за собой дверь, и они с Паном направились в главный полицейский участок на Сент-Олдейт.

Двадцать пять минут спустя они ждали своей очереди у стойки, за которой дежурный сержант разбирался с человеком, желавшим получить разрешение на отлов рыбы, но не желавшим понимать, что лицензии выдают не в полиции, а в Речном управлении. Спор затянулся, и Лира села на единственный во всей приемной стул и приготовилась ждать до обеда.

Пан сидел у нее на коленях и внимательно следил за всем происходящим. Когда из дальнего кабинета вышли еще двое полицейских и подошли к стойке поговорить с дежурным, он бросил на них взгляд, и Лира тут же почувствовала, как острые коготки впились ей в руку.

Она не шелохнулась. Ясно было, что Пан сейчас объяснит ей, в чем дело, – и действительно, он взбежал ей на плечо и прошептал:

– Это вчерашний человек. Убийца.

Ли́ра услышала, как полицейский – тот, что был более высоким и грузным, – сказал другому:

– Нет, это уже сверхурочные. Все по закону. Точно по книге, не сомневайся.

Голос у него был неприятный – резкий и грубый. И с ливерпульским акцентом.

В ту же секунду человек, пришедший за рыболовной лицензией, сказал дежурному сержанту:

– Ну, раз вы так уверены, делать нечего. Но я хочу письменный отказ.

– Приходите после обеда. Здесь будет дежурить мой коллега, он выдаст вам справку. С подписью и печатью, – пообещал сержант и подмигнул товарищам.

– Так я и сделаю. И не думайте, что я просто так сдамся!

– Мне бы и в голову не пришло, сэр! Слушаю вас, мисс? Чем могу помочь?

Он смотрел на Лиру, а двое полицейских продолжали стоять рядом с ним.

Ли́ра поднялась и сказала:

– Не уверена, что мне нужно именно к вам, но... У меня украли велосипед.

– Вы пришли по адресу, мисс. Заполните эту форму, и мы посмотрим, что можно сделать.

Ли́ра взяла протянутый сержантом бланк.

– Простите, но я сейчас очень спешу. Можно я занесу его позже?

– В любое время, мисс.

Дело об украденном велосипеде не обещало ничего интересного, так что сержант отвернулся и продолжил разговор о сверхурочных, а Ли́ра с Паном чинно вышли за дверь.

– Ну и что мы теперь будем делать? – спросил Пан.

– Пойдем в камеру хранения, что же еще?

Но сперва Ли́ра захотела увидеть место преступления. Пока они шли через Карфакс и дальше к замку, она попросила Пана рассказать ей все еще раз. Оба были так подчеркнуто вежливы и внимательны друг к другу, что у Лиры сводило зубы. Все вокруг – и прохожие на улицах, и все, кого Ли́ра замечала в магазинах и с кем заговаривала на рынке, – общались со своими деймонами без малейших проблем. И чудаковатая крыса Джорджа, владельца кафе, сидела в нагрудном кармане его фартука, отпускала едкие замечания обо всем, что попадалось ей на глаза, – точь-в-точь, как в старые времена, когда Ли́ра была еще ребенком, – и была совершенно довольна Джорджем, а он – ею. Только Ли́ра и Пан никак не могли найти общий язык. Но они очень старались.

Пройдя мимо огородов, они остановились и посмотрели на ворота высокой ограды вокруг почтовой станции – те самые, через которые прошлой ночью перелез один из убийц. Посмотрели на тропу от вокзала, по которой пришла жертва. День был рыночный, и сквозь лягг вагонов, отходящих на запасные пути, и шум дрели где-то на почтовой станции Ли́ра слышала доносившееся издали мычание коров. И повсюду были люди.

– Возможно, за нами сейчас кто-то наблюдает, – заметила она.

– Не исключено.

– Тогда просто побродим здесь немного. Сделаем вид, будто мы замечтались.

Она медленно огляделась. Они стояли между рекой и огородами, на не слишком ухоженной общественной лужайке, где летом местные жители гуляли, устраивали пикники, отдыхали, искупавшись в реке, или играли в мяч. В этой части Оксфорда Ли́ра чувствовала себя чужой, «ее» улицы находились в полумиле к северу. Вместе с уличными мальчишками Иерихона она не раз сражалась с шайками как раз отсюда, из окрестностей Сент-Эбб. Это было очень давно, еще до путешествия на Север, до того, как началась совсем другая жизнь. Теперь она стала взрослой, образованной двадцатилетней девушкой, студенткой колледжа Святой Софии, но на чужой территории ее охватил безотчетный страх. Ли́ра медленно пошла через луг к реке, как будто она вовсе и не искала место убийства, а была занята чем-то совершенно другим.

Через несколько шагов они с Паном остановились посмотреть на груженный углем товарняк, который справа от них полз к деревянному мосту через реку. На этом мосту поезда всегда замедляли ход. Слушая, как громяют вагоны, Лира и Пан дождались, когда последний съедет с моста. Потом посмотрели налево, чтобы полюбоваться другим поездом, который как раз свернул на ветку, ведущую к газовому заводу, и вскоре остановился в тупике у главного здания, откуда днем и ночью доносился рев могучих печей.

– Слушай, Пан, а если бы они на него не напали, куда бы он пошел? – спросила Лира. – Куда ведет эта тропа?

Они стояли у южного края огородов, именно там, где Пан впервые заметил человека, спрятавшегося под ивой. Посмотрев на реку, они увидели ту самую иву и соседний дуб, ярдах в ста ниже по течению. Если бы на человека, пришедшего с вокзала, не напали, тропа повела бы его дальше вдоль берега и вместе с рекой повернула бы налево. Лира и Пан, не сговариваясь, медленно двинулись туда.

Тропа повторяла изгиб реки и упиралась в пешеходный мостик, за которым начинались узкие улочки и сгрудившиеся вокруг газового завода дома – это и был приход Сент-Эбб.

– Вот, значит, куда он должен направлялся, – сказал Пан.

– Да, даже если он шел не именно сюда, а *просто шел* по тропе.

– И, значит, отсюда пришел второй человек... то есть первый... ну, тот, который пришел не с почтовой станции.

– Он мог прийти откуда угодно, – покачала головой Лира. – Вокруг Сент-Эбб целый лабиринт старых улиц. А может, он просто прошел этим путем откуда-то еще. С Сент-Олдейт, из Карфакса... да мало ли откуда!

– Мы никогда этого не узнаем. Во всяком случае, стоять и гадать смысла нет.

Но они оба понимали, почему продолжают стоять здесь, на дальнем конце мостика, и перебирают варианты. Ни Пану, ни Лире не хотелось идти туда, где убили человека.

– Но все-таки надо, – сказала Лира.

– Да. Пошли.

Они повернули обратно и побрели вдоль берега к иве и дубу, туда, где камыши росли гуще, а тропинка раскисла и превратилась в грязь. Лира огляделась, как будто невзначай, но ничего зловещего или опасного не заметила: поодаль у реки играли дети и несколько человек копались на огородах, да старичок со старушкой шли рука об руку по тропе и оба несли по сумке.

Лира и Пан прошли мимо них. Лира поздоровалась, старички улыбнулись и кивнули.

Наконец, они добрались до дуба. Пан перепрыгнул на него прямо с плеча Лире и показал ей ветку, на которой сидел прошлой ночью. Потом спрыгнул на траву и побежал к иве.

Лира пошла за ним, высматривая на земле следы борьбы, но не увидела ничего, кроме травы и грязи, истоптанной так же, как и весь этот участок тропы.

– Никто не идет? – спросила она Пана.

Тот вспрыгнул ей на плечо, посмотрел по сторонам.

– По мостику идет женщина с хозяйственной сумкой, с ней ребенок. Больше никого.

– Давай посмотрим в камышах. Где-то тут, да?

– Да. Прямо тут.

– Он оттащил тело к самой воде?

– Нет, просто спрятал в камышах. Там я его и нашел. Но, скорее всего, тот человек потом вернулся и сбросил его в реку.

Лира сошла с тропы и двинулась вниз по склону, в заросли камыша. Стебли были высокие, а склон – крутой, так что уже через пару шагов она скрылась из виду. С луга ее теперь никто не заметил бы. Идти было трудно, и Лира понимала, что туфли наверняка будут испорчены. Но она удержалась на ногах и, пригнувшись, внимательно огляделась. В одном месте

камыши были примяты и в грязи остался след, как будто здесь тащили что-то большое – вполне возможно, человека.

Но тела, конечно, уже не было.

– Нельзя торчать здесь так долго, – сказала она, выбираясь из зарослей. – Мы и действительно выглядим подозрительно.

– Тогда идем на вокзал!

Проходя мимо почтовой станции, они услышали большой колокол Кардинал-колледжа, прозвонивший одиннадцать, и Лира подумала о лекции, на которой должна была сейчас сидеть, – последней в семестре. Но Анни и Хелен точно ее не пропустят, она потом возьмет у них конспекты. А тот симпатичный и застенчивый мальчик из Магдалины, наверное, опять сидит на заднем ряду... Можно было бы сесть рядом с ним и посмотреть, что из этого выйдет. И жизнь бы снова наладилась. Вот только она не наладится, пока в кармане у нее лежит этот ключ от камеры хранения.

– Раньше ты была безрассудной, – сказал Пан, – а я тебя все время сдерживал. Теперь мы поменялись.

Лира кивнула.

– Ну, со временем все меняется... Можно ведь было просто подождать и вернуться в Сент-Олдейт, когда тот полицейский уйдет со службы. Например, сегодня вечером, часов в шесть. Не могут же они все быть с ним в сговоре! Наверняка там есть хоть кто-то честный. Это тебе не... в общем, это совсем не то, что какая-нибудь мелкая кража. Это убийство.

– Знаю. Сам видел.

– И может быть, вмешиваясь в это, мы помогаем убийце выйти сухим из воды. Препятствуем расследованию. Это неправильно.

– Опять... – пробормотал Пан.

– Что?

– Раньше ты верила в лучшее. За что бы мы ни брались, ты была уверена, что у нас все получится. Даже когда мы вернулись с Севера, ты все еще так считала. А теперь ты осторожничаешь, о чем-то тревожишься... Ты стала пессимисткой.

Лира понимала, что он прав, но с его стороны нехорошо было ее упрекать. Как будто это она виновата!

– Я была еще маленькой, – вот и все, что она смогла ответить.

Пан не откликнулся.

До самого вокзала они шли молча, и только там Лира позвала:

– Пан, иди ко мне.

Он тут же запрыгнул ей на руки, Лира посадила его на плечо и тихо сказала:

– Смотри мне за спину. На случай, если за нами кто-нибудь наблюдает.

Пан повернулся назад и поудобнее уселся у нее на плече, пока она поднималась по ступенькам к входу в вокзал.

– Не иди сразу к ячейкам, – прошептал Пан. – Сначала посмотри журналы. А я огляжусь, нет ли тут кого-нибудь, кто не поезда ждет, а высматривает, не придет ли кто за той сумкой.

Лира кивнула и, повернув за дверью вокзала налево, направилась к книжному прилавку. Пока она листала журналы, Пан присматривался к людям, стоявшим в очереди за билетами, сидящим за столиками в кафе, изучавшим расписание или спрашивавшим о чем-то в справочной.

– Кажется, все чем-то заняты, – тихо сообщил он. – Никого, кто болтается без дела, не видно.

Лира нащупала в кармане ключ.

– Ну так что, можно идти?

– Да, давай. Только не торопись. Иди спокойно. Посмотри на часы или на расписание...

Ли́ра положила журнал и отвернулась от прилавка. Ей казалось, что на нее со всех сторон уставилась пара сотен глаз, но Ли́ра напустила на себя беспечный вид и неспешно двинулась на другой конец зала, к камере хранения.

– Пока все в порядке, – успокоил ее Пан. – Никто на нас не смотрит. Давай!

Ячейка номер 36 оказалась на уровне пояса. Ли́ра повернула ключ, открыла дверцу и увидела внутри потрепанный холщовый рюкзак.

– Надеюсь, он не слишком тяжелый, – пробормотала она и потянула рюкзак на себя, оставив ключ в замке.

Рюкзак оказался тяжелым, но Ли́ра без труда забросила его на правое плечо.

– Вот бы мы могли делать, как Уилл, – сказала она.

Пан понял, что она имеет в виду. Уилл Парри мог становиться невидимым, и эта способность в обычном мальчике изумляла северных ведьм, которые умели исчезать таким же способом: становясь настолько неинтересными для окружающих, что их переставали замечать. Уилл оттачивал это умение всю жизнь, чтобы прятаться от полицейских и социальных работников, которые могли заинтересоваться, почему это он не в школе, начать расследование и разлучить его с любимой матерью, которую терзали страхи, временами помрачавшие ее ум.

Когда Уилл рассказал Ли́ре о том, как он жил и как трудно было отводить от себя лишнее внимание, она сначала поразились, как человек может выдерживать такое одиночество, затем восхитилась его храбростью, а потом подумала, что ведьмы не зря так высоко оценили его искусство.

В который раз она задумалась о том, как он поживает и чем занимается, все ли в порядке с его матерью и как он теперь выглядит... Но Пан зашептал ей на ухо:

– Пока все в порядке, но давай побыстрее. На ступеньках вокзала какой-то человек, он на нас смотрит.

Они уже вышли на площадь перед вокзалом, где останавливались, высаживая и подбирая пассажиров, автобусы и такси. Замечтавшись об Уилле, Ли́ра даже не заметила, как далеко они отошли от камеры хранения.

– Опиши его, – тихо сказала она.

– Высокий. В черной фетровой шляпе. Деймон похож на мастиффа.

Ли́ра зашагала чуть быстрее – в сторону Хитбридж-стрит, которая вела к центру города.

– Все еще смотрит?

– Да.

Прямой путь до Иордан-колледжа был, разумеется, самым быстрым, но и самым опасным – они с Паном все время будут на виду, пока будут идти по Хитбридж, а затем по Джордж-стрит.

– А сейчас смотрит? – спросила Ли́ра.

– Нет... мы за зданием гостиницы.

– Тогда держись крепче.

– Что ты...

Ли́ра метнулась через дорогу и нырнула под перила пристани, где разгружались угольные баржи с канала. Не обращая внимания на уставившихся на нее прохожих, она промчалась мимо парового крана, обогнула здание Речного управления и выскочила через переулок во дворы Джордж-стрит.

– Не вижу его, – сказал Пан, повертев головой.

Ли́ра выбежала на Балворкс-лейн – узкий проход между двумя высокими стенами, которых могла бы коснуться, разведя руки. Здесь было пусто, и, случись что, никто не пришел бы ей на помощь... Но Ли́ра благополучно добралась до конца переулка и резко свернула налево, во дворы за часовней Святого Петра, а оттуда – на многолюдную торговую улицу Нью-Инн-Холл.

– Пока все хорошо, – заверил Пан.

Перебежав через дорогу, Лира юркнула в короткий переулок за отелем «Кларендон» – он назывался Сью-лейн. Тут царили сырость и грязь; какой-то мужчина стоял над мусорным баком, неспешно пересыпая в него отбросы из ведра, а его деймон, толстая апатичная свинья, валялась рядом на земле и грызла репку.

Лира перепрыгнула через свинью. Мужчина испуганно отпрянул и выронил сигарету изо рта.

– Эй! – возмущенно крикнул он, но Лира уже выбежала на Корнмаркет – главную торговую улицу города, запруженную грузовыми машинами, полную пешеходов.

– Продолжай следить, – бросила она Пану и побежала дальше, через дорогу и мимо Голден-Кросс-инн, по переулку, который вывел ее на Крытый рынок.

– Все, больше не могу, – выдохнула она. – Проклятый рюкзак слишком тяжелый.

Она пошла через рынок обычным шагом, не теряя бдительности и в то же время стараясь незаметно перевести дух. Отсюда уже недалеко: на Маркет-стрит, затем налево, на Терл-стрит, а там еще каких-то пятьдесят ярдов – и вот он, Иордан-колледж! Идти меньше минуты. Держа под контролем каждую мышцу, Лира спокойно шагала вперед.

Не успели они переступить порог Иордан-колледжа, как следом вошел еще один человек.

– Лира! Привет! Как прошел семестр?

Этот дружелюбный рыжий здоровяк, доктор Полстед, был историком – и совершенно не тем, с кем Лире сейчас хотелось поговорить. Несколько лет назад он перешел из Иордана в Дарем, но время от времени заглядывал на старое место работы.

– Хорошо, спасибо, – вежливо ответила она.

В ту же секунду мимо прошла группа студентов – на семинар или на лекцию. Лира даже не посмотрела на них, зато все они так и уставились на нее и даже замолчали, словно смутившись. Когда они скрылись за углом, доктор Полстед сообразил, что более развернутого ответа от Лире не дожидается, и повернулся к привратнику, а Лира пошла к себе. Через несколько минут они с Паном вошли в свою старую комнату на верхней площадке лестницы № 1. Облегченно выдохнув, Лира бросила рюкзак на пол и заперла дверь.

– Ну что ж, в это дело мы влипли по уши, – заметил Пан.

Глава 4. Серебро колледжа

– И что пошло не так? – спросил Марсель Деламар.

Генеральный секретарь находился у себя в кабинете в *La Maison Juste* и обращался к молодому человеку, темноволосому, худому, хмурому, одетому совершенно обычно и державшемуся напряженно. Тот сидел на диване, вытянув ноги во всю длину и засунув руки в карманы. Его ястреб свирепо смотрел на Деламара.

– Если нанимать на работу головотяпов... – начал гость.

– Отвечайте на вопрос.

Молодой человек раздраженно пожал плечами.

– Они все испортили. Проявили полную некомпетентность.

– Он мертв?

– Кажется, да.

– Но они же ничего не нашли. При нем была сумка или чемодан?

– Таких деталей я не вижу. Но вряд ли.

– Тогда посмотри еще раз. И повнимательнее.

Молодой человек лениво взмахнул рукой, словно прогоняя идею прочь. Он хмурился, глаза были полуприкрыты, на белом лбу блестела пелена пота.

– Вы нездоровы? – спросил Деламар.

– Вы сами знаете, как на меня влияет новый метод. Это большое напряжение для нервов.

– Вам достаточно много платят, чтобы примириться с этим неудобством. И, между прочим, я вам говорил не пользоваться новым методом. Я ему не доверяю.

– Да, да, хорошо, я посмотрю. Но не сейчас. Мне нужно прийти в себя. Но прежде я должен вам кое-что сообщить. Кто-то наблюдал.

– За чем? За операцией? Кто это был?

– Понятия не имею. Не могу сказать. Но там точно был кто-то еще... И он все видел.

– А исполнители догадались?

– Нет.

– Это все, что вам известно?

– Да. Все, что можно было узнать. Кроме разве что...

Но больше он ничего не сказал. Генеральному секретарю была хорошо знакома эта его манера, надо было просто подождать. И в конце концов молодой человек заговорил снова:

– Кроме разве что того факта, что это могла быть она. Та девушка. Учтите, я ее не видел... но это *могла быть* она.

Говоря это, он пристально смотрел на Деламара. Его работодатель написал пару фраз на официальном бланке, сложил его пополам и надел на ручку колпачок.

– Прощу, Оливье. Отнесите это в банк, а потом отдохните как следует. Хорошо ешьте. Восстановите силы.

Молодой человек развернул бумагу, внимательно прочел и лишь затем снова сложил, положил в карман и молча вышел. Однако прежде он успел кое-что заметить – то, чего ни разу не видел раньше: при упоминании о девушке губы Марсея Деламара дрогнули.

* * *

Лира бросила рюкзак на пол и упала в старое кресло.

– Почему ты спрятался, когда увидел доктора Полстеда? – спросила она.

– Я не прятался, – возразил Пантелеймон.

– Еще как прятался. Юркнул ко мне под пальто, едва заслышав его голос.
– Просто не хотел мешать, – сказал он. – Давай скорее откроем и посмотрим, что внутри. Он уже внимательно обнюхивал рюкзак, поднимая носом пряжки.
– Это точно его – тот же самый запах. Не из тех одеколонов, какие делает отец Мириам.
– Сейчас нельзя, – возразила Лира. – У нас всего двадцать минут, чтобы добежать до колледжа и успеть к доктору Либерсон.

Каждому студенту полагалось ближе к концу семестра явиться к своему наставнику и выслушать все, что тот хочет ему сказать: похвалу, увещевание работать усердней, благодарность за хорошую работу, рекомендации по списку чтения на каникулах. Лира никогда не пропускала эти официальные встречи, и если она сейчас не поторопится...

Она встала, но Пан не двинулся с места.

– Это лучше спрятать, – сказал он.

– Зачем? Сюда все равно никто не зайдет. Тут совершенно безопасно.

– Я серьезно. Вспомни того человека вчера ночью. Кому-то эта вещь так нужна, что он готов убить за нее.

Лира согласилась, что это не лишено смысла, и откинула линиялый ковер. Под досками у них было особое место, куда можно было прятать всякие вещи. Правда, слишком маленькое, но они все равно сумели запихать туда рюкзак и прикрыли все сверху ковром. Уже мчась по лестнице вниз, Лира услышала, как часы на Иордане отбивают без четверти одиннадцать.

* * *

Они успели ровно за минуту до назначенного времени и теперь сидели, красные и запыхавшиеся, слушая похвалы доктора Либерсон. Судя по всему, Лира делала успехи и даже начала разбираться в тонкостях средиземноморской и византийской политики, хотя, конечно, всегда есть опасность решить, будто поверхностное знание событий ничем не отличается от фундаментального понимания стоящих за ними принципов. Лира соглашалась и с воодушевлением кивала. Она и правда могла подписаться под каждым словом. Ее наставник – молодая леди с коротко подстриженными светлыми волосами и деймоном-щеглом – наградила ее скептическим взглядом.

– Непременно читайте литературу, – сказала она. – Франкопан очень хорош. У Хьюза-Уильямса неплохая глава о левантийской торговле. И не забудьте...

– О, да – торговля. Доктор Либерсон, а с Левантом – простите, что перебила! – всегда торговали розами, благовониями и тому подобными вещами?

– И еще курительным листом. Да, с тех пор как его открыли. Важным поставщиком розового масла и аттара в Средние века была Болгария. Но торговля с ней очень пострадала от Балканских войн и пошлин, которыми Османская империя обложила перевозки через Босфор. Кроме того, у них несколько изменился климат, и тамошние производители больше не могли выращивать лучшие коммерческие сорта. Поэтому рынок сдвинулся на Восток.

– Вы не знаете, почему у них сейчас проблемы?

– А у них проблемы?

Лира вкратце описала положение, в которое попал отец Мириам, упомянула о невозможности раздобыть сырье для фабрики.

– А вот это уже интересно, – задумчиво сказала доктор Либерсон. – История, как видишь, не заканчивается – она продолжается все время, в том числе и в наши дни. Думаю, нынешние проблемы объясняются в основном региональной политикой. Я изучу этот вопрос. Хороших каникул, Лира.

* * *

Конец осеннего семестра был традиционно отмечен рядом церемониальных мероприятий – своих у каждого колледжа. Святая София в целом не одобряла ритуалов – *ни, хорошо, если уж вы так настаиваете!* – и потому ограничилась обычным для таких случаев чуть более сносным ужином для студентов и преподавателей. Иордан, напротив, закатил Пир основателей – великолепный и кулинарно избыточный. В юные годы Лира всегда с нетерпением предвкушала Пир основателей – не потому, что ее на него приглашали (разумеется, нет), а потому, что это был шанс заработать несколько гиней, полируя серебро. Это само по себе уже стало традицией, и после быстрого ланча с подругами в Святой Софии (Мириам, кажется, заметно повеселела) Лира помчалась в буфетную Иордана, где мистер Коусон, стюард, уже выставил на стол батарею блюд, тарелок, кубков и чаш и к ним большую жестянку «Редверса».

Стюард был старшим из слуг и отвечал за все церемонии колледжа – за парадные ужины, серебро и Гостиную со всеми ее сокровищами. Некогда Лира боялась мистера Коусона больше всех в Оксфорде, но в последние годы он вдруг начал проявлять совершенно неожиданную человечность. Она села в торце стола, накрытого грубым зеленым сукном, обмакнула влажную тряпку в полировальный порошок и принялась натирать посуду, пока отражения в серебре не поплыли и не растворились в свете нефтяных ламп.

– Хорошая попытка, – заметил стюард, поворачивая чашу и придирчиво изучая безупречное сияние.

– Сколько это все стоит, мистер Коусон? – полюбопытствовала Лира, берясь за самое громадное блюдо – фута два в поперечнике, с круглым углублением посередине.

– Этому серебру нет цены, – отозвался тот. – Его невозможно заменить. Сейчас такого не купишь, подобные вещи просто перестали делать. Навык утрачен. Вот этому, – он указал на блюдо, над которым трудилась Лира, – триста сорок лет, оно толщиной в две гиней. Никакими деньгами такое не измерить. Вероятно, этот пир – последний, где мы его используем, – добавил он со вздохом.

– Что, правда? Но почему?

– Ты же никогда не видела Пир целиком, да? – сказал старик. – Ужинала в зале и даже за высоким столом, но никогда не оставалась до конца Пира, не так ли?

– Ну, меня же не приглашали, – кротко заметила Лира. – Это было бы неправильно. И в Гостиную меня бы потом тоже не позвали, не говоря уж обо всем прочем.

– Гм-м, – с непроницаемым лицом протянул мистер Коусон.

– Так что, нет, я понятия не имею, зачем нужно это большое блюдо. Трюфели подавать, на десерт?

– Попробуй поставь его.

Лира опустила посудину на стол. Она перекатилась на круглом выпуклом доньшке, наклонилась и замерла в таком положении.

– Неудобное оно какое-то, – заметила Лира.

– Потому что его не ставят – его носят. Это емкость для розовой воды.

– Для розовой воды? – Лира с новым интересом посмотрела на старика.

– Именно. После мяса и перед десертом гостям приносят розовую воду в четырех чашах. Эта – самая лучшая. Джентльмены из колледжа и их гости могут смочить пальцы или, если пожелают, салфетку. Но в этом году нам перестали поставлять розовую воду. Хватит только для этого Пира.

– А разве нельзя достать еще? Розы-то везде растут. У магистра в саду полно роз! Из них же можно сделать розовую воду... Да я бы сама смогла! Вряд ли это так уж трудно.

– О, в английской розовой воде недостатка нет, – сказал стюард, снимая с полки над дверью тяжеленную бутылку. – Но она... слишком водянистая. В ней нет тела, субстанции. Самую лучшую привозят из Леванта и даже из более отдаленных мест. Вот, понюхай.

Он вынул пробку. Лира склонилась над бутылкой, и на нее пахло густым ароматом всех роз, какие цвели в этом мире с начала времен. Нежность и мощь его были столь глубоки, что выходили за пределы сладости и сложности и там, по ту сторону, превращались в нечто ясное, чистое, прекрасное и совершенное в своей простоте. Так мог бы пахнуть сам солнечный свет.

– О, – сказала она. – Теперь я поняла. И это все, что осталось?

– Да, последнее, что я сумел достать. Думаю, у мистера Эллиса, казначея в Кардинал-колледже, припрятано несколько бутылок, но он бережет их как зеницу ока. Придется налаживать с ним отношения.

Мистер Коусон всегда говорил так сухо, что трудно было понять шутит он или уже нет. Но история с розовой водой была очень уж интересной.

– Так откуда, вы сказали, взялась вот эта вода, та, что лучше всего? – переспросила Лира.

– Из Леванта. В основном из Сирии и Турции, насколько я понимаю. Говорят, знатоки чувствуют разницу и понимают, из какой именно страны привезена вода, но мне это никогда не удавалось. Это же не вино – токай или портвейн, когда в каждом бокале целая сокровищница вкуса, и стоит только разобраться, как уже не спутаешь один винтаж с другим. Не говоря уж о разных сортах вина. Когда речь о вине, ты можешь пользоваться языком и всеми его вкусовыми сосочками, к твоим услугам весь рот. А розовая вода – это же только запах. Однако я уверен, что есть люди, которые могут отличить одну воду от другой.

– А почему возникли перебои с поставками?

– Полагаю, все дело в тле. Итак, Лира, ты закончила?

– Только один подсвечник остался, вот этот. Мистер Коусон, а кто поставляет вам розовую воду? У кого вы ее покупаете?

– У фирмы под названием «Сиджвик». Почему ты вдруг заинтересовалась розовой водой?

– Да я вообще всем интересуюсь.

– Действительно, а я и забыл. Ну, тогда тебе пригодится вот это...

Открыв ящик, он вынул крошечную стеклянную бутылочку, размером не больше мизинца Лире.

– Так. Вынимай пробку. Держи ровнее.

Лира сделала, как велел мистер Коусон, и тот с величайшей осторожностью идеально твердой рукой наполнил флакон розовой водой из большой бутылки.

– Вот, – сказал он. – Столько мы можем потратить. Раз уж тебя не приглашают на Пир и в Гостиную тоже не пускают, пусть у тебя будет это.

– О, – сказала Лира. – Спасибо.

– Теперь тебе пора. Кстати, если захочешь узнать про Левант, Восток и все остальное, спроси у доктора Полстеда из Дарема.

– А, точно. Спасибо вам, мистер Коусон.

Она вышла из буфетной в самое начало зимнего вечера и без особого энтузиазма посмотрела через Броуд-стрит на здание Даремского колледжа. Доктор Полстед сейчас точно у себя. Можно перейти дорогу, постучать в дверь... Он наверняка впустит ее, радушно усадит в кресло и примется рассказывать про левантийскую историю так долго и нудно, что уже через пять минут она пожалеет, что пришла.

– Ну что? – спросила она Пана.

– Ой, нет. Можем зайти в любое другое время. О рюкзаке ему все равно рассказывать нельзя. Он скажет: идите в полицию, а мы скажем, что не можем, и...

– Пан, в чем дело?

– А в чем дело?

– Ты мне чего-то не договариваешь.

– Вовсе нет. Пошли посмотрим на рюкзак.

– Не сейчас. Это может и подождать. Не забывай, нам еще нужно работать. Начнем сегодня, меньше останется на завтра.

– Ну, давай хотя бы рюкзак с собой возьмем.

– Нет! Он сейчас в полной безопасности. Скоро мы вернемся в Иордан на каникулы, а если взять его сейчас в Софию, ты все время будешь подбивать меня посмотреть, что там.

– И вообще я не подбиваю.

– Ты даже сам не замечаешь.

Когда они вернулись в колледж, Пан тут же притворился, что ложится спать, а Лира принялась проверять ссылки в окончательном варианте эссе... и думать про рюкзак. Через некоторое время она надела последнее чистое платье и отправилась вниз, ужинать.

На ужин была вареная баранина, а подружки уговаривали ее пойти с ними на концерт в муниципалитете, где весьма привлекательный молодой пианист будет сегодня играть Моцарта. Это звучало очень соблазнительно, но сегодня мысли Лире были заняты другим, так что, разделавшись с рисовым пудингом, она тихонько ускользнула, накинула пальто и отправилась по Брод-стрит в паб под названием «Белая лошадь».

Молодым леди вообще-то не полагалось вот так, запросто, в одиночестве ходить по пабам, но Лира в своем теперешнем настроении совсем не была похожа на леди. К тому же она кое-кого искала и почти сразу нашла. Бар в «Белой лошади» был маленький и узкий. Чтобы убедиться, здесь ли тот, кого она ищет, Лире пришлось пробираться через обычное вечернее столпотворение офисных служащих – в маленький закуток в глубине. В разгар семестра он был бы битком набит студентами, потому что «Белая лошадь», в отличие от других пабов, пользовалась популярностью как у городских, так и у обитателей колледжей. Год заканчивался, и студенты должны были скоро разъехаться – до середины января. Но сегодня Лира пришла сюда не как студентка, а как местная жительница.

Тут-то, в закутке, она и нашла Дика Орчарда в компании Билли Уорнера и двух незнакомых девчонок.

– Привет, Дик, – сказала она.

Его физиономия – очень симпатичная физиономия – просияла. Волосы у Дика были черные, кудрявые и блестящие, черты лица точеные, кожа загорелая и здоровая. Такие лица хорошо выходят на фотограммах: ничего не плывет, не размазывается, а в глазах плещется смех и веселье.

На шее у Дика красовался сине-белый платок в горошек, в цыганском стиле. Его демон, хорошенькая лисичка, тут же радостно вскочила, чтобы поздороваться с Паном. Эти двое всегда друг другу нравились. Когда Лире было девять лет, Дик возглавлял банду мальчишек, которые толклись вокруг рынка. Она тогда очень его уважала за то, что он умел плевать дальше всех. А совсем недавно у них произошел краткий, но бурный роман, и, что самое главное, они сумели расстаться друзьями. Лира искренне обрадовалась, обнаружив его тут, но виду, конечно, не подала – только не на глазах у других девушек.

– Ты где была? – тут же спросил Дик. – Много недель тебя не видел.

– Дела, – уклончиво ответила Лира. – Встречалась с разными людьми. Книжки читала.

– Привет, Лира, – поздоровался и Билли, славный парень, который еще с начальной школы ходил за Диком хвостом. – Как поживаешь?

– Привет, Билли. Найдется мне тут местечко?

– Это еще кто такая? – спросила одна из девиц.

Вопрос проигнорировали, Билли подвинулся на длинной скамье, и Лира села рядом.

– Эй, – сказала другая. – А полегче задницей двигать нельзя?

На нее Лира тоже не обратила внимания.

– Все еще работаешь на рынке, Дик? – спросила она.

– Не-а. Поматросил и бросил. Так, то картошку гребу, то капустой кидаюсь. Я на почтовом складе работаю. Что пить будешь, Лира?

– «Барсука».

Лира внутренне порадовалась, что не ошиблась насчет его работы.

Дик встал и протиснулся мимо одной из девиц.

– Да ты что вообще творишь, Дик? – возмутилась та. – Она вообще кто?

– Моя подружка.

Он бросил взгляд на Лиру с ленивой улыбкой на дне глаз. Она ответила спокойным, смелым, заговорщическим взглядом.

Дик ушел. Девица подхватила сумочку и, жалуясь и бурча, поплелась следом. Лира на нее даже не посмотрела.

– Как он сказал тебя зовут – Лира? – спросила другая девица.

– Да.

– Это Элен, – представил ее Билли. – Работает на телефонной станции.

– Славно, – сказала Лира. – Ну, а ты, Билли, чем занимаешься?

– Я у Аскотта на Хай-стрит.

– Пианино продаешь? Не знала, что ты умеешь играть.

– Не умею. Я их грузу. Сегодня в мэрии концерт, у них там рояль так себе, вот они и взяли у нас напрокат другой, хороший. Три человека его тащили, но были бы деньги, а люди найдутся. А ты что делаешь? Уже все экзамены сдала?

– Не-а.

– Какие экзамены? Ты, что ли, студентка? – в разговор снова вмешалась Элен.

Лира кивнула. Вернулся Дик с полпинтой «Барсука». Девушка, которая пошла за ним в бар, куда-то исчезла.

– О, половинка. Спасибо за половинку, Дик. Если бы я знала, что ты не при деньгах, я бы воды спросила.

– А где Рейчел? – поинтересовалась Элен.

– Я взял полпинты, потому что читал в газете статью, – Дик поставил стаканы на стол и сел. – Там сказано было, что женщине за раз можно выпить вот столько, и не больше. Не то от слишком крепкого питья и у них совсем мозги набекрень, и начинают их одолевать всякие разнузданные желания и вождения.

– Верно, с этим ведь не каждый парень справится, – согласилась Лира.

– Ну, я-то могу, но есть ведь ни в чем не повинные очевидцы, – возразил Дик.

– А Рейчел что, ушла? – не унималась Элен, рыская взглядом в толпе.

– Ты сегодня прямо совсем как цыган, – сказала Лира Дику.

– Нужно показывать себя с лучшей стороны, – усмехнулся тот.

– Считаешь, что твоя лучшая сторона – цыганская?

– Ты разве забыла, что у меня дедушка – цыган? Джорджо Брабант! Тоже красавец, весь в меня. Приедет в Оксфорд на этой неделе, я вас познакомлю.

– Ну, с меня хватит, – заявила Элен.

– Ой, да ну тебя, Элен...

– Я ухожу с Рейчел. Можешь тоже пойти. Или как хочешь!

Она встала, и деймон-скворец у нее на плече захлопал крыльями.

Билли вопросительно посмотрел на Дика, тот пожал плечами, и Билли тоже поднялся из-за стола.

– Пока, Дик. Пока, Лира, – и он повел девушку на улицу через переполненный паб.

– Смотри-ка, – заметил Дик. – Мы остались одни.

– Расскажи мне про почту. Что ты там делаешь?

– Это главный сортировочный склад всей южной Англии. На особых почтовых поездах привозят запечатанные мешки, а мы их открываем и сортируем, что куда. Потом выносим в ящиках – разного цвета для разных мест – и грузим на другие поезда или на дирижабли, если почта в Лондон.

– И так целый день? – спросила Лира.

– И день, и ночь. Круглые сутки. А тебе зачем?

– Нужно. Может, скажу потом, а может, и нет. Какие у тебя смены?

– На этой неделе ночные. Сегодня в десять начинаю.

– А есть у вас там такой человек... крупный, коренастый? Кажется, работал в понедельник ночью, и вчера ночью тоже. У него еще что-то с ногой.

– Странный вопрос. У нас там сотни человек работают, особенно в это время года.

– Да уж, надо полагать...

– Но я, похоже, знаю, о ком ты говоришь. Есть один большой и довольно жуткий тип, его зовут Бенни Моррис. Сегодня я от кого-то слышал, что он вроде с лестницы свалился и ногу повредил. Жалко, что не шею. И он работал вчера ночью – по крайней мере, первую половину смены, а потом взял и смылся. Во всяком случае, после полуночи его никто не видел. А сегодня вечером говорили, что он ногу сломал или типа того.

– А со склада легко выбраться, так, чтобы никто не заметил?

– Только не через главные ворота, там точно кто-нибудь увидит. Зато довольно легко перескочить через забор. Ну, или пролезть через него. Лира, да в чем дело?

Бинди – его деймон – вспрыгнула рядом с ним на скамью и теперь смотрела девушку блестящими черными глазами. Пан сидел на столе рядом с локтем Лире. Оба деймона внимательно следили за беседой.

Лира наклонилась к Дик и понизила голос:

– Вчера ночью, примерно после полуночи, кто-то перелез через складские ворота со стороны огородов, пошел вдоль реки и встретился с другим человеком, который прятался среди деревьев. Потом со стороны вокзала пришел еще один, и они вдвоем на него напали. Убили его и спрятали тело в камышах. Но сегодня утром трупа там не было. Мы проверили.

– Откуда ты все это знаешь?

– Оттуда, что мы все это видели.

– А в полицию почему не пошли?

Лира медленно сделала глоток пива, не сводя глаз с Дика.

– Мы не можем, – сказала она, наконец. – Есть причина.

– Что вы там вообще делали, у реки, да еще после полуночи?

– Реку воровали. Неважно, что мы делали, это к делу не относится. Но мы там были и все видели.

Бинди внимательно посмотрела на Пана. Пан посмотрел на нее таким же кротким и невинным взглядом, каким Лира смотрела на Дика.

– А эти двое тебя не видели?

– Если бы видели, то погнались бы за нами и постарались бы тоже убить. Дело вот в чем: они не ждали, что их жертва станет сопротивляться, но у того человека был нож, и он порезал одному из нападавших ногу.

Дик слегка отшатнулся и удивленно заморгал.

– И, говоришь, ты видела, как они бросили тело в реку?

– Ну, в камыши. А потом они ушли в сторону пешеходного моста и газовой станции. Один помогал другому, тому, у кого нога пострадала.

– Если тело просто швырнули в камыши, значит, им потом пришлось вернуться и избавиться от него. Его же там мог найти кто угодно. Дети вечно возле реки играют, и люди по тропинке ходят туда-сюда. Днем уж точно.

– Мы не стали дожидаться.

– Ну, еще бы.

Ли́ра допила пиво.

– Еще хочешь? На сей раз принесу тебе пинту.

– Нет, спасибо. Я скоро пойду.

– Тот, другой человек... Не тот, на кого напали, а который ждал. Ты успела его разглядеть?

– Нет, не особенно. Зато мы его слышали. И именно поэтому, – она оглянулась по сторонам, чтобы убедиться, что на них никто не смотрит, – в полицию мы пойти не можем. Мы слышали одного полисмена, он с кем-то разговаривал. Так вот, это был тот же голос. Тот же самый голос. Убийцей был полисмен.

Дик чуть не присвистнул, но удержался и сделал большой глоток пива.

– Да уж, – пробормотал он, – неувязочка вышла.

– Дик, я не знаю, что мне делать.

– Лучше всего – ничего. Просто забудь обо всем этом.

– Не могу.

– Потому что ты все время об этом думаешь. Подумай о чем-нибудь другом.

Ли́ра кивнула. Лучшего совета она от него не получит. Но тут она действительно подумала кое о чем другом.

– Дик, а у вас ведь нанимают дополнительных рабочих на Рождество? На королевской почте?

– А то. Работу ищешь?

– Возможно.

– Ну, как надумаешь, иди прямо в контору и спроси там. Только учти, работа тяжелая. На то, чтобы повсюду шнырять и играть в детектива, времени точно не останется.

– И не собираюсь. Просто хочу у вас осмотреться. Да и надолго все равно не выйдет.

– Уверена, что не хочешь еще выпить?

– Уверена.

– Чем еще сегодня будешь заниматься?

– Дела делать, книжки читать.

– Побудь со мной. Проведем приятно время. Ты и так всех девчонок распугала – хочешь меня совсем одного оставить?

– Никого я не распугивала.

– Да они тебя до полусмерти испугались!

Ли́ра смутилась и даже начала краснеть. Что и говорить, с обеими барышнями она держалась крайне невежливо. Неужели так трудно было вести хоть немного приветливее?

– В другой раз, Дик.

Сказать это тоже оказалось нелегко.

– Все обещаешь... – проворчал он, впрочем, довольно добродушно.

Понятное дело, ему не составит труда найти себе другую девушку – такую, которой нечего стыдиться и у которой нормальные отношения с ее деймоном. И время они проведут приятно, как он и сказал. На мгновение Ли́ра позавидовала этой другой, неизвестной девушке, потому что Дик и правда был хорошей компанией: он был внимательным и симпатичным... Но тут она вспомнила, что уже через пару недель в этой хорошей компании стала чувствовать себя, как в клетке. В ее жизни столько всего важного – но такого, до чего ему и дела нет или о чем

он даже не знает. Вот, например, об отчуждении, которое возникло между ней и Паном, с ним точно не поговорить!

Она встала, потом вдруг наклонилась и, застав врасплох, поцеловала.

– Долго тебе ждать не придется, – шепнула она.

В ответ Дик улыбнулся. Бинди с Паном ткнулись друг в друга носами, потом Пан запрыгнул Лире на плечо, и они вышли на холодную улицу.

Лира свернула налево, но вдруг остановилась, подумала секунду и перешла через дорогу к Иордан-колледжу.

– Что теперь? – спросил Пан, когда она помахала рукой привратнику.

– Рюкзак.

Они молча поднялись по лестнице в ее старую комнату, заперли за собой дверь, включили газовую лампу, потом закатали ковер и сняли доску. Под ней все оказалось точно в том виде, в каком они оставили.

Вынув рюкзак из тайника, Лира поставила его на кресло, поближе к лампе. Пан свернулся рядом на столике. Лира расстегнула пряжки. Она была бы рада рассказать деймону, до чего ей не по себе – ей было грустно, она испытывала чувство вины и в то же время сгорала от любопытства, – но говорить с Паном было так трудно...

– Кому мы об этом расскажем? – тихо спросил он.

– Это зависит от того, что мы найдем.

– Почему?

– Не знаю. Может, и нет. Давай просто...

Она замолчала на полуслове. Под клапаном рюкзака, на самом верху, лежала аккуратно сложенная рубашка (когда-то она была белой) и свитер из грубой темно-синей шерсти – и то и другое заштопанное, и не раз. Пара изношенных сандалий на веревочной подошве. Жестяная коробочка размером с большую Библию, перетянутая толстыми резинками. Внутри было что-то тяжелое. Лира вертела коробку в руках, но никаких звуков изнутри не раздавалось. Рисунок на крышке почти стерся, но все равно можно было понять, что когда-то в жестянке был турецкий курительный лист. Лира все-таки открыла коробку и увидела внутри несколько флаконов и закрытых картонных коробочек, плотно переложенных ватой.

– Наверное, это имеет какое-то отношение к ботанике, – заметила она.

– Всё? – спросил Пан.

– Нет, еще футляр с туалетными принадлежностями или что-то в этом роде.

В футляре из льялого холста лежали бритва, помазок и почти пустой тюбик зубной пасты.

– Там еще что-то есть, – сообщил Пан, засовывая мордочку в рюкзак.

Лира нащупала книгу – нет, две – и вытащила их. Обе, к несчастью, были на неизвестных ей языках, но, судя по иллюстрациям, одна могла быть учебником по ботанике, а во второй, судя по столбцам недлинных строк, была напечатана большая поэма.

– Но и это еще не все, – заметил Пан.

На самом дне лежала пачка бумаг. Три или четыре статьи из научных журналов, все о растениях; маленькая потрепанная записная книжка, в которой, кажется, были имена и адреса со всей Европы и не только; несколько засаленных и покрытых пятнами страниц, исписанных от руки едва различимыми карандашными строчками. Журнальные статьи были на латыни и немецком, но эти записки – на английском.

– Ну что, – спросил Пан, – прочитаем?

– Конечно, но только не здесь. Тут ужасное освещение. Непонятно, как мы вообще тут работали.

Лира сложила исписанные карандашом страницы и сунула их во внутренний карман пальто, а все остальное положила на место и только после этого отперла дверь, собираясь уходить.

– А мне будет позволено их прочесть? – спросил Пан.

– О, ради бога!

Возвращаясь в колледж Святой Софии, оба не проронили ни слова.

Глава 5. Дневник доктора Штрауса

Лира сварила себе горячего шоколатля и, пододвинув лампу поближе, села за столик у камина. Записки из рюкзака были сделаны карандашом: несколько страниц линованной бумаги, судя по всему, вырванных из школьной тетрадки. Пан устроился рядом – подчеркнуто держась на расстоянии от руки Леры, но достаточно близко, чтобы читать вместе с ней.

Из дневника доктора Штрауса

Таибулак, 12 сентября

Чэнь, погонщик верблюдов, говорит, что однажды бывал в Карамакане и оттуда сумел проникнуть в самое сердце пустыни. Я спросил его, что он там видел. Он сказал: все охраняют жрецы. Он употребил именно это слово, но только потому, что лучшего подобрать не смог. Вроде солдат, сказал он, но жрецы.

И что же они охраняют? Он сказал, какое-то здание. Что внутри, он так и не узнал. Они его не пустили.

Что за здание? Насколько большое? Как оно выглядело? Большое, сказал он, самое большое на свете. Как огромная дюна. Из красного кирпича и очень древнее. Не такое, как люди строят. Может, это был холм или гора? Нет, правильной формы. И красное. Но не как дом для жилья. Может, это был храм? Он пожал плечами.

На каком языке говорили эти стражи? На всех языках, сказал он. (Полагаю, он имел в виду все языки, которые сам знает, а знает он немало. Подобно многим своим собратьям-погонщикам, он владеет дюжиной наречий, от мандаринского до персидского.)

Таибулак, 15 сентября

Снова виделся с Чэнем. Спросил его, зачем он посещал Карамакан. Он сказал, что с детства слышал рассказы о скрытых там несметных сокровищах. Многие пытались попасть туда, добавил он, но почти все отступили в самом начале пути, потому что путешествовать «актерракех», как они это называют, очень больно.

Я спросил, как он вытерпел эту боль. Думал о золоте, сказал он.

И что, ты нашел золото? – спросил я.

Посмотри на меня, сказал он. Посмотри на нас.

Чэнь оборванец, тощий, как скелет. Щеки у него впалые, глаза тонут в паутине морщин. Руки черны от намертво въевшейся грязи, а лохмотьев, которые он носит, постыдилось бы и огородное пугало. Его деймон, пустынная крыса, вся в проплешинах и мокнущих язвах. Другие погонщики его избегают – судя по всему, боятся. Он одиночка, что, в общем, и не удивительно. Я заметил, что меня тоже стали избегать – видимо, из-за того, что я с ним общаюсь. Они знают, что он способен к разделению, и это их пугает.

Неужели он не боится за своего деймона? Если бы его крыса потерялась, что бы он тогда делал?

Он искал бы ее в аль-Хан аль-Азраке. Мой арабский оставляет желать лучшего, но Хассаль сказал, что это значит «Синий отель». И где же этот Синий отель? Чэнь сказал, что не знает. Это просто такое место, куда уходят деймоны. Но только, добавил он, его крыса все равно бы туда не пошла, потому что хотела золота не меньше, чем он сам. Это, видимо, была шутка: сказав это, он засмеялся.

Лира посмотрела на Пана: тот так и впился глазами в страницу. Она вернулась к чтению.

Ташбулак, 17 сентября

Чем больше мы изучаем ее, тем больше склоняемся к мысли, что Rosa lornoriae – это предок, а остальные, R. tajikiae и прочие, – потомки. Именно Rosa lornoriae дает наиболее выраженные оптические феномены. И чем дальше от Карамакана, тем трудней ее вырастить. Даже если воспроизвести все условия К., – почву, температуру, влажность и проч., – образцы R. lornoriae чахнут и быстро погибают. Значит, мы что-то упускаем из виду. Для того, чтобы получить растение, обладающее хотя бы некоторыми свойствами R. lorn. и способное произрастать в других местах, потребуется гибридизация.

Вопрос в том, как обо всем этом написать. Разумеется, вначале будут научные статьи. Но нельзя сбрасывать со счетов и более широкие последствия. Как только мир узнает то, что стало известно нам, начнется настоящая розовая лихорадка. Все бросятся изучать розы, начнут искать им практическое применение – и нас, маленькую исследовательскую станцию, миглом оттеснят, а то и вовсе уничтожат. Как и всех окрестных садоводов. И это еще не все: учитывая природу того, что открывают эти оптические явления, религиозные и политические последствия тоже не заставят себя долго ждать. Поднимется паника, начнутся гонения – это ясно как день.

Ташбулак, 23 сентября

Я попросил Чэня отвести меня в Карамакан. Пообещал ему золото. Род Хассаль тоже пойдет. Я очень боюсь, но, очевидно, другого пути нет. Я думал, будет нелегко уговорить Картрайта разрешить нам попытаться, но он с радостью дал добро. Он, как и мы, понимает, насколько это важно. Положение отчаянное.

Ташбулак, 25 сентября

Слухи о беспорядках в Хуланишане и Акджаре – это всего в каких-то 150 километрах к западу! Люди с гор (так, во всяком случае, говорят) сожгли и выкорчевали розовые сады.

Мы думали, что хотя бы эта проблема не выйдет за пределы Малой Азии. Плохо дело, если все зашло так далеко.

Завтра, если все сложится удачно, отправляемся в Карамакан. Кариад умоляет меня не ходить. Деймон Хассалья тоже. Естественно, они боятся – и, видит Бог, я тоже боюсь.

Карамакан, 26 сентября

Какая мучительная, неопишуемая боль! Какая требовательная и властная! Но теперь это уже не совсем боль. Скорее, глубокая, проникающая в самое сердце, тоска и скорбь, бессилие и страх. Почти смертельное отчаяние. И все это одновременно, хотя временами какое-то из этих чувств усиливается, а какое-то – отступает. Физическая боль ослабла примерно через полчаса. Думаю, дольше я бы просто не вытерпел. А Кариад... нет, об этом слишком больно думать. Что я натворил? Что я сделал с ней, с моей душой? С каким ужасом она смотрела мне вслед, когда я обернулся!

Я не могу об этом писать.

Это самый ужасный из всех моих поступков. И самый необходимый. Я молюсь только о том, чтобы когда-нибудь мы снова соединились и чтобы она меня простила.

На этом страница обрывалась. Читая эти строки, Лира почувствовала у локтя какое-то движение и скосила глаза. Пан больше не читал: он лежал на краю стола, повернувшись к ней спиной. У Леры перехватило горло. Сейчас ей не удалось бы произнести ни слова, даже если бы она знала, что ему сказать.

На мгновение она прикрыла глаза, а затем вернулась к запискам:

Мы прошли 4 километра и теперь отдыхаем, чтобы хоть немного восстановить силы. Это поистине адское место. Хассалю сначала было очень плохо, но он пришел в себя быстрее, чем я. Чэнь, напротив, совершенно бодр. Оно и понятно: ведь он уже через это проходил.

Вокруг одна пустыня. Повсюду огромные дюны, и даже если взобраться на вершину, не увидишь ничего, кроме моря таких же песчаных гор. Жара ужасающая. Краем глаза видно, как мерцают миражи, любой звук почему-то становится гораздо громче, чем обычно. Когда налетает ветер, песчинки трутся друг о друга с невыносимым скрежетом и писком, словно прямо под поверхностью песка – и у тебя под кожей – копошатся миллионы насекомых, несметные полчища жутких созданий, непрерывно что-то жующих, грызущих, точащих и рвущих на части, – кошмарная жизнь, пожирающая изнутри и саму себя, и ткань своего мира. Вот только никакой жизни здесь нет – ни растительной, ни животной. Но нашим верблюдам как будто все нипочем.

Миражи – если это и впрямь они – исчезают, если смотреть на них прямо, но стоит лишь отвести взгляд, как появляются вновь. Призрачные видения похожи на каких-то свирепых богов или демонов, потрясающих кулаками. Сам не знаю, как я это выношу. Хассаль тоже мучается. Чэнь говорит, мы должны просить у этих богов прощения, и сам повторяет покаянную молитву, которой пытался нас научить. Он говорит, эти миражи – лики Симурга, какой-то чудовищной птицы. Понять, что он имеет в виду, очень трудно.

Пора двигаться дальше.

Карамакан, вечер того же дня

Продвигаемся медленно. Решили разбить лагерь на ночь, хотя Чэнь советовал идти дальше. Но у нас просто не осталось сил. Надо отдохнуть и прийти в себя. Чэнь разбудит нас перед рассветом, и мы выступим в путь, когда будет прохладнее всего. О, Кариад, Кариад!

Карамакан, 27 сентября

Отвратительная ночь. Я почти не спал из-за кошмаров: снились пытки, расчлененные и выпотрошенные тела – чудовищные страдания, на которые я вынужден был смотреть, не имея возможности ни помочь несчастным, ни убежать, ни хотя бы закрыть глаза. То и дело просыпался от собственных криков, боялся снова заснуть, но все-таки засыпал. О господи, надеюсь, хотя бы Кариад не страдает. С Хассалем творится то же самое. Чэнь поворчал и лег в сторонке, чтобы мы ему не мешали.

Он разбудил нас до рассвета, как и обещал, – на востоке едва затеплился бледный свет. Мы позавтракали сушеными смоквами и полосками сухой верблюжатины.

И поехали дальше, пока не началась жара.

Около полудня Чэнь сказал: «Это там». И указал на восток – туда, где, по моим расчетам, находился самый центр Карамаканской пустыни. Мы с Хассалем смотрели, но ничего не увидели – как ни таращили глаза и как ни заслоняли их от солнца.

Полдень уже миновал, сейчас самая жаркая часть суток, и мы отдыхаем. Хассаль соорудил навес из пары одеял – получилось пятнышко тени, в котором мы все лежали (и Чэнь тоже). Удалось немного поспать. Снов больше не видели. Верблюды лежат, закрыв глаза, и равнодушно дремлют.

Боль утихла, как Чэнь и обещал, но сердечная рана осталась. Гнетущая, мучительная тоска. Когда же это кончится?

Карамакан, 27 сентября, вечер

Мы снова в пути. Пишу это, сидя на спине верблюда.

Чэнь уже не уверен, в какую сторону ехать. Я спросил его, где же цель нашего пути. Он сказал: «Дальше», – только и всего. Но куда именно дальше – не совсем ясно. Он не видел

«этого» со вчерашнего дня, а когда мы спросили, не смог объяснить, что именно видел. Я предположил, что речь идет о том красном здании, но мы с Х. не заметили ни единого цветного пятнышка среди бесконечного и почти нестерпимого однообразия песков.

Оценить, сколько мы уже проехали, невозможно. В километрах явно немного; но я не сомневаюсь, что завтра мы достигнем центра этого Богом забытого места.

Карамакан, 28 сентября

Этой ночью, слава богу, было полегче. Сны сложные и путанные, но не такие кровавые. Я спал крепким сном, пока Чэнь не разбудил нас – опять до рассвета.

Теперь и мы это видим. Поначалу оно было как мираж – мерцающее, зыбкое, плывущее над горизонтом. Затем как будто отрастило основание и прикрепилось к земле. И теперь, наконец, утвердилось со всей определенностью: большое строение, вроде крепости или ангара для гигантского дирижабля. Никаких деталей на таком расстоянии не видно – ни дверей, ни окон, ни укреплений, ничего. Просто большое прямоугольное здание, темно-красного цвета. Полдень только что миновал; сейчас я допишу эти слова, заберусь под навес Хассалея, и самую жару мы проспим. А когда проснемся, останется сделать последний рывок.

Карамакан, 28 сентября, вечер

Мы подъехали к зданию и увидели тех самых жрецов, солдат или стражников – и впрямь не разберешь, кто они такие. Не вооружены, но могучего сложения и грозные на вид. Какой они расы, непонятно, но точно не европейцы, не китайцы, не тартары и не москвиты. Кожа бледная, волосы черные, а глаза круглые – пожалуй, больше всего похожи на персов. По-английски они не говорят – по крайней мере, нас с Хассалем не удостоили ответа. Но Чэнь без труда общается с ними на каком-то другом языке – думаю, на таджикском. Одеты они все в простые халаты и широкие штаны из темно-красного хлопка, такого же цвета, как и здание; на ногах – кожаные сандалии. Деймонов у них, похоже, нет, но мы с Хассалем уже натерпелись таких ужасов, что этим нас не испугать.

Мы спросили через Чэня, можно ли нам войти в здание. На это последовало мгновенное и категорическое «нет». Тогда мы спросили, что там, внутри. Стражи посоветались и заявили, что этого они нам не скажут. Задав еще несколько вопросов – с тем же результатом, – мы, наконец, получили намек: один из стражей, более разговорчивый, внезапно разразился бурным монологом и целую минуту что-то втолковывал Чэню. Пока он говорил, мы с Хассалем несколько раз уловили слово «гюль», которое на многих языках Центральной Азии означает «роза». Пока он говорил, Чэнь поглядывал на нас, но, дослушав стражника, сказал: «Бесполезно. Здесь делать нечего. Зря мы пришли».

«Что он говорил насчет роз?» – спросили мы.

Чэнь только головой покачал.

«Он действительно упомянул розы?»

«Нет. Все бесполезно. Уходим».

Стражи внимательно за нами наблюдали, поглядывая то на Чэня, то на нас с Хассалем.

И тут мне пришло в голову попробовать кое-что еще. Я знал, что в этих местах когда-то бывали римляне: может, что-то сохранилось от их языка? И я сказал на латыни: «Мы не причиним вреда ни вам, ни вашему народу. Мы хотели бы знать, что вы тут охраняете».

И я угадал! Меня мгновенно признали и поняли. Разговорчивый тотчас отозвался на том же языке: «Что вы принесли в уплату?»

«Я не знал, что нужно платить, – сказал я. – Мы беспокоимся, потому что наши друзья пропали без вести. Возможно, они пришли сюда. Не видали ли вы путников, таких же, как мы?»

«Мы видали много путников, – был ответ. – Если они пришли актерракех и принесли плату, им можно войти. Только так и не иначе. Но если они войдут, то выйти уже не могут».

«Значит, наши друзья – там, в этом красном здании?»

На это он ответил: «Если они здесь, они не там, а если они там, они не здесь».

Это было похоже на какую-то ритуальную фразу, стандартный ответ, который повторяли столько раз, что он утратил всякий смысл. Но, услышав его, я понял, что подобный вопрос стражам задают не впервые. Я сделал еще одну попытку:

«Насчет платы. Вы имеете в виду, что мы должны заплатить за розы?»

«За что же еще?»

«Может, за знания?»

«Наши знания – не для вас».

«Какую плату вы сочтете достаточной?»

«Жизнь».

Ответ нас огорошил.

«Один из нас должен умереть?»

«Мы все умрем».

Снова тупик. Но я попробовал зайти с другой стороны:

«Почему у нас не получается выращивать ваши розы за пределами пустыни?»

Стражник смерил меня презрительным взглядом, повернулся и ушел.

«Ты знаешь кого-то, кому удалось попасть внутрь?» – спросил я Чэня.

«Был один человек, – сказал он. – Он не вернулся. Никто не возвращается».

Мы с Хассалем разочарованно удалились под свой навес из одеял и стали обсуждать, что делать дальше. Это была бесплодная, мучительная дискуссия – сколько мы ни говорили, дело не сдвинулось с мертвой точки. Мы были в плену императивов: исследовать эти розы решительно необходимо; сделать это, не согласившись уйти и не вернуться, решительно невозможно.

Наконец, мы поняли, что нужно заглянуть глубже. Почему необходимо исследовать розы? Потому, что они открывают нам кое-что о природе Пыли. И если Магистерииум услышит о том, что происходит здесь, в Карамакане, он не остановится ни перед чем, чтобы не позволить этим знаниям распространиться по свету. Он придет сюда и уничтожит и этот красный дом, и все, что внутри, – войск и оружия у него для этого предостаточно. Недавние беспорядки в Хулаишане и Акджаре – его рук дело, сомнений нет. С каждым днем он все ближе.

Итак, мы обязаны провести исследование, а это значит, что один из нас должен войти внутрь, а другой вернуться с теми знаниями, которые удалось добыть. Выбора нет, других вариантов тоже.

Наших деймонов по-прежнему не видно, запасы воды и продовольствия сокращаются. Долго ждать мы не можем.

В конце была приписка другим почерком:

Позже тем же вечером появилась Кариад, демон Штрауса. Она была в полном изнеможении, измучена и перепугана. На следующий день они со Штраусом вошли в красный дом, а я вернулся обратно с Чэнем. Беда надвигается. Мы с Тедом Картрайтом сошлись на том, что мне следует немедленно вернуться в Англию с теми немногими знаниями, которые у нас есть. Всей душой надеюсь, что смогу разыскать Стреллу и что она меня простит. Р.Х.

Лира положила записки на стол. Голова у нее шла кругом.

Ей показалось, что в памяти мелькнул проблеск давно утраченного воспоминания, нечто невероятно, потрясающе важное, погребенное под сотнями и тысячами дней обычной жизни.

Что же ее так поразило? Это красное здание... пустыня... стражи, говорившие на латыни... что-то настолько глубокое, что Лира даже не понимала, явь это, сон или смутная память о сне или о сказке, которую она так любила в детстве, что требовала рассказывать ее каждый вечер перед сном, но потом выросла и забыла. Так или иначе, но о красном здании в пустыне она что-то знала. Вот только понятия не имела, что именно.

Пан свернулся калачиком на столе – спал или притворялся. Лира понимала почему. Рассказ доктора Штрауса о разлуке с деймоном живо напомнил о ее собственном чудовищном предательстве, когда она бросила Пана на берегах страны мертвых, а сама отправилась дальше, чтобы отыскать призрак своего друга Роджера. И Лира знала, что вина и стыд будут терзать ее до последнего дня, сколько бы еще она ни прожила на свете.

Возможно, этот разрыв и был причиной их нынешнего отчуждения. Рана так и не зажила. И на свете не было ни единой живой души, с кем Лира могла бы поговорить об этом, – кроме Серафины Пеккалы, королевы ведьм. Но ведьмы не такие, как люди, да и с Серафиной она не встречалась вот уже много лет, с того давнего путешествия на Север.

Да, но...

– Пан? – прошептала она.

Он не подал виду, что слышит. Казалось, он крепко спит, но Лира знала, что это притворство.

– Пан, – все так же шепотом продолжала она, – помнишь, что ты говорил про того убитого человека? Про человека, о котором говорится в этом дневнике, про Хассалья? Ты сказал, что он мог разделяться со своим деймоном, так?

Молчание.

– Должно быть, он нашел ее после того, как вернулся из этой пустыни, из Карамакана... Наверно, это место вроде того, где проходят испытание молодые ведьмы, – место, куда не могут попасть их деймоны. Так, может, есть и другие люди...

Пан лежал молча, не шевелясь.

Лира устало отвернулась и вдруг глаза заметила, что под книжным шкафом что-то лежит. Книга, та самая, которой она обычно подпирала окно и которую Пан вчера сбросил на пол, потому что терпеть ее не мог. Но разве она не поставила ее обратно на полку? Должно быть, Пан снова ее сбросил.

Лира поднялась, чтобы вернуть книгу на место, и тут Пан, наконец, поднял голову:

– Почему ты не выбросишь этот бред?

– Потому что это не бред. И если книга тебе не нравится, это еще не повод швырять ее на пол. Прямо как избалованный ребенок, честное слово!

– Это отрава, она тебя разрушает.

– О, перестань.

Лира положила книгу на стол, и Пан тут же прыгнул на пол и сел, сверля ее взглядом. Его шерсть встала дыбом, хвост метался из стороны в сторону. Всем своим видом деймон излучал презрение, и Лира невольно поморщилась, но не убрала руку с книги.

Больше они не обменялись ни словом. Лира отправилась в кровать, а Пан устроился на ночь в кресле.

Глава 6. Миссис Лонсдейл

Ли́ра не могла заснуть – все думала про дневник и это странное слово, «актерракех». Оно имело какое-то отношение к посещению красного дома и, возможно, к разделению... но, увы, она так устала, что никакого смысла во всем этом увидеть не могла, как ни старалась. Убитый человек явно умел отделяться. Судя по записям доктора Штрауса, добраться до красного дома, не отделившись от деймона, было невозможно. Может быть, «актерракех» на каком-то из местных языков и означает разделение?

Лучше всего было бы поговорить с Паном, но до него теперь не достучаться. От этой истории о разделении двоих из Ташбулака он расстроился, разозлился, испугался – возможно, все сразу, – как и она сама, но потом она подняла с пола этот роман, который он так ненавидел. У них в последнее время столько поводов для ссор, и эта книга – едва ли не худший из них.

Сочинение немецкого философа Готфрида Бранде – «Гиперхоразмийцы» – было очень популярно среди образованной молодежи по всей Европе. Настоящий издательский феномен: девятьсот страниц с непроизносимым названием (Ли́ра в конце концов решила говорить «к» вместо «х»), бескомпромиссно суровый стиль и ни намек на любовную тему – и при этом миллионы проданных экземпляров и влияние на умы целого поколения. Речь в книге шла о молодом человеке, который задался целью убить Бога и преуспел. А самым необычным, отличавшим этот роман от прочих прочитанных Ли́рой книг, было то, что в мире Бранде у людей не было деймонов. Совсем. Люди были совершенно, абсолютно одни.

Как и многих других, Ли́ру эта история заворожила – загнипнотизировала своей мощью. У нее в голове так и гудело набатом свойственное главному герою горделивое отрицание всего и вся, что встает на пути чистого разума. Даже сам его подвиг – найти Бога и убить его – был описан в категориях свирепой, пламенной рациональности. Существование Бога нерационально – следовательно, рационально с ней покончить. Ни образного языка, ни метафор, ни сравнений. В самом конце романа герой, стоя на вершине горы, смотрел на восход, который, попадись он другому писателю, наверняка символизировал бы наступление нового, просвещенного века, свободного от тьмы и предрассудков. Но Бранде от таких мещанских аллегорий с презрением отворачивался. «Все осталось тем же, чем было, и не более того» – такими были последние слова книги.

Эта фраза среди сверстников Ли́ра стала краеугольным камнем нового, прогрессивного мышления. Отныне стало модным принижать любую избыточную эмоциональную реакцию, любую попытку увидеть в событии любой дополнительный смысл, привести аргумент, не оправданный холодной логикой: «Что есть, то есть, – и не более того». Ли́ра и сама неоднократно вставляла эту фразу в разговор, а Пан всякий раз возмущенно отворачивался.

Наутро после того, как был прочитан дневник доктора Штрауса, разногласия по поводу немецкого романа никуда не делись. Наоборот, они словно стали еще острее.

– Пан, да что с тобой такое?.. Весь последний год! – сказала Ли́ра, одеваясь. – Раньше ты таким не был. Мы такими не были. Да, бывало, мы в чем-то не соглашались, но никто не обижался так основательно...

– А ты не видишь, что он с тобой делает? Какая у тебя теперь позиция?! – взорвался Пан, взлетая на книжный шкаф.

– Какая еще позиция? Ты вообще о чем?

– Этот человек плохо на вас влияет. Ты что, не видишь, что творится с Камиллой? Или с тем парнем из Баллиола... Как его зовут? Гай как-то-там? Как только они начали читать этих ваших «Гиперпроходимцев», сразу стали надменными и противными! И деймонов своих в упор не видят, словно тех не существует. И в тебе я тоже это вижу. Какой-то... абсолютизм!

– Что?! Да что ты несешь? Ты знать ничего об этом не хочешь и думаешь, что у тебя есть право критиковать...

– Не право – обязанность! Лира, ты становишься ограниченной! Естественно, я знаю про эту чертову книгу. Я знаю все, что знаешь ты. И, наверное, даже больше, потому что я не отключал здравый смысл и чувство того, что правильно, а что нет, пока ты ее читала!

– Ты до сих пор злишься, потому что в книге нет демонов?

Он сердито посмотрел на нее и спрыгнул на стол. Лира попятилась. Иногда поневоле вспомнишь, какие у него острые зубы...

– И что ты сделаешь? – воскликнула она. – Будешь кусаться, пока я не приму твою точку зрения?

– Ты правда не видишь?

– Я *вижу* необыкновенно мощную книгу с интеллектуальным вызовом. Я понимаю привлекательность ума, рациональности, логики. Нет, не так... не привлекательность. Убедительность! Это не какой-то там эмоциональный спазм. Дело исключительно в рациональной...

– То есть все эмоциональное у тебя – спазм, да?

– Ты ведешь себя...

– Лира, ты меня не слушаешь. У нас, кажется, больше не осталось ничего общего. Мне невыносимо видеть, как ты превращаешься в злобное чудовище и сводишь все к холодной логике. Ты меняешься, вот в чем дело! Мне это не нравится. Черт возьми, мы же всегда предостерегали друг друга от таких...

– И ты полагаешь, что все это заслуга одного-единственного романа?

– Нет. Еще и этого Талбота. Он не лучше, да к тому же еще и трус.

– Талбот? Саймон Талбот? Включи голову, Пан! Да на свете нет двух более разных мыслителей – они же полная противоположность! Талбот говорит, что истины вообще не существует, а Бранде...

– Ты что, не читала ту главу из «Вечного обманщика»?

– Какую главу?

– Которой ты мучила нас всю прошлую неделю. Ты ее явно не поняла, зато мне пришлось. Ту самую, где он притворяется, будто демоны – это просто, как он там сказал?.. Психологические проекции, не обладающие самостоятельным бытием. Вот о какой главе я говорю. Очаровательная, элегантная проза, красивые рассуждения, остроумные и полные блестящих парадоксов. Ты прекрасно знаешь, о чем речь.

– Но у тебя действительно нет самостоятельного бытия! Ты сам это знаешь. Если я умру...

– Так и у тебя его нет, глупая ты корова! Если умру я, умрешь и ты. *Touché*.

Лира отвернулась, слишком рассерженная, чтобы говорить.

Последняя книга оксфордского философа Саймона Талбота наделала в университете много шума. «Гиперхоразмийцы» считались популярным бестселлером, который хвалит в основном молодежь, а критика от него презрительно отмахивалась, а вот «Вечного обманщика» превозносили именно литературные эксперты – за изящество стиля и игру ума. Талбот был радикальным скептиком, для которого истина и даже сама реальность представляли собой не более чем эпифеномены, побочные явления, не обладающие никаким самостоятельным смыслом, – наподобие радуги. В серебряной филигрании его речей все очевидное, плотное текло и бежало меж пальцев и распадалось на мелкие блестящие шарики, как ртуть из разбитого градусника.

– Нет, – сказал Пан. – Они не разные. Просто две стороны одной медали.

– Только потому, что оба говорят о демонах... вернее, не говорят? Они не проявляют к вам достаточного уважения...

– Лира, ты бы себя слышала! С тобой правда что-то случилось. Тебя как будто заколдовали. Эти люди опасны!

– Вздор и предрассудки! – отрезала Лира и впервые почувствовала к Пану настоящее презрение. Она тут же возненавидела себя за это, но остановиться уже не могла. – Ты просто ни на что не можешь смотреть спокойно и беспристрастно. Тебе обязательно нужно ругаться, оскорблять! Это ребячество, Пан, и незрелость. Приписывать злые или магические качества аргументу, который ты не в силах опровергнуть!.. Ты ведь всегда считал, что видишь вещи такими, какие они есть, а теперь сам заблудился в тумане суеверий и магии. И боишься того, чего просто не можешь понять!

– Все я понимаю! А вот ты – нет, в этом-то и проблема. Ты искренне считаешь шарлатанов глубокими мыслителями и философами. Да они тебя просто загипнотизировали! Читаешь вздор, который эти двое пишут, и думаешь, что это последнее интеллектуальное достижение! Они врут, Лира, оба врут! Талбот надеется, что истина исчезнет, если он будет ловко фехтовать парадоксами. Бранде – что добьется того же, просто отрицая ее. Знаешь, что лежит на самом дне этого твоего помрачения?

– Ну, вот ты опять рассуждаешь о том, чего нет. Но давай, выкладывай, что ты там хотел сказать.

– Это не просто позиция, которую ты сознательно приняла. Ты наполовину *веришь* и немецкому философу, и этому второму. Вот в чем все дело. Ты достаточно умна снаружи, но в глубине души так наивна, что *почти веришь* во всю эту ложь!

Лира покачала головой и озадаченно развела руками.

– Даже не знаю, что сказать. Во что я верю, или верю наполовину, или совсем не верю, никого не касается. И вламываться вот так в чужую душу...

– Но я-то не чужой! Я – это ты! – Пан закрутился волчком, прыгнул обратно на книжный шкаф и смотрел оттуда на Лиру горящими глазами. – Ты *заставляешь* себя забыть! – В голосе его звучали такой гнев, такая горечь, что Лира растерялась.

– Теперь я совсем не понимаю, о чем ты.

– Ты забываешь все, что по-настоящему важно! И пытаешься поверить в то, что нас убьет!

– Нет, – она постаралась говорить как можно спокойнее. – Ты все неправильно понял, Пан. Мне просто интересен другой образ мыслей. Так всегда бывает, когда ты чему-то учишься. Среди всего прочего ты делаешь еще и это – понимаешь чужие идеи. Точнее, *пытаешься* понять их, увидеть мир другими глазами. Примеряешь на себя ощущение, каково это – когда веришь в то, во что верят другие.

– Это низость!

– Что именно? Философия?

– Если она утверждает, что меня не существует, то да, твоя философия – низость. Потому что я существую! Все деймоны и прочие... *сущности*, как выражаются твои философы, – мы действительно существуем! А попытки верить в этот бред нас убивают.

– Видишь ли, если ты правда считаешь это бредом, значит, ты еще даже не приблизился к пониманию вопроса. Ты уже сдался, поднял лапы. Даже не пытаешься вести дискуссию рационально. С тем же успехом можно кидаться камнями.

Пан отвернулся.

По дороге на завтрак они не сказали друг другу ни слова. Их ждал еще один день, проведенный в молчании. Пан собирался кое-что сказать ей про ту маленькую записную книжку из рюкзака, с именами и адресами, – но теперь не станет.

* * *

После завтрака Лира посмотрела на кучу одежды, которая давно просила стирки, тяжело вздохнула и засучила рукава. В колледже Святой Софии была прачечная со стиральными машинами, где юные леди могли позаботиться о своей одежде самостоятельно. Считалось, что

это гораздо полезнее для формирования характера, чем если твои вещи будет стирать прислуга, как было заведено у юных джентльменов из Иордан-колледжа.

В прачечной Лира была одна – большинство подруг разъехались на Рождество по домам и одежду свою, естественно, забрали с собой. В прошлом ее положение сироты, чей единственный дом – мужской колледж через дорогу, нередко вызывало у них сочувствие, и несколько раз Лира проводила праздники у кого-то из однокашниц. Ей было интересно посмотреть, что это такое – семейный очаг, где тебя привечают, дарят подарки (и принимают твои), включают в общие игры и развлечения. Иногда к этому прилагался брат – пококетничать. Иногда она чувствовала себя чужой в тесном кружке, который веселился несколько натужно. Иногда приходилось мириться с множеством бестактных вопросов о ее необычном воспитании и происхождении. Но всякий раз в тихий, мирный Иордан-колледж, где оставалось совсем немного учителей и слуг, она возвращалась с большой радостью. Это был ее дом.

Учителя относились к ней дружелюбно, но отстраненно: все они были погружены в свою исследовательскую работу. Слуги занимались самым простым и важным – следили, чтобы ей было что есть; чтобы она пристойно себя вела; чтобы у нее случались мелкие заработки, приносившие хоть немного карманных денег, – например, ей позволяли полировать серебро. Отношения с ними за долгие годы почти не менялись – за исключением миссис Лонсдейл, домоправительницы, – такой должности в большинстве колледжей не было. В ее обязанности входило следить за тем, чтобы младенец по имени Лира был чист и опрятен, говорил «пожалуйста» и «спасибо», и прочее в том же духе, – и ни в одном другом колледже совершенно точно не было своей Лире.

Теперь, когда ее подопечная выучилась самостоятельно одеваться и сносно себя вести, миссис Лонсдейл заметно к ней потеплела. Она была вдовой (овдовела довольно рано и детей завести не успела) и неотъемлемой частью жизни колледжа. За все эти годы никто так и не удосужился четко определить ее роль или перечислить обязанности, а теперь уже и пытаться не стоило. Даже энергичному молодому казначею после нескольких наскоков пришлось отступить и признать ее важность и власть. Впрочем, власть как таковая домоправительницу никогда не интересовала. Казначей прекрасно знал – так же, как и слуги, ученые и сам магистр, – что власть и влияние миссис Лонсдейл всегда служили лишь укреплению колледжа и благополучию юной Лире. Что любопытно, на двадцатом году жизни Лира и сама уже начала это понимать.

А потому у нее вошло в привычку время от времени заглядывать в гости к миссис Лонсдейл – посплетничать, спросить совета, занести маленький подарок. На язык миссис Лонсдейл была так же остра, как и в детские годы Лире. Разумеется, были вещи, о которых ей не расскажешь, но они с миссис Лонсдейл стали добрыми друзьями, насколько это вообще было возможно. А еще Лира заметила, что, как и другие люди, раньше казавшиеся ей величественными, всемогущими и вечными, домоправительница на самом деле была совсем не старой. Она вполне могла бы еще завести своих детей... но об этом они с ней не говорили и говорить не могли.

Лира отнесла чистую одежду обратно в Иордан, потом сходила в Софию еще раз – за книгами, которые могли ей понадобиться на каникулах, потом сбегала на рынок и потратила немного из вырученных за чистку серебра денег на коробку шоколадных конфет. К миссис Лонсдейл она явилась в тот час, когда та точно была у себя и пила чай.

– Здрасьте, миссис Лонсдейл. – Она чмокнула хозяйку в щеку.

– И что у тебя случилось? – строго спросила та.

– Да ничего особенного.

– Не пытайся мен провести. Я все вижу. Неужели Дик Орчард опять с тобой крутит?

– Нет, с Диком у нас давно кончено. – Лира села в кресло.

– А ведь мальчишка очень недурен собой.

- Да уж, тут не поспоришь, – согласилась Лира. – Но у нас кончились темы для разговора.
- Такое случается. Поставь-ка чайник на огонь, дорогуша.

Лира взяла большой черный чайник, стоявший на каменном полу у очага, и повесила на крюк над огнем. Хозяйка открыла коробку шоколада.

– О, какая прелесть! – воскликнула она. – Трюфели от Мейдмента! Чудо, что у них еще что-то осталось после Пира основателей. Ну, так что у тебя на сердце, детка? Выкладывай все про твоих богатых друзей.

– Не таких уж и богатых, по нынешним временам, – отозвалась Лира и выложила все про отца Мириам и что по этому поводу думал мистер Коусон.

– Розовая вода, – кивнула миссис Лонсдейл. – Моя бабушка тоже ее делала. Брала большую медную кастрюлю, насыпала доверху розовых лепестков, заливала чистой водой и кипятила, а пар дистиллировала. Или как там это правильно называется... Прогоняла через стеклянные трубки, чтобы он снова превратился в воду. И лавандовую воду тоже делала. Я всегда думала, что это все слишком хлопотно, ведь можно просто пойти к Босуэлу и купить одеколон, и совсем недорого.

– Мистер Коусон дал мне бутылочку своей особой розовой воды, и она... даже не знаю, такая богатая, концентрированная.

– Розовый аттар, так они ее, кажется, называют. Хотя, может, я и ошибаюсь.

– Мистер Коусон не смог объяснить, почему ее теперь так трудно достать. Посоветовал пойти к доктору Полстеду.

– Ну, так почему ты его не спросишь?

– Ну... – Лира закатила глаза.

– Что – ну?

– Вряд ли доктору Полстеду хочется лишний раз со мной разговаривать.

– Это еще почему?

– Потому, что когда он пытался учить меня несколько лет назад, я, кажется, была с ним груба.

– Что значит – кажется?

– Ну, мы с ним вроде бы не поладили. Надо, чтобы учитель тебе нравился, правда? Ну, или не обязательно нравился, но у вас должно быть с ним что-то общее. Так вот, у меня с ним ничего общего не было. Мне с ним рядом как-то неловко, и ему со мной, думаю, тоже.

Миссис Лонсдейл налила чаю себе и Лире. Они еще немного посплетничали – в основном об интригах на кухне, где враждовали главная повариха и та, что занималась выпечкой. Еще обсудили новое зимнее пальто, которое купила миссис Лонсдейл, и что Лире тоже надо бы. Поговорили о Лириных подружках в Святой Софии – как они увиваются за молодым пианистом, который недавно приезжал в город.

Раз или два Лира подумывала рассказать про убийство, бумажник и рюкзак, но удержалась. Никто не мог ей с этим помочь, кроме Пана... Но с ним в обозримом будущем не поговоришь.

Миссис Лонсдейл то и дело поглядывала на Пантелеймона, который лежал на полу и притворялся спящим. Лира буквально слышала ее мысли: что это за новая холодность между вами? Почему вы друг с другом не разговариваете? Но об этом так просто не поболтаешь, да еще в присутствии самого Пана... и это было досадно: здравый смысл и острое слово в таких вопросах незаменимы.

Они проговорили, наверное, целый час, и Лира уже собиралась попрощаться и уйти, когда в дверь постучали и сразу открыли – без приглашения войти, что Лиру очень удивило. Еще больше она удивилась, когда на пороге появился доктор Полстед.

А дальше одновременно произошло несколько событий.

Пан сел столбиком, словно испугался, а потом запрыгнул к Лире на колени, а она машинально обняла его, защищая.

– О, Лира... прошу прощения! – воскликнул доктор Полстед, увидев, что у миссис Лонсдейл гость.

Все это явно означало, что он привык врывать сюда без приглашения, что хозяйка ему друг и что он предполагал застать ее одну.

– Прости, Элис. Зайду попозже, – сказал он.

– Не валяй дурака, Мал. Садись.

Их деймоны (ее – пес и его – кошка) уже терлись носами с большим дружелюбием и приязнью. Пан сердито смотрел на них, его шерсть под рукой Лире потрескивала от антарного разряда.

– Нет, – отказался доктор Полстед. – Дело терпит, я зайду позже.

Очевидно, присутствие Лире смущало профессора, а его деймон, что было удивительно, пристально смотрел на Пана, который по-прежнему сидел у Лире на коленях и дрожал всем телом. Потом доктор Полстед повернулся и вышел, едва вписавшись своей огромной фигурой в дверной проем. Его деймон выскользнул следом. Дверь за ними закрылась, и Лира почти сразу почувствовала, как антарный заряд утекает из Пана, словно вода из раковины.

– Пан, что случилось? – прошептала она. – Что с тобой такое?

– Потом скажу, – пробормотал он.

– Элис? Мал? – Лира повернулась к миссис Лонсдейл. – Что это значит?

– Не твоего ума дело.

Никогда раньше Лире не случалось видеть миссис Лонсдейл растерянной – она бы даже не поверила, что такое вообще возможно. Между тем домоправительница даже покраснела и, отвернувшись, принялась поправлять огонь в камине.

– Я даже не знала, что вас зовут Элис, – сказала Лира.

– Если бы ты спросила, я бы тебе сказала.

– И Мал... я не догадывалась, что он Мал. Начальная буква «М», да, но я думала... он какой-нибудь Мафусаил.

К миссис Лонсдейл вернулось самообладание. Она откинулась на спинку кресла и сложила руки на коленях.

– Малкольм Полстед, – твердо сказала она, – самый храбрый и достойный человек в целом свете, девочка. Если бы не он, тебя бы сейчас в живых не было.

– Что вы такое говорите? – оторопела Лира.

– А ведь я ему столько раз говорила, что нужно тебе все рассказать. Но все было как-то не ко времени.

– Рассказать о чем?!

– О том, что случилось, когда ты была еще совсем маленькой.

– Да о чем же?

– Сначала я должна поговорить с ним.

– Если это обо мне, я имею право знать, – нахмурилась Лира.

– Совершенно с тобой согласна.

– Тогда почему...

– Предоставь это мне, я с ним договорюсь.

– И сколько времени это займет? Еще лет двадцать?

Прежняя миссис Лонсдейл сказала бы: «Не смей так со мной разговаривать, дитя!» – и отвесила бы ей крепкий шлепок, но нынешняя, та, которую звали Элис, лишь покачала головой.

– Нет. Я могу тебе все рассказать, но не стану, пока он не даст согласия.

– Ему, наверное, неловко. Хотя и не так, как мне. Мне – хуже. Нельзя хранить от человека в секрете то, что напрямую его касается.

– В этом нет ничего недостойного, поверь мне. Ну как, проповедь закончена?

Лири еще немного посидела, но дружеское настроение бесследно испарилось. Она поцеловала домоправительницу на прощанье и ушла.

Пересекая темный квадрат двора, она хотела немедленно отправиться к доктору Полстеду и потребовать ответа, но не успела даже додумать эту мысль до конца, как почувствовала, что Пан мелко дрожит у нее на плече.

– Так, – сказала она, – ты сейчас же, прямо тут, объяснишь мне, в чем дело. Учти, выбора у тебя нет.

– Давай сначала зайдём внутрь.

– Это еще зачем?

– Никогда не знаешь, кто может подслушивать.

Колокол пробил шесть, когда она заперла дверь своей старой комнаты, уронила Пана на ковер, упала в продавленное кресло и включила настольную лампу. Комната наполнилась теплом и жизнью.

– Ну?

– Вчера, когда я уходил... ты ничего не почувствовала? Не проснулась?

Лири мысленно вернулась к событиям прошлой ночи.

– Почувствовала. Буквально на секунду. А когда ты рассказал, что случилось, подумала, что в этот миг ты как раз увидел убийство.

– Нет. Это было не тогда, потому что я бы знал, что ты проснулась. Позже, когда я уже возвращался в колледж с бумажником того человека. Я... Меня... Меня кое-кто видел.

Словно камень лег Лире на сердце. Рано или поздно это должно было случиться. Пан внимательно следил за выражением ее лица.

– Но это был не человек, – закончил он.

– Что ты такое говоришь? А кто тогда?

– Демон. Другой демон, тоже отдельный, как я.

Лири покачала головой. Какой-то бред.

– Таких, как мы, больше нет – за исключением ведьм. И еще того мертвеца. Это был демон ведьмы?

– Нет.

– Где это случилось?

– В парках. Она...

– Она?

– Да. Это была кошка доктора Полстеда. Забыл, как ее зовут. Вот поэтому я сейчас...

У Лире перехватило дыхание. С минуту она не могла вымолвить ни слова.

– Не верю, – произнесла она наконец. – Просто не верю. Они могут разделяться?

– Ну, она точно была одна, сама по себе. И она меня видела. Но я не был уверен, пока они не вошли в комнату миссис Лонсдейл. Помнишь, как она на меня посмотрела? Возможно, тоже не была уверена, пока снова меня не увидела.

– Но как они могут...

– Люди вообще-то знают о разделении. Другие люди. Тот человек, на которого напали... когда его птица подозвала меня, она ему сказала, что я отдельный. И он сразу понял, что это значит, и сказал, чтобы я взял бумажник и отнес моей... тебе, короче.

И снова Лире будто молотом ударило в грудь. Вот, оказывается, что видела кошка доктора Полстеда!

– Значит, она видела, как ты мчишься в колледж с бумажником! И, возможно, подумала, что ты его украл. Теперь они думают, что мы с тобой воры.

Она упала обратно в кресло и закрыла лицо руками.

– Ну, с этим мы ничего поделать не можем, – сказал Пан. – Мы-то знаем, что это не так, а им придется нам поверить.

– Значит, все так просто? И когда же мы им скажем?

– Мы скажем миссис Лонсдейл. Элис. Она нам точно поверит.

Лира вдруг почувствовала себя слишком усталой, чтобы продолжать спор.

– Я знаю, время сейчас не самое подходящее... – начал Пан – но не закончил.

– А ведь ты не шутишь. Ох, Пан.

Лира в жизни не была так им разочарована, и Пан ясно прочел это у нее на лице.

– Лира, я...

– Ты вообще собирался мне об этом сказать?

– Конечно, собирался. Я просто...

– Ладно... Нет, не надо больше ничего говорить. Я должна переодеться. И я бы прекрасно, просто прекрасно без всего этого обошлась.

Она ушла в спальню и стала выбирать платье. Впереди еще ужин у магистра, и пока он не закончится, можно больше не разговаривать.

* * *

На каникулах и в подобные вечера ужины в Иордан-колледже были не такими официальными, как во время учебного семестра. Иногда, в зависимости от количества присутствующих, его даже подавали не в большом зале, а в столовой, расположенной над кладовой.

Лира все равно предпочитала есть со слугами. Это была одна из привилегий ее уникального положения в колледже: она могла вращаться в любом из кругов, составляющих сложную экосистему этого места. Обычный преподаватель или студент наверняка почувствовал бы себя не в своей тарелке в компании привратников и поваров – или ему дали бы понять, что тут для него не самое подходящее место. А вот Лира была совершенно как дома и среди них, и у садовников с разнорабочими, и у старших слуг вроде мистера Коусона и миссис Лонсдейл, – и у магистра с его именитыми гостями. Иногда эти гости – политики, бизнесмены, высокопоставленные чиновники, придворные – приносили с собой знания и опыт, выходявшие далеко за рамки того учебной программы колледжа – предметов, безусловно, очень глубоких, но вместе с тем и узких.

Немало посетителей из внешнего мира удивлялись присутствию на ужине юной особы, столь уверенной в себе и жадно внимающей их рассказам о жизни за стенами университета. Со временем Лира отлично научилась слушать, отвечать и заставлять собеседника рассказать гораздо больше, чем он собирался. Она сама не ожидала, что столько хитрых и искушенных мужчин (да и женщин тоже) с радостью готовы поделиться множеством мелких секретов, рассыпать бисер намеков на то, что на самом деле за кулисами того или иного политического маневра или делового соглашения. Из полученных таким образом сведений Лира не извлекала никакой выгоды, но прекрасно отдавала себе отчет в том, что сидящий рядом ученый – экономист, философ или историк – очень признателен ей за несколько внезапных откровений, каких сам он ни за что не добился бы.

Единственным, кому не нравилась ее дипломатия, был магистр колледжа – новый магистр, как его до сих пор называли и, вероятно, будут называть всегда. Старый магистр приглядывал за Лирой и занимал абсолютно твердую позицию относительно ее права вести в колледже свою странную жизнь и не быть при этом его частью... или быть, но в основном за его пределами. Однако год назад он умер – в весьма преклонном возрасте, окруженный почетом и даже любовью.

Новый магистр, мистер Вернер Хаммонд, был не из Иордана и даже не из Оксфорда. Бизнесмен, занимавшийся фармакологией и сделавший поистине впечатляющую карьеру в области химии, он стал председателем одной из крупнейших в стране медицинских корпораций, доходы и влияние которой при нем выросли еще больше. Теперь он вернулся в академические пенаты, и никто не рискнул бы сказать, что ему здесь не место. Его научные достижения, равно как и знание истории и традиций Иордана, не вызывали сомнений, а владение пятью иностранными языками и манеры были безупречными. Правда, некоторые из старейших представителей педагогического и ученого сообщества считали, что слишком уж он хорош, чтобы это было правдой, и вслух задавались вопросом, станет ли пост главы колледжа вершиной его и без того головокружительной карьеры – или всего лишь ступенькой к чему-то еще более великому.

Такое явление, как Лира и ее положение в Иордане, упорно оставалось за пределами понимания доктора Хаммонда. Никогда еще он не сталкивался ни с чем подобным: странная, самоуверенная молодая леди, живущая в колледже, словно дикая птица, которая почему-то решила свить гнездо на крыше часовни среди горгулий, и наслаждающаяся всеобщим покровительством и привязанностью. Ему было интересно, как это вообще могло получиться... он наводил справки... беседовал со старыми преподавателями, а за неделю до конца семестра прислал Лире записку с приглашением отужинать у него на квартире на следующий вечер после Пира основателей.

Лиру это озадачило, но не слишком взволновало. Конечно, он хочет с ней поговорить... или, скорее послушать. Наверняка она – кладезь полезных сведений, с которыми ему стоит ознакомиться. Правда, узнав от мистера Коусона, что она будет единственной гостьей, Лира удивилась чуть больше. Впрочем, о намерениях магистра он все равно ничего не мог ей сообщить.

Доктор Хаммонд принял Лиру с большой обходительностью. Он был худой, его седина отливала серебром, он носил очки без оправы и великолепно скроенный серый костюм. Его деймон – маленькая изящная рысь сидела на каминном коврикe рядом с Пантелеймоном и поддерживала с ним легкий и приятный разговор. Магистр предложил гостье шерри и стал расспрашивать ее об учебе, о лекциях, о жизни в колледже Святой Софии. Проявил большой интерес к ее частным урокам с кавалерственной дамой Ханной Релф и рассказал, как сам познакомился с ней в Мюнхене, где был по каким-то делам, как высоко ее ценит и как полезна она оказалась в сложнейших переговорах, облегчивших заключение торгового договора с одним пыльным уголком Ближнего Востока. Что-то это совсем не похоже на Ханну, подумала Лира; надо будет ее спросить.

За ужином, который подавали личные слуги магистра (Лира никогда их раньше не видела), гостья попыталась расспросить хозяина о его предыдущей карьере, о происхождении и тому подобном. С ее стороны это была обычная вежливость, она уже пришла к выводу, что джентльмен умен, любезен и скупен. Интересно, холост он или вдов? Ничто вокруг не говорило о существовании миссис Хаммонд. Прежний магистр не был женат, но для главы колледжа это не обязательно. Хотя очаровательная жена и молодая семья придали бы колледжу живости, да и сам доктор Хаммонд имеет достаточно приятную внешность, еще не так стар и вполне мог бы завести детей... Однако хозяин ловко уклонился от ее вопросов, ни словом при этом не дав понять, что считает их бестактными.

Наконец подали десерт, и тут доктор Хаммонд наконец задал свой главный вопрос.

– Лира, я хотел расспросить тебя о твоём положении у нас, в Иордан-колледже, – начал магистр, а у Лире появилось странное чувство... едва заметное, легкое – будто земля дрогнула у нее под ногами.

– ...оно ведь весьма необычно, – завершил фразу доктор Хаммонд.

– Да, – согласилась Лира. – Мне очень повезло. Мой отец принес меня сюда, и они... ну, просто смирились со мной.

– Сколько же тебе сейчас лет? Двадцать один?

– Двадцать.

– И твой отец – лорд Азриэл.

– Совершенно верно. Он был ученым. Прежний магистр, доктор Карн, был моим опекуном.

– В некотором роде, – кивнул доктор Хаммонд. – Хотя, судя по всему, это никогда не было оформлено официально.

Лира удивилась. Зачем ему понадобилось раскапывать эту информацию?

– А это важно? – осторожно спросила она. – Теперь, когда он умер...

– Нет. Но это может оказать определенное влияние на будущие события.

– Не уверена, что я вас поняла.

– Известно ли тебе, откуда берутся деньги, на которые ты живешь?

Земля снова дрогнула.

– Я знаю, что какие-то деньги оставил мой отец, – сказала Лира. – Не знаю, сколько именно и куда они были вложены. Этим я никогда не интересовалась. Должно быть, я просто думала, что все... ну, идет своим чередом. Я хочу сказать... Наверное, я просто думала... Доктор Хаммонд, могу я спросить, почему мы сейчас об этом говорим?

– Потому что колледж и я как его глава все это время пребывали *in loco parentis*⁴ по отношению к тебе. Неформальным образом, разумеется, так как ты никогда на самом деле не была *in statu pupillari*⁵. Мой долг – опекать тебя, пока ты не достигнешь совершеннолетия. На твой счет в казначействе была внесена некая сумма, которая покрывала расходы на твое содержание. Но внес ее не твой отец. Это были деньги доктора Карна.

– Правда?

Лира почувствовала себя глупо, словно должна была знать это всю жизнь, но почему-то не знала, и с ее стороны это было возмутительным упущением.

– Значит, он никогда тебе об этом не говорил? – мягко спросил магистр.

– Ни слова. Он сказал, что обо мне позаботятся и беспокоиться не о чем. Я и не беспокоилась. Наверное, я думала, что весь колледж... заботится обо мне. Что здесь мой дом. Я была очень мала, в таком возрасте не особенно задаешься вопросами. И все это время я жила на его деньги? Не на отцовские?

– Уверен, ты поправишь меня, если я ошибаюсь, но, насколько мне известно, твой отец был независимым исследователем и вел не слишком финансово обеспеченную жизнь. Он исчез, когда тебе было... сколько? Тринадцать?

– Двенадцать, – уточнила Лира.

Горло ей сжало, будто ошейником.

– Двенадцать. Видимо, именно тогда доктор Карн и решил отложить некоторое количество денег для тебя. Он был далеко не богат, но сумму выделил достаточную. За этими деньгами присматривали наши юристы, они благоразумно инвестировали и регулярно платили колледжу за твое проживание. Однако, Лира, вынужден сообщить, что доход с капитала никогда не был... адекватным. У меня сложилось впечатление, что доктор Карн постоянно пополнял его из своих личных средств. И ныне сумма, изначально помещенная им ради твоего блага под нашу опеку, практически исчерпана.

Лира положила ложку. Крем-карамель вдруг показался ей совершенно несъедобным.

– Что... Простите, я потрясена, – выговорила она.

– Разумеется. Я очень хорошо тебя понимаю.

Пантелеймон вскочил к ней на колени. Лира машинально запустила пальцы ему в шерсть.

⁴ «Вместо родителей» (лат.).

⁵ «В ученическом статусе» (лат.).

– Иными словами, это означает... что я должна уйти?

– Ты сейчас на втором году обучения?

– Да.

– Остался еще год. Очень жаль, что никто не объяснил тебе этого раньше. Ты могла бы подготовиться.

– Видимо, я сама должна была спросить.

– Ты была маленькая, а дети всегда принимают такие вещи как должное. Это ни в коем случае не твоя вина, и было бы несправедливо возлагать на тебя ответственность за последствия, которых ты не могла предугадать. Вот что я тебе предлагаю. Иордан-колледж оплатит твое обучение в колледже Святой Софии до самого конца, а во время каникул ты, разумеется, будешь по-прежнему жить в Иордане. В любом случае это твой единственный дом, пока не закончишь университет. Я правильно понимаю, что помимо спальни у тебя есть еще и гостиная?

– Да, – ответила Лира гораздо тише, чем ожидала.

– Это создает некоторые неудобства. Видишь ли, комнаты на той лестнице нужны студентам младших курсов, юношам. Им эти помещения и предназначались с самого начала. Твоя квартира может вместить двух первокурсников, которым сейчас придется жить за пределами колледжа, а это совершенно недопустимо. Мы могли бы попросить тебе пользоваться только одной комнатой и освободить вторую для другого студента, но существуют приличия... Я бы даже сказал, благопристойность, и, учитывая ее требования, это, увы, невозможно.

– На той же самой лестнице живут студенты младших курсов, – возразила Лира. Так было всегда, и никаких проблем не возникало.

– На той же самой лестнице, но не на той же самой площадке! Нет, Лира, это абсолютно неприемлемо.

– И я же здесь только на каникулах, – добавила Лира. Кажется, в ее голосе зазвучало отчаяние. – Во время учебного семестра я живу в колледже Святой Софии.

– Конечно, но наличие твоих вещей в указанных помещениях не позволит молодому человеку в полной мере почувствовать себя там как дома. Итак, Лира, вот что колледж может предложить тебе. Есть одна комната – вынужден признать, довольно небольшая. Она расположена над кухней, сейчас ее используют как кладовку. Казначей распорядится, чтобы ее должным образом меблировали и предоставили в твое полное распоряжение на все время обучения. Ты сможешь жить там, как жила раньше, пока не закончишь университет. Мы будем оплачивать арендную плату и твое питание во время каникул. Но ты должна понимать: в обозримом будущем дела будут обстоять именно так.

– Я понимаю, – сказала Лира.

– Позволь спросить, у тебя есть еще какие-то родственники?

– Нет.

– А твоя мать...

– Пропала без вести одновременно с отцом.

– И никаких родственников с ее стороны?

– Никогда о них не слышала. Хотя, возможно, у нее был брат. Кажется, кто-то мне об этом говорил. Но мне о нем ничего не известно, и он никогда не искал со мной встречи.

– О. Я очень сожалею.

Лира попробовала зачерпнуть ложечку десерта, но не смогла: у нее дрожали руки. Она положила ложку на стол.

– Не желаешь ли кофе? – любезно осведомился декан.

– Нет, благодарю вас. Думаю, мне пора. Спасибо за ужин.

Хозяин встал – официальный, элегантный, полный сочувствия, в прекрасном сером костюме и с серебряной шевелюрой. Его деймон встал рядом с ним. Лира последовала их примеру и взяла Пантелеймона на руки.

– Вы хотите, чтобы я освободила комнаты немедленно? – спросила Лира.

– К концу каникул, если возможно.

– Да. Разумеется.

– Ах, да. Еще одно, Лира. Ты, я знаю, привыкла ужинать в большом зале, пользуясь гостеприимством ученого сообщества, и свободно приходишь и уходишь, как будто ты одна из нас. Несколько человек поставили мне на вид – и должен сказать, я с ними совершенно согласен, – что подобное поведение более нельзя считать приемлемым. Отныне ты будешь жить среди слуг и, так сказать, на положении слуги. Отныне тебе не подобает пользоваться привилегией социального равенства с академическим составом.

– О, конечно, нет, – отозвалась Лира.

Ей все это снится...

– Я счастлив, что ты понимаешь. Тебе о многом предстоит поразмыслить. Если захочешь поговорить со мной, задать какие-то вопросы, прошу, приходи без малейших колебаний.

– Нет, я не приду к вам. Благодарю вас, доктор Хаммонд. Теперь у меня не осталось ни малейших сомнений относительно того, где мое место и как скоро я должна его занять. Я лишь сожалею, что так долго доставляла неприятности колледжу. Если бы доктор Карн объяснил мне положение дел так же ясно, как вы, я бы гораздо быстрее осознала, каким бременем являюсь для колледжа, и избавила бы вас от неловкой необходимости сообщать мне об этом. Доброй ночи.

Все это было сказано самым кротким голосом с самым невинным видом, и Лира втайне радовалась тому, какой эффект они произвели, потому что Хаммонд явно понятия не имел, что на это ответить.

Он лишь деревянно ей поклонился. Она ушла, не проронив больше ни слова.

* * *

Лира медленно обходила квадратный двор. Остановилась у большой жилой башни, посмотрела на окошко своей спальни – теперь уже почти бывшей.

– Ну, что ж... – сказала она.

– Это было жестоко, – отозвался Пан.

– Не знаю, не знаю... Если денег и правда не осталось...

– Я не об этом. Ты же понимаешь – про слуг.

– Нет ничего плохого в том, чтобы быть слугой.

– Ну, хорошо. Тогда про этих «нескольких человек». Не верю, чтобы кто-то из преподавателей и ученых одобрил такое обращение. Он сказал это, чтобы ты не думала, что он один все это затеял.

– Это не поможет, Пан. Жалобы никогда не помогают.

– Я не жаловался. Я просто...

– Все равно остановись. Нам и так есть о чем погрустить. О наших комнатах, например. Я знаю ту комнату над кухней, о которой он говорил. В ней даже окна нет. Надо было раньше спохватиться, Пан. Мы ведь ни разу даже не подумали о деньгах – ну, разве что о карманных, за чистку серебра например. А ведь всегда есть расходы... Жилье, еда – все это стоит денег. Кто-то за нас все время платил, а мы и не задумывались, кто это.

– Они позволили деньгам утечь сквозь пальцы, а нам ничего не сказали. Они должны были нам сказать!

– Да, наверное, должны. А мы должны были спросить. Спросить, кто за все платит. Но я уверена, старый магистр когда-то говорил, что лорд Азриэл оставил очень много. Точно говорил!

Поднимаясь к себе по лестнице, Лира пару раз споткнулась, как будто силы оставили ее. Она чувствовала себя побитой и дрожала всем телом. Даже забравшись в постели – Пан свернулся рядом на подушке – и выключив свет, она еще долго лежала с открытыми глазами, прежде чем сумела заснуть.

Глава 7. Ханна Релф

На следующее утро Лира нервничала и стеснялась выходит к завтраку. Она тихо проскользнула в столовую для слуг и положила себе овсянки, ни на кого не глядя и только улыбаясь и кивая, когда кто-то с ней здоровался. Ей казалось, что она проснулась в кандалах, не смогла их снять и теперь повсюду таскает за собой, как знак позора.

После завтрака она долго слонялась в холле, не желая возвращаться в комнаты, которые у нее вот-вот отнимут, и не чувствуя в себе сил заниматься тем, о чем она говорила с Диком, – пойти на почтовую станцию и попытаться устроиться на работу. Вчерашний разговор с магистром словно вытянул из нее все силы.

Наконец, привратник окликнул ее. Она обернулась.

– Тебе письмо, Лира, – сказал он. – Заберешь сейчас или попозже?

– Могу забрать сейчас. Спасибо.

Привратник вручил ей простой белый конверт с ее именем, написанным четким летящим почерком – рукой кавалерственной дамы Ханны Релф. Сердце Лире сначала дрогнуло от радости, потому что эту женщину она считала настоящим другом, но тут же снова застыло: а вдруг в этом письме говорится, что Лира теперь должна платить и за свои уроки обращения с алетиеметром? Где она возьмет деньги?

– Просто открой его, глупышка, – сказал Пан.

– Да.

В конверте лежала карточка, а на ней – всего пара строк: «Милая Лира, не зайдешь ли ты ко мне сегодня после обеда? Это важно. Ханна Релф».

Лира недоуменно уставилась на карточку. Сегодня после обеда? «Сегодня» – это когда? Разве доктор Релф не должна была отослать письмо вчера, чтобы Лира получила его с утренней почтой? Но нет – на карточке стояла сегодняшняя дата.

Лира еще раз осмотрела конверт и только теперь заметила, что на нем нет марки, зато в нижнем левом углу есть надпись: «Курьером».

Она повернулась к привратнику, который раскладывал остальные письма по ячейкам.

– Билл, а когда оно пришло? – спросила она.

– С полчаса назад. Курьер принес.

– Спасибо...

Лира положила письмо в карман и побрела через внутренний двор, направляясь в Сад ученых. Почти все деревья облетели, пустые клумбы казались мертвыми, и только в огромном кедре теплилась жизнь, но и он как будто спал. Был один из тех серых и тихих дней, когда сама тишина кажется погодным явлением – не просто отсутствием звуков, а присутствием чего-то особенного, чего-то большего, чем эти сады, и колледжи, и жизнь вообще.

Лира поднялась по каменным ступеням в дальнем конце сада – отсюда, с насыпи, открывался вид на Рэдклифф-сквер, – и села на скамейку, стоявшую здесь с незапамятных времен.

– Знаешь что? – вдруг сказал Пан.

– Что?

– Нельзя доверять замку на двери нашей комнаты.

– С чего это?

– Просто нельзя, и все.

– Да ну?

– Да. Мы понятия не имеем, что он задумал. Вчера он был такой скользкий и обходительный. Он лицемер.

– А как тебе его деймон?

– Бойко болтает ни о чем. Хочет казаться дружелюбным, снисходительным и все такое.

– Ну, особого выбора у нас нет. – Лира вздохнула, потому что произнести это вслух оказалось неожиданно трудно. – Ему нужны наши комнаты. Официально мы не имеем никакого отношения к колледжу. Денег не осталось. Он начнет... он попытается... Ох, я не знаю, Пан. Все это так ужасно! И теперь я волнуюсь о том, что скажет Ханна.

– Ну, уж об этом-то волноваться глупо.

– Знаю, что глупо, но от этого не легче.

Пан прошелся до конца скамейки и перепрыгнул на невысокую стену. Насыпь круто обрывалась вниз – до площади, мощенной булыжником, было футов тридцать. Лира замерла от страха, но ни за что на свете не призналась бы Пану, что испугалась за него. Пан притворился, будто споткнулся и потерял равновесие, но, так и не дождавшись реакции Леры, опустился на живот и улегся в позе сфинкса – вытянув лапы, гордо подняв голову и глядя прямо перед собой.

– После того, как нас выселят, мы уже не сможем сюда вернуться, – сказал он. – Нас и на порог не пустят. Мы станем чужими.

– Да, знаю. Я уже обо всем этом сто раз подумала, Пан.

– И что мы будем делать?

– Когда?

– Когда все кончится. Когда нам придется уйти.

– Найдем работу. И какое-нибудь жилье.

– Ну да, проще простого.

– Знаю, что будет непросто. Вернее, нет, не знаю. Может, все и правда окажется проще некуда. Но все через это проходят. Все рано или поздно покидают родной дом. Уходят и начинают жить своей жизнью.

– Вот только почти все при этом знают, что могут вернуться домой, если захотят. И что их примут и будут им рады.

– Ну что ж, повезло им. А у нас все по-другому, как всегда. Ты и сам знаешь. Но вот чего мы точно ни за что не будем делать... Ты меня слушаешь, Пан? Так вот, мы не будем суетиться и подниматься шум. И не будем жаловаться. И не будем ныть, что с нами поступили нечестно. На самом деле все честно. Он разрешил нам остаться еще на год с лишним, хотя деньги закончились. Он сказал, что будет платить за проживание в колледже Святой Софии. Что же тут нечестного? А остальное... Ну, все в наших руках. Это должно было произойти, рано или поздно. Мы ведь не рассчитывали, что всегда будем жить здесь.

– Не понимаю, почему нет. Мы украшение колледжа. Они должны нами гордиться.

Лира невольно улыбнулась.

– Но насчет комнаты ты, пожалуй, прав. Я имею в виду, насчет замка.

– А-а...

– Алетиометр...

– Это только одна из тех вещей, о которых я подумал. Теперь мы не можем чувствовать себя здесь как дома, и об этом не стоит забывать.

– Одна из тех вещей?.. А еще какие?

– Рюкзак, – твердо сказал Пан.

– О... да! Конечно!

– Представь себе, что кто-нибудь зайдет, начнет копаться в наших вещах и найдет его.

– Они подумают, что мы его украли.

– Или еще хуже. Если окажется, что они знают про убийство...

– Нужно что-то более надежное. Не помешал бы сейф.

– У Ханны есть сейф.

– Да. Но разве мы уже решили, что обо всем ей расскажем?

Несколько секунд Пан молчал, потом произнес:

– Миссис Лонсдейл.

– Элис. Да, вот еще одна странность. Столько всего меняется, и так быстро... Как будто лед трещит под ногами.

– Кто виноват, что мы до сих пор не знали, как ее зовут?

– Да, но когда я услышала, что он говорит ей «Элис»...

– Может, они любовники.

Это прозвучало так глупо, что даже не заслуживало ответа.

Они посидели еще несколько минут, а затем Лира встала.

– Пойдем, займемся безопасностью, – сказала она и направилась вместе с Паном в свои старые комнаты в Иордане.

* * *

Навещая Ханну Релф – что во время учебного семестра случалось раз в неделю, а на каникулах еще чаще, – Лира обычно брала с собой алетиметр, потому что именно его они изучали. Вспоминая о том, как беспечно она таскала его с собой по Арктике и другим мирам, как легкомысленно допустила, чтобы его украли, и с каким огромным риском они с Уиллом вернули его обратно, она поражалась своей тогдашней самоуверенности и удаче. Сейчас ей явно не доставало ни того, ни другого.

Передвинув стол на коврик, под которым скрывался тайник с рюкзаком, она положила алетиметр и бумажник Хассалья в сумку, забросила ее на плечо и отправилась к Ханне, которая жила в маленьком домике в Иерихоне.

– Не думаю, что она просто хочет дать нам очередной урок, – размышляла Лира вслух. – Но вряд ли у нас какие-то неприятности. По крайней мере, надеюсь, что нет.

До вечера было еще далеко, но доктор Релф зажгла в гостиной лампы, отгородившись от сумрака, царившего снаружи. Лира даже приблизительно не смогла бы сказать, сколько часов она провела в этой уютной комнате, пока Пан и деймон Ханны, Джеспер, вполголоса беседовали у камина, а они с доктором Релф корпели над старинными книгами, ставили опыты с алетиметром или просто сидели и болтали о чем придется... Она вдруг поняла, что по-настоящему любит эту спокойную ученую даму – и ее саму, и ее образ жизни.

– Садись, милая. Не надо нервничать, – сказала Ханна. – Волноваться не о чем. Но нам нужно поговорить.

– Это-то меня и волнует, – сказала Лира.

– Вижу. Но для начала расскажи-ка мне о магистре – о Вернере Хаммонде. Я знаю, что ты вчера ужинала с ним. Что он тебе сказал?

Удивляться было нечему: доктор Релф всегда узнавала обо всем очень быстро и точно. Ее пронизательность могла бы показаться сверхъестественной, если бы Лира не знала, как искусно Ханна владеет алетиметром. Но все равно вздрогнула от неожиданности.

Постаравшись ничего не упустить, она пересказала свой разговор с магистром. Ханна внимательно выслушала, не проронив ни слова, пока Лира не закончила.

– А еще он сказал кое-что, о чем я только сейчас вспомнила, – добавила Лира. – Он сказал, что он с вами знаком. Что встречался с вами на каких-то переговорах. Ничего конкретного – только похвалил вас и сказал, что вы действовали очень умно. Вы действительно знакомы?

– О да, мы встречались. И я увидела достаточно, чтобы прийти к выводу: с этим человеком надо быть очень осторожной.

– Почему? Он что, обманщик? Или чем-то опасен? Знаете, я ведь и действительно ничего не понимаю, – призналась Лира. – Такое чувство, что земля вдруг ушла из-под ног... Когда он сказал мне все это, я даже не нашлась, что ответить. Это было так неожиданно! Но все-таки, что именно вы о нем знаете?

– Я расскажу тебе кое-что такое, что вообще-то должна хранить в тайне. Но поскольку я хорошо тебя знаю и верю, что ты сможешь сохранить все в секрете, если я попрошу, – и еще, поскольку тебе угрожает опасность... Ага! Вот и они! Их-то я и ждала.

В дверь позвонили, и доктор Релф пошла открывать, а Лира только глубже вжалась в кресло: голова у нее кружилась, руки дрожали. Из прихожей донеслись голоса, а затем в гостиную снова вошла Ханна – и с ней...

– Доктор Полстед! – воскликнула Лира. – И... миссис Лонсдейл? И вы тоже?..

– Элис, дурашка, – поправила ее та. – Времена меняются, Лира.

– Здравствуй, Лира, – сказал доктор Полстед. – Не вставай. Я сяду тут.

Пан заполз под кресло, опасливо наблюдая из-за ног Лире, как доктор Полстед усаживается на диване рядом с Элис. Он казался слишком огромным для такой маленькой комнаты; на его широком, румянном лице («крестьянском», – подумала Лира) сияла улыбка, а золотисто-рыжие волосы были того же цвета, что и шерсть его деймона-кошки. Подавшись вперед и опираясь локтями на колени, он сцепил пальцы в замок, и, глядя на его большие руки, Лира почувствовала, что буквально заражается от него неуклюжестью – хотя доктор Полстед вовсе не был неуклюжим. Она вспомнила то недолгое время, когда несколько лет назад ему поручили преподавать ей географию и экономическую историю. Из этой затеи не вышло ничего, кроме сплошного конфуза. И до сих пор их обоих это смущало и огорчало, но обсуждать случившееся никому не хотелось. Доктор Полстед должен был первым понять, что от занятий толку не будет, и положить им конец, ведь из них двоих именно он был взрослым. Но Лира понимала, что немалая часть вины лежит и на ней: она была трудной ученицей, иногда совершенно несносной. Так или иначе, общего языка они не нашли, и доктор Полстед освободил Лиру от занятий. С тех пор они обращались друг с другом подчеркнуто вежливо и дружелюбно, но в душе испытывали облегчение, что им не приходится общаться ни секундой дольше необходимого.

Однако то, что сказала Элис о нем вчера... и то, что выяснилось сегодня, – что они оба, оказывается, друзья доктора Релф, хотя до сих пор казалось, что никто из этих троих даже не подозревает о существовании друг друга... Ну, что ж! За последние несколько дней обнаружилось немало странных фактов и связей.

– Я не знала, что вы знакомы, – сказала Лира.

– Мы давние друзья. Вот уже... да, девятнадцать лет, – сообщил доктор Полстед.

– Алетиометр подсказал мне, как найти Малкольма, – сказала Ханна, внося в комнату поднос с чаем и печеньем. – Ему тогда было лет одиннадцать.

– Найти? А зачем вы его искали?

– Я искала одну вещь, которая потерялась, и алетиометр указал мне на Малкольма. Оказалось, что он ее нашел. И мы с ним... можно сказать, подружились.

– Ясно, – кивнула Лира.

– Для меня это была невероятная удача, – сказал доктор Полстед. – Итак, о чем вы уже успели поговорить?

– Лира пересказала мне свою вчерашнюю беседу с магистром. Он сообщил ей, что она живет не на деньги своего отца, как она до сих пор полагала, а на деньги доктора Карна. Это чистая правда, Лира. Старый магистр не хотел, чтобы ты знала, но он действительно платил за все. Твой отец не оставил ни гроша.

– И вы знали? – воскликнула Лира. – Знали всегда, с самого начала?

– Да, – подтвердила Ханна. – И не говорила тебе – потому, что он просил молчать. Кроме того...

– Вы даже не представляете, как мне это все осточертело! – взорвалась Лира. – Всю жизнь от меня что-то скрывают! Сначала скрывали, что Азриэл – мой отец, а миссис Колтер – моя мать. Представьте себе, каково было обнаружить, что все на свете об этом знали, и только я одна, как последняя дура, не догадывалась! Нет, Ханна! О чем бы вас ни просил доктор Карн,

что бы вы ему ни обещали, не нужно было от меня это скрывать! Нехорошо скрывать такие вещи! Я должна была знать. Если бы я знала, я бы раньше очнулась. Начала бы думать о деньгах и задавать вопросы и вовремя узнала бы, что средств осталось так мало. И этот вчерашний разговор не стал бы для меня таким потрясением.

Ли́ра никогда еще не говорила со своей давней подругой и наставницей в таком тоне, но она была права и прекрасно это знала. Ханна и сама признала ее правоту, опустив глаза и молча кивнув.

– В защиту Ханны могу сказать, что мы понятия не имели, что задумал новый магистр, – вмешался доктор Полстед.

– Он поступил нехорошо, – добавила Элис. – А ведь я не доверяла ему с самого начала, когда он только появился.

– Да, нехорошо, – согласилась Ханна. – И, между прочим, Ли́ра, имей в виду, что Элис настаивала, чтобы мы все тебе рассказали, когда старый магистр был еще жив. Так что ее вины тут нет.

– Мы знали, что ты все равно обо всем узнаешь, – продолжал доктор Полстед, – когда тебе исполнится двадцать один год и ты получишь право самостоятельно распоряжаться финансами. Ханна собиралась поговорить с тобой до того, как это случится. Но он нас опередил.

– Нас? – переспросила Ли́ра. – Но что... что все это значит? Простите, доктор Полстед, но я не понимаю. Вы имеете к этому какое-то отношение? И то, что вчера сказала про вас миссис Лонсдейл... Элис... в общем, это меня тоже удивило – и по той же причине. Вы знаете обо мне что-то, чего я сама не знаю, и это неправильно.

– Это одна из тех вещей, которые мы собирались сегодня тебе рассказать, – сказал доктор Полстед. – Именно поэтому Ханна и попросила меня прийти. Я могу начинать? – Он повернулся к хозяйке дома, и та кивнула. – Если я пропущу что-то важное, Ханна напомнит.

Ли́ра подалась вперед и замерла в напряжении. Пан взобрался к ней на колени. Элис строго смотрела на них.

– Все началось в те времена, о которых только что упомянула Ханна, – заговорил доктор Полстед. – Когда я нашел одну важную для нее вещь, а она нашла меня. Мне было одиннадцать, и жил я с родителями в трактире «Форель», в Годстоу...

Он продолжал говорить, и перед Ли́рой развернулась целая история – куда более странная, чем можно было ожидать. Слушать ее было все равно что стоять на вершине горы и смотреть, как ветер рвет в клочья облака и туман, открывая панораму, о которой несколько минут назад ты даже не догадывался. Кое-что оказалось совершенно новым и незнакомым, а кое-что прежде виделось причудливо искаженным и только теперь предстало взору отчетливо и ясно. Ли́ра смутно помнила ту ночь, когда кто-то расхаживал с ней на руках по саду, залитому лунным светом, прижимал к груди и о чем-то шептал, а рядом шел большой молчаливый леопард. Сохранилось воспоминание и о другой ночи в саду, когда все деревья сияли огнями и Ли́ра смеялась от счастья и никак не могла перестать. И еще была маленькая лодочка... Ли́ра помнила и бурю с громом, и как кто-то нес ее на руках и стучался в дверь в темноте... Вот только в рассказе доктора Полстеда не было лошади.

– А я думала, там была лошадь, – сказала Ли́ра.

– Не было никакой лошади, – заверила ее Элис.

– Азриэл привез нас сюда на гирокоптере и приземлился на Рэдклифф-сквер, – продолжал Малкольм. – А потом передал тебя с рук на руки магистру и воззвал к закону об убежище для ученых. Этот закон действует до сих пор.

– Что за убежище для ученых? Это следует понимать в прямом смысле?

– Я имею в виду закон, который защищает ученых от преследований.

– Но я же не была ученым!

– Как ни странно, именно это и сказал магистр. А твой отец сказал: «Значит, вам придется сделать из нее ученого. Что еще остается?», оставил тебя и ушел.

Лира откинулась на спинку кресла. Сердце колотилось от переполнявших ее чувств, мысли металась в попытках расставить все по местам. Сколько нового она сегодня узнала! И непонятно, с чего начинать расспросы.

Ханна, до сих пор слушавшая молча, наклонилась, чтобы подбросить в огонь еще полено, а потом задернула шторы, чтобы отгородить комнату от сгустившейся за окном темноты.

– Ну, – сказала Лира, – по-моему, это... Спасибо вам! Надеюсь, я не покажусь вам неблагодарной. Спасибо, что спасли меня от наводнения... и вообще... Но все это так странно! И алетометр... этот самый...

Она вытащила из сумки прибор, завернутый в черный бархат, и, положив на колени, развернула. Алетометр засиял в свете ламп.

– Значит, раньше он принадлежал Бонневилю, человеку с гиеной, который за вами гнался? Ох, сколько всего надо переварить. А он его откуда взял?

– Это мы выяснили гораздо позже, – сказала Ханна. – Он украл его из одного монастыря в Богемии.

– Значит... мы должны вернуть его туда? – спросила Лира, и ее сердце сжалось при мысли о том, что придется лишиться бесценного инструмента, который помог ей войти в страну мертвых и отыскать обратный путь; который сказал ей правду об Уилле («Он убийца») таким способом, что она не потеряла к нему доверия; который не раз спасал им жизнь, и помог вернуть доспехи королю медведей, и сотворил добрую сотню других чудес. Пальцы Леры невольно сжались на корпусе алетометра и, не дожидаясь ответа, она поскорее спрятала его обратно в сумку.

– Нет, – сказала Ханна. – Монахи и сами украли его у какого-то путешественника, который имел неосторожность остановиться у них на ночь. Я целый месяц расследовала происхождение твоего алетометра и пришла к выводу, что он веками переходил от одних похитителей к другим. И впервые за несколько столетий он сменил хозяина честно, когда Малкольм положил его тебе в одеяльце. Я думаю, что это сломало старый сценарий.

– У меня его тоже однажды украли, – вспомнила Лира. – И нам пришлось выкрасть его обратно.

– Он твой, – твердо сказал доктор Полстед, – и останется твоим на всю жизнь, если только ты сама не захочешь отдать его кому-нибудь.

– И все эти другие странные вещи, о которых вы рассказали... Эта фейри... неужели она была настоящая фейри? Или вы просто вообразили себе... Я хочу сказать, разве такое бывает?

– Настоящая фейри, – подтвердила Элис. – Она сказала, что ее зовут Диания. Она приложила тебя к груди и кормила своим молоком. Ты пила молоко фейри и осталась бы с ней навсегда, если бы Малкольм не перехитрил ее и не вытащил нас оттуда.

– Во время того наводнения на свет выплыло немало странного, – добавил Малкольм.

– Но почему вы мне раньше не рассказали?

Он как будто немного смутился. «Какое у него подвижное лицо», – подумала Лира. Сейчас он казался ей незнакомцем – словно она никогда прежде не видела его по-настоящему.

– Мы – в смысле, мы с Элис – все время говорили друг другу, что надо тебе рассказать, – признался он. – Но все как-то подходящего момента не было. Кроме того, доктор Карн взял с нас слово, что мы никогда не будем говорить с тобой о Бонневиле и обо всем, что с ним связано. Он сказал, что это важно для того, чтобы твое убежище оставалось надежным. Тогда мы его не поняли, только позже... Он хотел защитить тебя. Но теперь все меняется, и очень быстро. Дальше будет рассказывать Ханна.

– Когда я только познакомилась с Малкольмом, – сказала доктор Релф, – я поступила довольно безрассудно. Выяснилось, что у него есть отличная возможность добывать нужную

мне информацию. И я воспользовалась случаем. В трактире своих родителей или где-то еще он иногда подслушивал разговоры, стоившие внимания. И еще я получала и передавала через него сообщения. Он рассказал мне об одной отвратительной организации – Лиге святого Александра, которая вербовала школьников, чтобы те доносили на своих родителей в Магистериум.

Лири оставилась на нее:

– Звучит, как... Как будто мы в шпионском романе. Трудно поверить.

– Еще бы. Но дело в том, что политическую борьбу приходилось вести тайком, анонимно и подпольно. Это были опасные времена.

– Значит, вот чем вы занимались? Всякой политикой?

– Вроде того. Но ты говоришь так, словно все это уже в прошлом. А на самом деле нет. Все продолжается. И в каком-то смысле стало даже труднее. Вот, например: сейчас в парламенте выдвинули на рассмотрение так называемый Билль об исправлении исторических аномалий. Это преподносится как обычная чистка законодательства – способ избавиться от множества старых установлений, лишившихся прежнего смысла или не имеющих значения в современной жизни. Таких, например, как неподсудность духовенства светскому суду, или право некоторых гильдий на отлов и употребление в пищу журавлей и лебедей, или право на сбор подаяния, закрепленное за некоторыми монашескими орденами, которые давным-давно распущены. Одним словом, старинные привилегии, которыми никто не пользуется уже много лет. Однако среди всего этого старья, подлежащего отмене, хитро запрятано и право на убежище для ученых, которое все еще тебя защищает.

– Защищает меня? От чего? – Лири заметила, что ее голос дрожит.

– От Магистериума.

– Но какое ему до меня дело?

– Этого мы не знаем.

– А разве в парламенте никто этого не заметил? Никто не выступил против?

– Это очень сложный, замысловатый и пространственный образчик законотворчества. Мои источники сообщают, что его выдвинули по настоянию одной организации, которая набирает силу в Женеве, – это так называемый *La Maison Juste*, «Дом справедливости», и с ним все обстоит серьезнее, чем кажется. Я полагаю, он связан с Дисциплинарным судом консистории. Они это так хитро провернули, что бороться почти бесполезно – тут нужен глаз орла и терпение улитки. Был один член парламента, Бернард Кромби, который выступал против этого билля, но он недавно погиб – как утверждают, в дорожной аварии.

– Я об этом читала, – сказала Лири. – Это случилось у нас, в Оксфорде. Водитель сбил его и даже не остановился. Вы хотите сказать, что это было убийство?

– Боюсь, что так, – ответил доктор Полстед. – Мы знаем, что его убили, но не смогли бы доказать этого в суде. Важно, что защита, на которую ты могла рассчитывать с того самого дня, как лорд Азриэл вверил тебя опеке магистрата, теперь слабеет – медленно, но неотвратимо.

– И вчерашний разговор с новым магистром – лишнее тому подтверждение, – добавила Ханна.

– Значит, он... то есть, доктор Хаммонд... он против нас?

– Он не ученый, – отрезала Элис. – Он просто делец.

– Верно, – кивнул доктор Полстед. – В его случае прошлое имеет значение. Мы еще точно не знаем, как все это связано, но если тот закон примут, корпорации получат хороший шанс поживиться – например, собственностью, не имеющей четко установленного владельца. Любые споры будут решаться в пользу денег и власти. Даже развалины монастыря Годстоу, и те выставят на продажу.

– Говорят, уже вчера туда приезжали люди и делали какие-то замеры, – подхватила Элис.

– Перемены, о которых сообщил тебе доктор Хаммонд, лишь часть большего целого, – добавила Ханна. – И это делает тебя еще более уязвимой.

Ли́ра словно онемела. Прижав к себе Пантелеймона, она уставилась в огонь.

– Но он сказал... – начала она очень тихо, но затем голос ее окреп: – Он сказал, что колледж заплатит за мое образование... за те годы, что мне осталось учиться в Святой Софии... Так чего же он хочет? Чтобы я все-таки доучилась и получила степень или... или что? Я просто не понимаю. У меня в голове не укладывается...

– Боюсь, это еще не все, – сказала Ханна. – Деньги, которые оставил тебе доктор Карн, – те деньги, которые, по словам Хаммонда, почти закончились... Пусть лучше Малкольм расскажет.

– В последние годы доктора Карна легко было сбить с толку, – сказал доктор Полстед, – а в расчетах и денежных делах он и вовсе никогда не был силен. Судя по всему, он действительно оставил тебе довольно значительную сумму. Мы точно не знаем какую, но должно было хватить еще надолго. Однако затем его убедили вложить эти деньги в какой-то фонд, который теперь обанкротился. То ли им просто управляли из рук вон плохо, то ли намеренно разорили. И юрист колледжа тут ни при чем, что бы ни говорил тебе доктор Хаммонд. Наоборот, наш юрист изо всех сил старался отговорить старого магистра от инвестиции в этот фонд, но, само собой, не смог пойти против желания клиента. А юриста ты, наверное, знаешь – очень высокий, сейчас уже довольно пожилой, с деймоном пустельгой.

– А, да! – Ли́ра вспомнила его. Она не знала точно, чем он занимается, но этот человек всегда был с ней добр и вежлив и искренне интересовался ее успехами.

– Они хорошо рассчитали время, – вставила Элис. – Это случилось незадолго до того, как старый магистр начал сдавать. Стал забывать важные вещи, бедняга...

– Я помню, – сказала Ли́ра. – Это было так грустно... я любила его.

– Многие его любили, – кивнула Ханна. – Но когда стало ясно, что он не справляется, юристу пришлось взять на себя обязанности поверенного. И вот если бы доктор Карн захотел инвестировать деньги в ненадежный фонд уже на том этапе, это можно было бы предотвратить.

– Минуточку, – перебила Ли́ра. – Элис сказала: «Они хорошо рассчитали время». Вы хотите сказать, что они – ну, то есть наши противники, – нарочно все подстроили так, чтобы эти деньги пропали?

– Очень на то похоже, – ответил доктор Полстед.

– Но зачем?

– Чтобы навредить тебе. Они понимали, что ты об этом даже не узнаешь, пока... в общем, до вчерашнего дня.

– Значит, они... Даже когда старый магистр был еще жив... они уже тогда строили планы, как мне навредить?

– Да. Но мы это поняли только сейчас. Именно поэтому пришлось срочно вызвать тебя сюда и все рассказать.

Вот теперь Ли́ра и впрямь потеряла дар речи. За нее спросил Пантелеймон:

– Но зачем?

– Мы понятия не имеем, – покачала головой Ханна. – По какой-то причине наши противники хотят, чтобы ты стала уязвимой, а нам необходимо тебя беречь – ради всеобщего блага. Но ты не единственная. Есть и другие ученые, которых защищает закон об убежище. Он всегда был гарантией свободы мысли – и такое ощущение, что теперь этот бастион вот-вот падет.

Ли́ра потеряла лоб. Она все думала о том человеке, о котором ни разу не слышала до сих пор, – о человеке с трехногой гиеной, который был готов на все, чтобы заполучить ее, Ли́ру, в свое распоряжение, когда ей не исполнилось еще и года.

– Этот Бонневиль, – начала она, – он тоже один из наших противников? Он поэтому пытался захватить меня?

Лицо Элис на миг перекосила гримаса, полная презрения и ненависти.

– Это был непростой человек, и обстоятельства у него были сложные, – сказала Ханна. – Похоже, он был шпионом, но независимым – как, знаешь, бывают независимые ученые. Но еще раньше он занимался экспериментальной теологией, то есть физикой. Он один, без всякой помощи, сумел проникнуть в святая святых Магистериума, в его женеvский центр, и там обнаружил такое... в общем, совершенно невероятные материалы. Целый рюкзак бумаг. Малкольм его спас...

– Украл, – поправил доктор Полстед.

– Хорошо, украл. И принес в Оксфорд. Но Бонневиль в каком-то смысле сломался. Он был психопатом, одержимым... И по какой-то причине он был одержим тобой, когда ты была еще младенцем. Хотел во что бы то ни стало добраться до тебя.

– Думаю, он хотел использовать тебя как козырь в какой-то сделке, – сказал доктор Полстед. – Но, видишь ли... Кажется, под конец он просто сошел с ума. Он...

Лиру потрясла глубокая боль, отразившаяся в этот момент на лице доктора. Он смотрел на Элис, а та отвечала ему взглядом, полным такой же муки. Потом доктор Полстед опустил голову, не находя больше слов.

– Вот и еще одна причина, по которой нам так трудно было все тебе рассказать, – севшим голосом проговорила Элис. – Видишь ли, Бонневиль меня изнасиловал. Возможно, он бы и на этом не остановился, но Малкольм... Малкольм пришел мне на помощь и... сделал единственное, что ему оставалось. Мы совсем выбились из сил... Думали, что не доживем до утра... Все было так ужасно! И вот...

Она замолчала, не в силах больше говорить. Ее деймон, Бен, положил голову ей на колени, и Элис дрожащей рукой погладила его за ушами. Лире хотелось обхватить себя руками, но она не могла даже шевельнуться. Пан замер и неподвижно сидел у ее ног.

– Единственное, что ему оставалось?.. – прошептала Лира.

– Малкольм убил его, – сказала Аста, деймон Малкольма.

Лира не знала, что сказать. Доктор Полстед по-прежнему смотрел в пол. Потом медленно поднял руку и провел ею по лицу.

– Ты лежала в лодке, спеленатая, – сказала Элис, – и он не хотел оставлять тебя одну. Поэтому Аста осталась с тобой, а Малкольм пришел туда, где Бонневиль... в общем, туда, где он на меня напал. А Аста за тобой приглядывала.

– Значит, вы с ней разделились? – спросила Лира доктора Полстеда. – И вы действительно убили его?

– Это было ужасно. Не знаю, как я это вынес.

– Сколько вам было лет?

– Одиннадцать.

Чуть меньше, чем было Уиллу, когда алетиметр сказал ей, что он – убийца. Лира посмотрела на доктора Полстеда новыми глазами – так, словно видела его впервые. Она представила себе рыжего мальчика, который убивает опытного тайного агента, и тут тотчас же увидела другую параллель: Уилл в своем мире тоже убил сотрудника секретной службы. Какие еще совпадения ей предстоит увидеть? Алетиметр мог бы подсказать, но до чего же долго придется искать ответ! И как быстро у нее это получалось когда-то: пальцы порхали по шкале быстрее мысли, а мысль без колебаний спускалась по лестницам толкований во тьму, где пряталась истина!

– И его мы тоже должны поберечь, – вдруг сказала Ханна.

Лира моргнула.

– Алетиметр? Но как вы догадались, что я думаю о нем?

– Ты шевелила пальцами.

– А-а. Теперь придется все скрывать. Сдерживаться в каждом движении, в каждом слове... И ведь я обо всем этом понятия не имела! Даже не догадывалась! Не знаю, что сказать...

– Пантелеймон тебе поможет.

Но Ханна не знала, в каких натянутых отношениях были они с Паном. Лира никому об этом рассказывала. Разве кто-то сможет такое понять?

– Уже поздно, – заметил доктор Полстед. – Если хотим успеть поужинать, пора возвращаться в город.

У Леры было такое чувство, словно прошла неделя. Она медленно встала и обняла Элис, а та в ответ крепко сжала ее в объятиях и поцеловала.

– Теперь у нас союз, – сказала Ханна. – Не забывай об этом ни на секунду.

– Не забуду, – пообещала Лира. – Спасибо вам! Честно говоря, у меня все еще голова идет кругом. Столько всего, о чем я даже не знала!

– Это мы виноваты, – вздохнул доктор Полстед. – Но мы загладим вину, вот увидишь. Ты сегодня ужинаешь в зале?

– Нет. Я должна есть со слугами. Магистр ясно дал это понять.

– Ублюдок, – пробормотала Элис, и на губах Леры мелькнула улыбка. – Ладно, я иду в «Форель». Увидимся позже.

И она направилась в сторону Годстоу, а Лира с доктором Полстедом зашагали к центру города, по улицам Иерихона, где все еще сновали покупатели, а витрины магазинов ярко светились, суля безопасность и тепло.

– Лира, – через некоторое время заговорил доктор, – я надеюсь, ты не забудешь, что меня зовут Малкольм. А миссис Лонсдейл зовут Элис.

– К этому еще надо привыкнуть.

– И не только к этому. Все это насчет слуг... задумано специально, чтобы тебя унижить. Во всем Иерихоне не найдется ни одного ученого, который не ценил бы твое общество. И хотя сам я теперь работаю в Дареме, я это знаю наверняка.

– Он сказал, будто несколько человек ему на меня пожаловались. Заявили, что мне не подобает ужинать в большом зале, и все такое.

– Он лжет. Но если кто-то и сказал нечто подобное, это был не ученый.

– Ну, если он пытался унижить меня таким образом, у него ничего не вышло, – пожалала плечами Лира. – Ужинать среди друзей – это не унижение. Они ведь тоже часть моей семьи. И если он думает о моей семье подобным образом, то ему же хуже.

– Вот и славно.

С минуту оба молчали. Лира думала, что все равно никогда не сможет расслабиться в присутствии этого... м-м-м... Малкольма, – и неважно, что он для нее сделал девятнадцать лет назад. Но тут он сказал нечто, от чего ей стало совсем неловко:

– Э-э-э... Лира... по-моему, нам с тобой нужно еще кое-что обсудить, как ты думаешь?

Глава 8. Литтл-Кларендон-стрит

- Дэймонов, – произнесла она очень тихо, как будто надеясь, что он не расслышит.
- Именно. Вчера вечером ты, наверное, была потрясена не меньше моего.
- Да, наверное.
- Кто-нибудь знает, что вы с Пантелеймоном можете разделяться?
- Никто на свете. – Она тяжело слотнула. – Северные ведьмы умеют отделяться от дэймонов. Я узнала об этом от одной из них, ее звали Серафина Пеккала. Я встретила ее дэймона и говорила с ним задолго до того, как познакомилась с ней самой.
- Я тоже как-то встретил ведьму и ее дэймона... Во время того потопа.
- И есть еще город с арабским названием... разрушенный город, в котором живут дэймоны без людей.
- Кажется, и о нем я тоже слышал. Не знал, верить или нет. Некоторое время они шли молча.
- Есть еще кое-что... – начала Лира.
- Думаю, есть... – одновременно с ней сказал он.
- О, простите.
- Говори первая.
- Ваша Аста видела Пантелеймона, а он – ее. Только не знал, кто она, до вчерашнего вечера.
- Да, пока не увидел ее у Элис.
- Ага. Так вот... Ох, это так трудно.
- Оглянись.
- Она обернулась и увидела то, что он уже давно почувствовал: их дэймоны шли рядом, сблизив головы, и о чем-то оживленно шептались.
- Гм... – только и сказала она.
- Они как раз были на углу Литтл-Кларендон-стрит, которая через пару сотен ярдов впадала в широкую Сент-Джайлс. До Иордана отсюда было не больше десяти минут ходу.
- У тебя найдется немного времени – пропустить по стаканчику? Думаю, нам стоит поговорить в несколько более непринужденной обстановке, чем посреди улицы.
- Ладно, – пожала плечами она. – Давайте.
- Оксфордская *jeunesse dorée*⁶ сделала Литтл-Кларендон-стрит модным местом. Магазины дорогого платья, элегантные кофейни, коктейль-бары и цепочки антарных светильников над головой превратили ее в уголок совсем другого города. Малкольм не мог знать, отчего глаза Лире вдруг наполнились слезами, хотя сами слезы от него, конечно, не укрылись. Пустынный Читтагацце, сияющий огнями, – заброшенный, безмолвный, волшебный... там она впервые встретила Уилла. Лира вытерла глаза и ничего не сказала.
- Малкольм привел ее в псевдоитальянское кафе со свечами в горлышках оплетенных соломкой бутылок и скатертями в красно-белую клетку. Стены в нем пестрели туристическими плакатами убийственных расцветок. Лира с подозрением огляделась.
- Здесь совершенно безопасно, – заверил ее Малкольм. – В других местах говорить может быть рискованно, но уж «La Luna Caprese» точно никакой опасности не таит.
- Он заказал бутылку кьянти – спросив предварительно Лиру, согласна ли она. Лира молча кивнула. Когда вино попробовали, одобрили и разлили по бокалам, она решилась.
- Мне нужно вам кое-что сказать. Только учтите, у меня еще не все в голове уложилось. Теперь, когда я знаю про вас и вашего дэймона, я, наконец, могу вам все рассказать. Но только

⁶ «Золотая молодежь» (фр.).

вам одному. Я столько всего узнала за последние пару дней, что у меня голова идет кругом... если вам покажется, что я несу чушь, остановите меня, я лучше объясню еще раз.

– Обещаю.

Ли́ра начала с того, что случилось с Паном в понедельник ночью: нападение, убийство, бумажник, который нужно было передать Лире. Малкольм слушал ее в немом изумлении, хотя никакого скепсиса и в помине не было – уж он-то хорошо знал, что такие вещи действительно случаются. Но кое-что все равно показалось ему очень странным.

– То есть жертва и его деймон знали про разделение?

– Да, – сказал Пан у Лире из-под локтя. – И их это не потрясло, как большинство нормальных людей. Они тоже умели разделяться. Она наверняка увидела меня на дереве во время нападения и решила, что мне можно довериться. Ну, то есть я так думаю.

– А потом Пан принес бумажник мне в Святую Софию... – продолжила Ли́ра.

– Вот тогда-то Аста меня и засекла, – подхватил Пан.

– ...но тут случилось еще много всего, и заглянуть в бумажник мы смогли только на следующее утро.

Ли́ра взяла сумку, порылась в ней, вытащила бумажник и незаметно передала под столом Малкольму. Он обратил внимание на отметины зубов Пана и на характерный запах, который тот назвал дешевым одеколоном... хотя Малкольму он показался чем-то другим... более диким, что ли. Слушая Лире, он открыл бумажник и стал доставать все, что в нем было. Карточку Бодлианской библиотеки, удостоверение сотрудника университета, дипломатические документы... пока все выглядело очень знакомым. У него самого бумажник в свое время был набит примерно тем же самым.

– Он откуда-то возвращался в Оксфорд, я так думаю, – говорила Ли́ра. – Вот поглядите на *laissez-passer*: по ним можно проследить его путь из Синыцьяна. Возможно, он шел в Ботанический сад, когда на него напали.

Малкольм снова уловил легкий след запаха. Он поднес бумажник к носу, и словно где-то вдалеке прозвенел звонок или солнце сверкнуло на заснеженной вершине – всего на долю секунды, и тут же пропало.

– Больше он ничего не сказал – тот человек, которого убили?

Вопрос был адресован Пану, и тот крепко задумался, а потом покачал головой.

– Нет. Он был уже почти мертв. Только велел мне вытащить бумажник у него из кармана и отнести его Лире... Ее имени он, конечно, не знал. Сказал отнести его моей... Решил, наверное, что нам можно доверять, раз уж сам знал про разделение.

– Ты отнесла это в полицию?

– Конечно. Первым делом на следующее утро, – кивнула Ли́ра. – Но пока мы ждали в участке, Пан услышал голос одного полисмена...

– ...и это был первый убийца, тот, которого не ранили, – вставил Пан. – Я узнал голос. Очень характерный.

– Поэтому мы спросили о чем-то другом и поскорее ушли, – продолжила Ли́ра. – Решили, что не стоит отдавать улику в руки убийце.

– Разумно, – согласился Малкольм.

– Да, и еще одно. Тот, которому порезали ногу, – этого человека зовут Бенни Моррис.

– А это ты откуда знаешь?

– Я знаю одного парня, он работает на почтовой сортировочной станции. Я спросила, не повредил ли у них кто-то ногу, и он подтвердил, что да, есть такой большой и безобразный тип по имени Бенни Моррис – очень подходит под наше описание.

– И тогда?..

– В бумажнике был еще ключ от камеры хранения, – медленно проговорила Ли́ра. – Такие подходят к шкафчикам на вокзале.

– Что ты с ним сделала?

– Подумала, что надо пойти и забрать то, что в ней находится.

– Только не говори, что ты так и поступила!

– Именно так я и поступила. Потому что он вроде как доверил это нам – бумажник и все, что в нем было. И я решила, что надо позаботиться о его имуществе раньше, чем те двое поймут, что случилось, и тоже отправятся на поиски.

– Убийцы знали, что у него был багаж, – сказал Пан. – Они спрашивали друг друга, была ли у него сумка, куда он мог ее бросить и точно ли ее нигде нет. Как будто им кто-то сказал, что сумка должна быть.

– Что же было в камере хранения?

– Рюкзак. Сейчас он спрятан под полом в моей комнате в Иордане.

– Ты уверена, что он там?

Она кивнула.

Малкольм взял свой стакан и залпом осушил его и встал.

– Мы должны пойти и забрать его. Немедленно. Пока он там, ты, Лира, в огромной опасности. И это не преувеличение. Идем.

* * *

Пять минут спустя они свернули с Брод-стрит на Терл-стрит – узкий проезд, куда выходили главные ворота Иордан-колледжа вместе с надвратной башней.

Они уже подходили к привратничке, когда двое мужчин, одетых в безликую рабочую одежду, вышли оттуда и двинулись в сторону Хай-стрит. У одного из них на плече висел рюкзак.

– Ну, вот и все, – тихо сказала Лира. – Это он.

Малкольм едва не рванул за ними, но Лира успела крепко схватить его за руку.

– Подождите. Ведем себя тихо. Нельзя, чтобы они обернулись. Идем внутрь.

– Но я бы мог их поймать!

– Не нужно.

Двое быстро уходили прочь. Малкольм столько всего хотел сказать, но сдержался. Лира была совершенно спокойна и даже как будто чем-то довольна. Малкольм бросил последний взгляд на удаляющихся «рабочих» и последовал за Лирой внутрь. Лира разговаривала с привратником.

– Да, они сказали, что пришли выносить твою мебель, Лира. Только что ушли. Один из них что-то нес.

– Спасибо, Билл. А эти двое не сказали, откуда они?

– А как же, вот и карточку мне оставили.

Карточку Лира тут же показала Малкольму. «Дж. Кросс, Переезды», – значилось на ней. И адрес в Киндлингтоне, за несколько миль к северу от Оксфорда.

– Знаете что-то об этом Дж. Кроссе? – спросил у привратника доктор Полстед.

– Нет, сэр, первый раз слышу.

Они взбежали на два лестничных пролета к комнате Лир. Малкольм с первого курса не поднимался по этой лестнице, но она с тех пор почти не изменилась. На верхнем этаже по обе стороны от маленькой площадки было две комнаты. Лира отперла правую дверь и включила свет.

– Господи боже! – вырвалось у Малкольма. – Ну что нам стоило прийти на пять минут раньше!

В комнате царил ужасный беспорядок. Стулья перевернуты, книги сброшены с полок на пол, бумаги – кучей на столе. Ковер валялся в углу, в полу не хватало доски.

– Ну, что ж, они его нашли, – заметила Лира.

– Он был там, под полом?

– Мой любимый тайник, – кивнула она. – Да не расстраивайтесь вы так. Они просто обязаны были найти неприбитую доску. Хотела бы я посмотреть на их рожи, когда они откроют рюкзак.

Она... улыбалась. Впервые за много дней мрачная тень покинула ее глаза.

– И что же они там найдут? – осторожно спросил осведомился Малкольм.

– Две книги из библиотеки исторического факультета, мои записи по экономической истории за прошлый год, свитер, который мне слишком мал, и две флакона шампуня.

Малкольм расхохотался. Лира порылась в книгах на полу и протянула ему две.

– Вот эти были в рюкзаке. Я их прочесть не смогла.

– Эта, кажется, на анатолийском... что-то о ботанике, судя по всему. А эта на таджикском. Так-так. Что еще там было?

Из кучи бумаг, расползшейся по всему столу и отчасти по полу, Лира выудила картонную папку – точно такую же, как несколько других.

Малкольм сел и открыл ее.

– Я пока загляну в спальню, – сказала Лира и скрылась в комнатке по ту сторону лестничной площадки.

Папка была надписана ее рукой. Малкольм сообразил, что она предусмотрительно вытаскивала свои записи и заменила чужими, – так оно и оказалось. Перед ним было вроде написанных карандашом дневниковых заметок. Далеко продвинуться он, впрочем, не успел: Лира вернулась со старой потертой жестяной из-под курительного листа, в которой оказалась примерно дюжина миниатюрных бутылочек, заткнутых пробками, и несколько таких же маленьких картонных коробочек.

– Это тоже было в рюкзаке, – сообщила она. – Но я понятия не имею, что в них такое. Какие-нибудь образцы?

– Лира, ты поступила очень умно. Но ты действительно в опасности. Они каким-то образом узнали, кто ты, и знают, что тебе известно об убийстве. Скоро они догадаются и о том, что содержимое рюкзака осталось у тебя. Не думаю, что тебе стоит оставаться здесь на ночь.

– Мне больше некуда пойти, – возразила она. – Разве что в Святую Софию, но и о ней они уже тоже наверняка знают.

Она сказала это совершенно будничным тоном и никакого сочувствия явно не ждала. Это выражение лица он помнил очень хорошо, еще с того времени, когда пытался чему-то ее учить: то же презрительное и вызывающее упорство таилось сейчас на дне ее глаз.

– Надо об этом подумать... Ты могла бы пойти к Ханне.

– Чтобы она тоже оказалась в опасности? Они, скорее всего, знают, что мы как-то связаны. Да еще к ней на Рождество приезжает сестра, так что ей будет просто некуда меня деть.

– А каких-нибудь друзей, у которых можно остановиться, у тебя нет?

– Ну, есть разные люди, у которых я раньше проводила Рождество, – но это они меня приглашали, я никогда не напрашивалась. Странно будет, если я вдруг начну проситься в гости. И к тому же... не знаю... Я просто не хочу больше никого впутывать.

– Но здесь ты оставаться не можешь, это ясно...

– Здесь я чувствовала себя безопаснее всего.

Лира наконец-то растерялась. Подобрала подушку с пола, обхватила руками, прижала к себе. «Почему она так не обнимает своего деймона?» – промелькнуло в голове у Малкольма. И тут у него в голове вспыхнуло то, что он, конечно, уже заметил, но как-то пропустил мимо внимания. Лира и Пантелеймон явно недолюбливали друг друга. У него внутри будто завязался узел. Ему вдруг стало их ужасно жалко.

– Так, у моих родителей есть паб в Годстоу. «Форель». Уверен, ты сможешь остановиться у них как минимум до конца каникул.

– А работать там можно?

– Ты имеешь в виду... – Малкольм слегка сконфузился, – достаточно ли там тихо, чтобы заниматься?

– Нет, – ответила она. – Я имею в виду работать в баре. Или на кухне. Или еще где. Чтобы платить за проживание.

Он видел, как она на самом деле горда и как потрясло ее откровение декана о том, что денег нет.

– Если хочешь... Да, они, думаю, были бы очень рады.

– А, тогда хорошо.

Да, о ее упрямстве он знал не понаслышке... интересно, сколько еще человек успели заметить это одиночество в ее взгляде вот в такие моменты, когда она не «держит лицо»?

– Тогда не будем терять времени, – сказал он. – Отправимся туда сегодня же, как только ты будешь готова.

– Здесь бы нужно прибраться, – она махнула рукой в сторону разгрома. – Нельзя же все вот так бросить.

– Просто верни книги на полки и поставь мебель, как была. А в спальне тоже все вверх дном?

– Да. Одежда кучей на полу, кровать перевернули...

Голос у нее перехватило, в глазах что-то блеснуло. Шутка ли, когда твой дом разграбили...

– Знаешь что, – сказал он. – Я сам поставлю книги на полки и бумаги приведу в порядок... И, думаю, с мебелью тоже разберусь. Ты иди, собери какую-нибудь одежду в сумку. Постель оставь в покое. Скажем Биллу, что грузчики оказались парой воров и ему следовало хорошенько подумать, прежде чем пускать в колледж кого попало.

Он снял тряпичную сумку с вешалки за дверью.

– Вот сюда можно положить содержимое рюкзака?

– Да... Да, конечно. Я пойду возьму одежду.

Малкольм поднял с пола книгу.

– Ты это читаешь?

«Вечный обманщик» Саймона Талбота...

– Да, – кивнула она. – Но я в ней не уверена.

– Автору бы это понравилось.

Он положил в сумку три папки, две книги и пригоршню бутылочек и коробочек. Еще немного, и они благополучно окажутся у Ханны в сейфе. Надо будет немедленно связаться с «Оукли-стрит», подразделением секретной службы, в котором они с Ханной оба состояли... а потом наведаться в Ботанический сад, куда так и не добрался злосчастный доктор Хассаль со своими образцами.

Он выпрямился и принялся расставлять книги на полки. Вошла Лира.

– Ты готова? Книги я распахал как попало. Боюсь, потом все равно придется поставить по порядку.

– Спасибо. Я очень рада, что вы были со мной, когда мы вернулись сюда. Обдурить их с рюкзаком – это, конечно, очень хорошо, но я даже не догадывалась, как это будет отвратительно... Ох, не знаю. *Они трогали мою одежду...*

Пан о чем-то тихо переговаривался с Астой. Она все расскажет потом Малкольму, и Пан это явно понимал. Как и Лира.

– Нет, – задумчиво проговорил Малкольм, – Биллу мы не скажем ни слова. Он захочет вызвать полицию, и придется ему объяснять, почему этого делать не надо. Он запомнит и нач-

нет проявлять ненужный интерес. Лучше уж вообще ничего не говорить. Если спросит, это действительно были грузчики, но они перепутали дату.

– А если в дело вмешается полиция, они с легкостью сложат два и два. Поймут, что я знаю про убийство... Но вот что интересно: как они сумели отследить рюкзак? За нами точно никто не шел.

– У другой стороны тоже есть алетиметр.

– Тогда, наверно, у них есть и очень хороший толкователь. Это не самый простой адрес. Детали такого рода очень трудно узнать. Скорее всего, за мной все это время следили. Боже, какая гадость!

– Да уж. А теперь давай-ка поскорее доставим тебя в Годстоу.

Лира подобрала «Вечного лжеца», убедилась, что закладка все еще на месте, и сунула книгу в свой рюкзак.

* * *

Мистер и миссис Полстед появление сына в компании Лиры ничуть не смутило. Они сразу согласились приютить ее в «Форели», отвели удобную комнату, не возражали, чтобы она работала в баре или на кухне – где будет полезней, и вообще показали себя самыми чудесными родителями на свете.

– В конце концов, это же он тебя тогда увез, – сказала миссис Полстед, ставя перед Лирой тарелку говяжьего рагу. – Вполне справедливо, чтобы он и привез обратно. Шутка ли, почти двадцать лет прошло!

– Я, между прочим, только что об этом узнала, – заметила Лира. – О том, что меня увозили. Я была слишком мала и ничего не помнила. А где монастырь? Далеко отсюда?

– Да вон, через реку. Только там сейчас одни руины. Потоп сильно его разрушил, восстанавливать оказалось слишком дорого. Много сестер погибло в ту ночь. У оставшихся не хватило сил, чтобы возродить прошлое. Ты же вряд ли помнишь сестру Фенеллу или сестру Бенедикту? Да куда тебе, слишком была мала.

Лира покачала головой – с набитым ртом.

– Сестра Бенедикта всем заправляла, – продолжала миссис Полстед. – А Фенелла в основном за тобой присматривала. Самая милая старушка на свете, уж ты мне поверь. Малкольм души в ней не чаял, совсем был убит горем, когда потом вернулся и узнал, что ее уже нет. Ах ты господи, я думала, вовек его не прощу – уж как он заставил меня поволноваться! Взял и исчез, ни слова не сказал... Конечно, мы решили, что он утонул, и Элис с ним, и ты тоже. Вот только каноэ пропало. И мы думали, может, он успел в него забраться. Крепко держались за эту надежду, пока он не вернулся – весь побитый, помятый, усталый, да еще и подстреленный.

– Подстреленный? – ахнула Лира.

Рагу оказалось хоть куда, она была голодна, как волк, но желание узнать все, что могла рассказать матушка Малкольма, оказалось сильнее.

– В руку, да. У него до сих пор шрам остался. И такой измученный был, как будто ни капли жизни в нем не осталось. Спал – сколько же? – дня три, наверно, без просыпу. А потом болел. Все от грязной воды, которую потопом принесло, помани мое слово. Как рагу? Может, еще картошки?

– Спасибо. Просто пальчики оближешь. Я вот одного не пойму: почему я ничего этого не знала? Сама я бы не вспомнила, так почему мне никто ничего не сказал?

– Хороший вопрос, милая. Я так думаю, поначалу все просто с ног сбивались, присматривая за тобой. Для колледжа это ведь целое дело. Место старое, замшелое, куча ученых – и никаких младенцев там никогда не было. Никто не знал, как это вышло, а Элис бы им ни за что не сказала. Что тебе Мал рассказал о том, как они привезли тебя в Иордан с лордом Азриэлом?

– Да я вообще об этом несколько часов назад узнала! До сих пор пытаюсь концы с концами свести. Элис я знала только как миссис Лонсдейл. Пока я была маленькая, она всегда была где-то рядом, следила, чтобы я была чистая, аккуратная и вела себя хорошо. Я думала... Ох, не знаю, что я думала. Наверное, что она просто всегда тут была.

– Господь всемогущий, да нет же. Я вот тебе скажу, как я об этом узнала. Старый магистр Иордана, доктор Карн, пригласил нас с Реджем. Наверное, полгода после потопа прошло. Мы понятия не имели, зачем ему понадобились, но приоделись и пришли как-то после обеда. Лето еще стояло, как сейчас помню. Он нас чаем угостил в саду и рассказал все как есть. Мал и Элис сделали, как собирались, и отвезли тебя к лорду Азриэлу – думали, ты у него будешь в безопасности. Я в жизни ничего более безумного не слышала и объяснила Малу, какой он был идиот... Хотя на самом деле я им очень гордилась и горжусь до сих пор. Только ему не говори. В общем, лорд Азриэл потребовал для тебя... это их право защиты.

– Убежище для ученых.

– Оно самое, от твоего имени. И сказал магистру, что ему придется сделать теперь из тебя ученого, чтобы ты имела полное право на защиту. А доктор Карн тогда посмотрел на Мала и Элис – едва не утонувших, грязных как черт, истощенных, в крови – и спросил: а с этими что делать? И лорд Азриэл ему сказал, береги, мол, как зеницу ока. И был таков.

Вот доктор Карн все и устроил. Договорился, чтобы Малкольм пошел в школу Рэдклиффа, и заплатил за его обучение, а потом принял студентом в Иордан. Элис была к образованию не слишком склонна, но голова у нее работала что надо. Умная девка, сообразительная. Магистр предложил ей место, вот так она и стала смотреть за тобой. Вышла за молодого Роджера Лонсдейла, плотника – славный был парень, порядочный. Погиб на стройке, несчастный случай. Овдовела, выходит, еще двадцати ей не исполнилось. Всего не знаю, что с ними случилось в ту проклятую поездку в Лондон на старом каноэ Малкольма. Сын мне и половины, небось, не рассказал, говорит, слишком, мол, было страшно, да только вернулись они с Элис крепкими друзьями. Не разлей вода стали, притом что он в школе учился.

– А до того они разве не дружили?

– Да смертельными врагами они были! Она на него шипела, а он ее в упор не замечал. Терпеть друг друга не могли. Уж она его изводила – на четыре года была старше, а в таком возрасте это много. Дразнила его, подкалывала... – даже как-то пришлось ее отчитать, а он никогда не жаловался. Только губы вот так сожмет, когда несет ей грязную посуду на мойку. А той зимой ей позволили подработать в монастыре, с тобой помогать. У бедной старой Фенеллы и так дел невпроворот было. А быстро ты тарелку-то подчистила! Еще хочешь?

– Нет, спасибо. Это было прямо то что надо!

– А слив печеных? Я в них ликера подлила, имей в виду.

– О, чудесно! Да, если можно.

Миссис Полстед положила ей на тарелку лакомства и добавила сверху жирных сливок. Лира посмотрела на Пана – видел ли он? Пока между ними не настало отчуждения, он все время дразнил ее за хороший аппетит. Но Пан сидел на полу, поглощенный разговором с деймоном миссис Полстед, старым седым барсуком.

– Малкольм кое-что мне рассказывал про этого вашего нового магистра. – Миссис Полстед снова присела к столу. – Плохо он с тобой обошелся.

– Ох, видите ли... даже не могу сказать, плохо или нет. У меня в голове все перепуталось. Все случилось так быстро... Если деньги, на которые я жила, действительно закончились, как он сказал, тут уж не поспоришь. Я ведь ничего толком не знаю, кроме того, что от него услышала. А... Малкольм сказал вам, как меня выставили из комнат?

Она в первый раз назвала его Малкольмом, и вышло немного неуклюже.

– А как же. Гадкий поступок, низкий. Колледж богат, как Али-Баба. И никакому студенту твои комнаты, конечно, не нужны. Подумать только, выгнать девочку из квартиры, где она всю жизнь жила!

– Ну, он там главный, а я... Не знаю. Все так сложно. У меня все как будто ускользает между пальцами. Думала, я себе лучше представляю положение дел.

– Оставайся у нас столько, сколько захочешь, Лира. Места много, да и мне лишняя пара рук никогда не помешает. Девушка, которую я собиралась нанять на Рождество, отправилась работать к Босуэлу, ну и скатертью дорога.

– Я работала там две зимы назад. Ни сна, ни отдыха.

– Все думают, что там так шикарно: духи, притирания и всякое такое, да только за всем стоит адский труд.

Лира вдруг сообразила, что, когда работала у Босуэла, она наверняка продавала и то, что было изготовлено на фабрике отца Мириам – но с Мириам она тогда знакома не была знала и потому не обратила внимания. Весь мир студенческих дружб и приятельств, вся мирная, скромная жизнь колледжа Святой Софии казались ей теперь далекими и какими-то ненастоящими.

– А теперь давайте-ка я вам с посудой помогу, – сказала она и вскоре была уже по локти в мыльной воде, чувствуя себя почти как дома.

* * *

Ночью Лире снился сон. Она увидела кошку на залитом луной газоне. Сначала это ее совсем не заинтересовало, но потом, вздрогнув так, что едва не проснулась (и уж точно разбудила Пантелеймона), Лира узнала Кирьяву, деймона Уилла. Кошка подошла к ней по седой от луны траве и потерлась о руку, которую Лира ей протянула. Уилл даже не подозревал, что у него есть деймон, пока ее не оторвали у него от сердца на мертвых берегах – как от Лире оторвали Пана. Лира словно вспоминала то, что случилось в ином времени... или, может быть, в будущем – и важность всего этого захлестнула ее с головой, как приливная волна, столь же мощная, как и радость, которую они делили когда-то с Уиллом. Красный дом из дневника тоже возник во сне, и теперь она знала, что находится внутри! Знала, зачем ей туда нужно! Знание это было неотъемлемой частью всего, что она знала. Лире-во-сне казалось, что они только вчера странствовали вчетвером в мире мулефа, и это время было окружено, пропитано такой любовью, что она заплакала, не просыпаясь, и проснулась на подушке, мокрой от слез.

Пан смотрел на нее. Он был совсем рядом, но ни слова ей не сказал.

Лира попыталась запомнить всё, что видела, каждый образ из сна, но греза растаяла за секунды. Осталась лишь любовь – острая, пьянящая, пронизывающая все вокруг.

* * *

Малкольм позвонил в колокольчик у двери Ханны.

Две минуты спустя они сидели вместе у огня, и он рассказывал ей про убийство, бумажник, рюкзак и про Лиру в «Форели». Ханна слушала его, не перебивая. Малкольм превосходно пересказывал события, придавая каждому должный вес и расставляя в наилучшем порядке.

– А что у тебя в сумке? – деловито спросила она.

– Так. – Он поставил сумку между колен. – Сначала бумаги. У меня не было времени посмотреть их как следует, но сегодня ночью я их все сфотографирую. Далее две книги. Вот эта, анатолийская, по ботанике. И еще одна.

Ханна взяла вторую. Скверно переплетенная и неумело отреставрированная; бумага грубая, хрупкая; типографский набор непрофессиональный. Ее явно много читали: обложка заса-

лена, некоторые страницы – с загнутыми углами, на многих – карандашные пометки на том же языке, что и основной текст.

– Похоже на стихи. Но язык непонятный, – сказала она.

– Это таджикский, – пояснил Малкольм. – Эпическая поэма, называется «Джахан и Рухсана». Прочсть целиком я не могу, но название разобрал.

– А вон там что за бумаги?

Это был дневник доктора Штрауса с описанием путешествия через Карамаканскую пустыню.

– Полагаю, здесь скрыт ключ ко всему, – сказал Малкольм. – По дороге сюда я заглянул в «Ягненок и флаг» и прочел эти записки. Ты тоже прочти. Много времени это не займет.

Ханна, сгорая от любопытства, взяла пачку страниц.

– Так ты говоришь, бедняга был ботаником?

– Завтра схожу в Ботанический сад. Посмотрим, что они мне скажут. В рюкзаке было несколько флакончиков – вот они – и коробочек, вроде бы с семенами.

Ханна взяла бутылочку, посмотрела на свет, понюхала, попыталась разобрать этикетку.

– *Ol. R. tajikae...* *Ol. R. chashmiae...* Не так-то просто разобрать. *Ol.* – это наверняка *oleum*, масло. *R.* – вероятно, роза.

– Вот и я так думаю.

– А это семена? – она потрясла одну из коробочек.

– Надо полагать. У меня не было времени открыть.

– Ну, так давай посмотрим.

Крышка оказалась тугой, с ней пришлось повозиться. Наконец, Ханна высыпала в ладонь содержимое: пару десятков мелких семян, неправильной формы и серовато-коричневого цвета.

– *R. lornoriae...* – прочитал Малкольм на крышке. – Это интересно. Узнаешь?

– Должно быть, семена розы, хотя я, конечно, могу и ошибаться. Но выглядят как роза. А что тут интересного?

– Название вида. Вообще, ботаник, у которого рюкзак набит семенами, – в этом нет ничего необычного... Я что-то пытаюсь вспомнить, вот только никак не могу понять что. Похоже, это может заинтересовать «Оукли-стрит».

– Вот и я так думаю. Увижу Гленис в субботу на мемориальной службе по Тому Надженту и поговорю с ней.

– Отлично, – кивнул Малкольм. – Но об убийстве и краже лучше не упоминать. Ханна... что тебе известно про Лобнор?

– Это озеро? Или пустыня? В любом случае это где-то в Катае. Никогда там не бывала, но слышала название несколько месяцев назад в связи... с чем же?

– Там где-то есть научно-исследовательская станция. В основном они занимаются метеорологическими исследованиями, но и кое-чем другим тоже. И там необъяснимым образом пропали несколько ученых. Ходили слухи про Пыль.

– Вспомнила! Чарли Кейпс мне рассказывал.

Чарльз Кейпс был священником англиканской церкви и тайным другом «Оукли-стрит». Он занимал рискованную позицию: за отступничество церковь карала очень строго, а церковные суды не признавали апелляций. Им было известно только одно объяснение: дьявольское искушение. Передавая информацию «Оукли-стрит», Кейпс ставил под удар свою карьеру, свободу, а возможно, и саму жизнь.

– Значит, Магистериум интересуется Лобнором, – задумчиво сказал Малкольм. – И, вероятно, розами тоже.

– Ты собираешься отнести все материалы в Ботанический сад?

– Да, но сначала сфотографирую бумаги. И, Ханна...

– Да?

– Нам придется рассказать Лире про «Оукли-стрит». Она слишком уязвима. Ей пора узнать, где искать помощи и защиты, если что. «Оукли-стрит» сможет предоставить и то и другое.

– Я ей уже едва не сказала, – кивнула Ханна. – Но все-таки удержалась. Думаю, ты прав, мы ей расскажем. Все это напомнило мне о другом рюкзаке, который много лет назад принадлежал Джерарду Бонневиллю. Столько материалов – никогда не видела такой сокровищницы! И ее алиетиометр!

– Кстати, об алиетиометрах. Меня тревожит, что другая сторона сумела так быстро выследить Лиру и рюкзак. Это ведь не совсем обычно, да?

– И подтверждает наши догадки, – нахмурилась Ханна. – Уже много месяцев ходят слухи о новом способе чтения алиетиометра. Весьма... неортодоксальном. Отчасти экспериментальном. Новый способ подразумевает отказ от точечной сосредоточенности, необходимой для классического метода. Не могу объяснить, как это работает: единственный раз, когда я его попробовала, мне было очень плохо. Но, судя по всему, если приноровиться, ответы приходят гораздо быстрее, а книги и вовсе не нужны.

– И многие им сейчас пользуются?

– В Оксфорде никто, насколько я знаю. Общее мнение его пока не принимает. Большинство открытий новым методом было сделано в Женеве. У них там есть какой-то исключительно одаренный молодой человек. Ни за что не угадаешь, к...

– А Лира? – перебил он. – Она пробовала этот новый метод?

– Возможно, раз или два, но без особого успеха.

– Извини, я тебя перебил. Так что же я ни за что не угадаю?

– Это юное женевское дарование зовут Оливье Бонневиль.

Глава 9. Алхимик

Прочитав дневник Штрауса, Ханна сразу согласилась с Малкольмом, что в «Оукли-стрит» должны это увидеть, и как можно скорее. Поэтому, придя домой, он немедленно принялся за работу. На то, чтобы сфотографировать бумаги из рюкзака Хассалея и титульные листы обеих книг, ушла целая ночь: было уже почти пять часов утра, когда Малкольм, наконец, положил фотокассеты в холодильник и отправился спать.

Но прежде чем заснуть, Аста спросила:

– Она не потеряла свой пистолет?

Все агенты «Оукли-стрит» такого высокого ранга, как Ханна, должны были пройти курс самообороны без оружия и раз в год сдавать экзамен по стрельбе из пистолета. Ханна выглядела – да и была – кроткой, седой ученой дамой, но постоять за себя могла.

– Она хранит его в сейфе, – сказал Малкольм. – И наверняка старается лишний раз не доставать.

– Лучше бы держать его под рукой.

– Ну, скажи ей сама. Я-то уже пытался.

– А что мы будем делать с этим Оливье Бонневилем?

– Пока ничего, только строить догадки. Сын? У Бонневилля вполне мог быть ребенок. Еще один вопрос, на который нужно найти ответ. Посмотрим, что знают в «Оукли-стрит».

* * *

После завтрака Малкольм отдал пленки для обработки надежному мастеру и, выйдя на Хай-стрит, направился к Ботаническому саду. День был хмурый и серый, пахло дождем, но окна административного здания ярко сияли на фоне громадного тиса.

Секретарша сначала попыталась избавиться от посетителя: мол, директор занят, к ней можно только по записи. Но стоило Малкольму сказать, что он пришел по делу, связанному с Родериком Хассалем, как она забыла о формальностях и уставилась на гостя круглыми глазами.

– Вы знаете, где он? – спросила она, а ее деймон, маленький бостон-терьер, вскочил и еле слышно заскулил, подняв шерсть на загривке.

– Именно об этом я и хотел бы поговорить с директором.

– О, да, конечно. Прошу прощения.

Секретарша встала из-за стола и прошла во внутренний кабинет, а деймон побежал следом, едва не наступая ей на пятки. Через несколько секунд она вышла и заявила:

– Профессор Арнольд готова принять.

– Спасибо, – сказал Мальком и вошел в кабинет.

Секретарша прикрыла за ним дверь.

Профессор Арнольд оказалась женщиной лет сорока, белокурой, стройной и очень строгой на вид. Посетителя она встретила стоя. Деймон-колибри, порхавший над ее ухом, через секунду-другую опустился и удобно устроился на плече, а директор сразу приступила к делу:

– Что вам известно о Родерике Хассале?

– Я-то надеялся, что вы сможете мне о нем рассказать. Я знаю только то, что здесь, – ответил Малкольм и поставил сумку на директорский стол, где царил идеальный порядок. – Это я нашел на автобусной остановке. Подумал, что кто-то забыл. Подождал пару минут – может, кто вспомнит и вернется. Но никто не пришел. Тогда я подумал, что нужно выяснить, кто владелец. Внутри, среди прочего, я нашел бумажник.

Профессор Арнольд достала бумажник из сумки, мельком взглянула на него и снова уставилась на Малкольма.

– Так я выяснил, что владелец этих бумаг – ваш сотрудник, – продолжал тот. – И решил принести их сюда.

– На автобусной остановке, говорите? На какой?

– На Абингдон-роуд, в сторону центра.

– Когда?

– Вчера утром.

Профессор Арнольд отложила бумажник и взяла одну из папок. Быстро пробежав глазами содержимое, она обратилась ко второй папке, а затем и к третьей. Малкольм стоял и ждал, когда она заговорит сама. Наконец, она подняла голову и пристально посмотрела на него, как будто оценивая.

– Прошу прощения, но мой секретарь не сообщила, как вас зовут, – сказала она.

– Она и сама меня не спросила. Меня зовут Малкольм Полстед. Я преподаватель из Дарема. Когда я упомянул о докторе Хассале, вашу помощницу это явно потрясло. Смею заметить, вы отреагировали так же. Выходит, документы подлинные? Университетские карточки, удостоверения и прочее? Доктор Хассаль действительно существует и он – ваш сотрудник?

– Прошу меня извинить, доктор... Вы же доктор?.. – Он кивнул. – Доктор Полстед, все это застало меня врасплох. Пожалуйста, садитесь.

Он сел на стул лицом к директорскому столу. Профессор Арнольд тоже села и сняла телефонную трубку.

– Мне нужен кофе, – сказала она и, глядя на Малкольма, вопросительно приподняла брови. Тот кивнул. – Не могли бы вы принести нам кофе, Джоан? Две чашки, будьте так любезны.

Затем она снова взяла бумажник, извлекла его содержимое – карточки, паспорта, деньги – и аккуратно разложила на листе промокательной бумаги.

– Почему вы... – Она осеклась, помолчала и заговорила уже совсем по-другому: – Вам не пришлось в голову отнести это в полицию?

– Первым делом я заглянул в бумажник, чтобы выяснить имя владельца. И когда я увидел удостоверение и узнал, что он работает здесь, то подумал, что проще будет принести все это прямо сюда – сэкономить всем время. Кроме того, должен признаться, меня одолело любопытство. Видите ли, в одном из документов я увидел название места, где мне и самому довелось побывать, и мне стало интересно, какие исследования вел доктор Хассаль.

– Какого места?

– Лобнор.

Теперь директор смотрела на него не просто изучающе, но с подозрением и даже с тревогой.

– Чем вы там занимались? – резко спросила она и тут же добавила: – Извините, если это прозвучало как обвинение.

– Искал одну могилу. Я, видите ли, историк, и одна из областей, которыми я давно интересуюсь, это история Шелкового пути. Могилу я так и не нашел, но сделал другие открытия, так что поездка оказалась бесполезной. Так позвольте спросить, что же делал доктор Хассаль в Центральной Азии?

– Ну, он ведь ботаник, так что... В общем, там есть исследовательский институт, и мы с Эдинбургским и Лейденским университетами поддерживаем его. Доктор Хассаль работал там.

– Но почему именно там? Я что-то не припоминаю, чтобы в окрестностях Лобнора была богатая растительность... так, редкие тополя, какая-то трава... еще, пожалуй, тамариск...

– Во-первых, там особые климатические условия... Спасибо, Джоан, поставьте и можете идти. Итак, особые климатические условия, которые трудно воспроизвести дальше к северу

или к западу, особенно у нас, рядом с океаном. Во-вторых, почва там... м-м-м... содержит некоторые необычные минералы. Ну и, наконец, особые местные методы. Дело в том, что там выращивают цветы, которые просто... короче говоря, больше нигде не растут.

– А доктор Хассаль? Он уже вернулся в Оксфорд? Мне просто любопытно... Я понимаю, что это не мое дело, но все-таки, почему вы так беспокоитесь?

– Я беспокоюсь за него, – сказала профессор Арнольд. – От него давно уже не было вестей. Мы думали, он погиб.

– Неужели? А когда вы начали так думать?

– Несколько недель назад. Он пропал со станции.

– Со станции?

– Ну, мы называем это станцией. Этот исследовательский институт в Ташбулаке.

– Это рядом с Лобнором? И от исчез оттуда?

Профессор Арнольд явно чувствовала себя все более неуютно. Она забарабанила пальцами по столу – ногти были коротко подстрижены, и Малкольм даже заметил под ними грязь, как будто она копалась в земле прямо перед тем, как он вошел.

– Поймите меня правильно, доктор Полстед, – сказала она, – и простите, если мои ответы кажутся уклончивыми. Дело в том, что связь со станцией всегда была медленной и ненадежной. Очевидно, наша информация о докторе Хассале была неверна. Я очень рада, что нашли эти вещи... Это значит, что он, возможно, еще жив, но я не ожидала... Понимаете, если он сам привез их в Оксфорд, то, конечно... Было бы просто замечательно, если бы он явился сюда лично... Одним словом, я просто не представляю, кто и как мог забыть их на автобусной остановке! Уверена, что он бы этого не сделал. Должно быть, это кто-то другой... Нет, я решительно ничего не понимаю! Надеюсь, его не... О, спасибо вам огромное, доктор Полстед! Спасибо, что принесли это сюда.

– И что вы теперь будете делать?

– Вы имеете в виду, со всем этим? С этими вещами?

Она чего-то испугалась, – и тут же испугалась, что выдала свой испуг незнакомцу. Но деймон-колибри у нее на плече даже не вздрогнул и продолжал серьезно смотреть на Малкольма. Малкольм ответил ему невинным взглядом, стараясь показаться честным и безобидным простачком.

– Там что-то насчет роз? – спросил он.

Директор моргнула. Деймон отвернулся и зарылся клювом ей в волосы.

– Почему вы так решили?

– По двум причинам. Во-первых, эти образцы – семена и розовое масло. Во-вторых – та потрепанная книжка в красной обложке. Это эпическая поэма на таджикском, под названием «Джахан и Рухсана». О паре влюбленных, которые ищут розовый сад. Значит, доктор Хассаль изучал что-то связанное с розами?

– Да, именно так, – кивнула профессор Арнольд. – Больше я вам ничего рассказать не могу, уж простите. Дел очень много: и дипломные работы, и наши местные проекты, и все эти материалы из Ташбулака, не говоря уже о моих собственных исследованиях...

Малкольм в жизни не встречал человека, который до такой степени не умел врать. Он от души ее пожалел: бедняжке пришлось импровизировать, а она еще даже не оправилась от потрясения.

– Не буду больше вам мешать, – сказал он. – Спасибо, что объяснили, что смогли. Если возникнет необходимость со мной связаться...

Он положил на стол визитку.

– Спасибо, доктор Полстед, – сказала директор и пожала ему руку.

– Если появятся новости, дайте мне знать! Этот доктор Хассаль и мне теперь в некотором роде не чужой.

Выйдя из здания, он решил немного посидеть в саду, где тусклое зимнее солнце золотило голые ветви кустарника, а двое молодых людей возились с растениями возле теплиц.

– Надо было сказать ей правду, – заметила Аста.

– Знаю. Но тогда мы втянули бы во все это Лиру. И полицию... А мы ведь помним, что убийца – один из полицейских.

– Да ладно тебе, Мал! Этот полицейский был не при исполнении. Не все же они такие! Просто Пану такой попался. В полиции должны узнать и о том, что произошло, и что это сделал один из них.

– Ты совершенно права, и мне ужасно не по себе от того, что приходится молчать.

– Но?..

– Скоро мы ей расскажем. И полиции тоже.

– Когда?

– Когда узнаем чуть больше.

– И как же ты собираешься это сделать?

– Пока не знаю.

Аста закрыла глаза. Малкольму очень не нравилось, что Лире пришлось одной пойти на такой страшный риск, когда она забирала рюкзак из камеры хранения. Но к кому она могла обратиться за помощью? Уж точно не к нему – по крайней мере тогда. Если ты стал свидетелем убийства и решил не сообщать в полицию, то полагаться можно только на себя.

Придя к этому выводу, он снова задумался о Лире. Аста лежала рядом с ним на деревянной скамейке в позе сфинкса, полузакрыв глаза, – а Малкольм сидел и гадал, как Лира обжигается в «Форели», достаточно ли там безопасно и так далее. Эти вопросы тянули за собой десяток других, и все они вращались вокруг одного, самого главного, – но как раз о нем думать пока не хотелось. Похоже, Лира уже не та строптивая и высокомерная девчонка, чьи манеры и тон так выбивали его из колеи несколько лет назад, когда он пытался учить ее. Теперь она стала гораздо более сдержанной или, возможно, не столь уверенной в себе. Более того, она казалась одинокой и несчастной, хотя и старалась делать вид, что у нее все хорошо. И еще эти ее странные, натянутые отношения с деймоном... Но когда они сидели в том итальянском ресторанчике, Лира держалась почти доверительно, почти по-дружески; а как искренне, чуть ли не по-детски беспечно она обрадовалась, что ей так ловко удалось подменить содержимое рюкзака! Нет, главный вопрос не исчез. Малкольм снова вернулся к нему, не в силах сопротивляться.

Он отлично знал, что неуклюж, как бык. Он отдавал себе отчет во всех контрастах: он уже зрелый мужчина, а она так молода; он – крупный и тяжелый, она – худенькая; он флегматичен, она непоседлива...

Он мог бы наблюдать за ней часами. Ни у кого на свете не было таких выразительных глаз, как у Лире, – огромных, с длинными ресницами, великолепного ярко-синего цвета. Да, она очень молода, но на лице ее уже можно различить, где с годами пролягут складки – от смеха, от сочувствия, от напряжения мысли... и тогда это лицо станет еще прекраснее, еще сложнее и живее. В уголках рта уже виднелись крохотные ямочки – следы улыбки, которая как будто никогда не исчезала окончательно и была готова расцвести в любой момент. А ее волосы цвета темной соломы, слишком короткие и зачастую растрепанные, но всегда такие мягкие и блестящие! Еще в те времена, когда она была его ученицей, ему доводилось наклоняться ей через плечо, чтобы заглянуть в письменную работу, и пару раз он почувствовал легкий запах от ее волос – не шампуня, а теплого молодого тела, – и тотчас же потерялся, забылся в этом запахе. Но она была ученицей, а он – учителем, и думать о чем-то подобном было настолько неправильно, что Малкольм прихлопнул крамольную мысль, не дав ей оформиться до конца.

Но с тех пор прошло четыре года, и так ли уж плохо думать об этом сейчас? Так ли плохо мечтать о том, чтобы обхватить ее лицо ладонями и нежно привлечь к себе, ощущая под пальцами тепло и гладкость щек?

Ему уже приходилось влюбляться, так что он прекрасно понимал, что с ним происходит. Но девушки и женщины, которыми он увлекался раньше, были примерно одного с ним возраста. Почти все. За одним исключением – но там дело обстояло наоборот. Весь его прошлый опыт был тут бесполезен, а Лира к тому же оказалась в такой опасной и сложной ситуации, что докучать ей сейчас своими чувствами было бы непростительно. Но факт оставался фактом. Он, Малкольм Полстед, тридцати одного года от роду, был влюблен в нее. И невозможно было представить, что она тоже когда-нибудь сможет его полюбить.

Тишина просторного сада, доносящиеся издалека голоса двух молодых ботаников, мерные удары их мотыг, мурлыканье деймона... все это в сочетании с недосыпом и сердечным волнением искушало закрыть глаза и надеяться увидеть Лиру во сне. Решительно встав со скамейки, Малкольм сказал Асте:

– Пойдем поработаем.

* * *

Той же ночью, часов в одиннадцать, мистер и миссис Полстед лежали в постели и тихо беседовали. Это был второй вечер, который Лира провела в «Форели». Сейчас она удалилась в свою комнату, а все остальные – девушка, помогавшая на кухне, мальчик на побегушках и помощник бармена – разошлись по домам. Постояльцев сегодня не было.

– Никак не могу заставить ее открыться, – сказал Редж Полстед.

– Лиру? В каком смысле?

– На вид она бодра и весела. Эдакая, знаешь, милая болтушка. Но временами вдруг замолкает и уходит в себя. И все ее лицо меняется. Будто у нее случилось что-то плохое.

– Нет, – возразила его жена, – не в этом дело. Просто ей одиноко. Похоже, она к этому привыкла и ничего другого не ждет, но это ее не радует. Вот почему она такая. Это у нее меланхолия.

– Она даже с деймоном своим почти не разговаривает, – заметил Редж. – Как будто каждый сам по себе.

– А каким счастливым она была ребеночком! Все смеялась, пела, веселилась... Хотя, конечно, это было до того, как... ну, ты знаешь.

– До того, как Малкольм ее увез. Ну, что тут скажешь. Он ведь и сам после этого изменился. И Элис тоже.

– Но они-то были куда старше! На них это не могло не сказаться. А она – что взять с младенца? Они в этом возрасте ничего не помнят. А вот поди ж ты, и она изменилась. Ну и потом, нехорошо с ней обошлись в этом колледже! Это же ее родной дом, могли бы и позаботиться о ней как следует. Так что ничего странного, что она немного грустит.

– Интересно, а родственников у нее нет? Малкольм говорит, что и отец, и мать у нее давно умерли.

– Может и есть какие-нибудь дядья да тетки, но я бы на них не рассчитывала, – проворчала миссис Полстед.

– Почему?

– Да потому, что они давным-давно должны были ее разыскать и забрать! Разве это дело, чтобы девочка росла среди ученых стариков?

– Ну, значит, им на нее плевать. Коли так, оно и к лучшему, что не разыскали.

– Надо думать, – сказала его жена. – Но знаешь, что я тебе скажу: она девушка работающая! С делами Полины управляется быстрее и лучше, чем сама Полина. И если я не найду Лире другую работу, Полина расстроится.

– Но ведь ей не обязательно работать! Она может просто пожить у нас, как гостя. Мы будем только рады, уж я-то точно.

– Да и я тоже, милый, но это не для нас нужно, а для нее. В колледже ей, конечно, задают домашнюю работу, но это не то. Ей важно быть полезной. Вот я и пытаюсь придумать, чем ее занять. Поручить ей такое, чем было бы некому заняться, кроме нее.

– Да, наверно, ты права. Надо подумать. Доброй ночи, солнышко.

И он повернулся на другой бок. А миссис Полстед еще минут пять читала детективный роман, но потом почувствовала, что глаза слипаются, и погасила свет.

* * *

Ханна Релф не догадывалась, что на самом деле Лира все-таки пыталась освоить новый метод работы с алетиметром. Метод этот не был широко известен – работу с алетиметром почти не обсуждали публично, – но в узких кругах специалистов он вызывал бурный интерес.

Инструмент, которым она пользовалась, Малкольм когда-то нашел в рюкзаке Джерарда Бонневила и сунул в сверток одеял, в котором лорд Азриэл передал Лиру магистру Иордан-колледжа. Когда Лире исполнилось одиннадцать, магистр отдал ей этот драгоценный прибор, и с ним Лира отправилась в свое великое путешествие – на Север и дальше, в другие миры. Поначалу она работала с ним, пользуясь только интуицией, и все получалось само собой. Однако вскоре эта способность пропала: Лира разучилась видеть связи и подобия за символами на шкале, которые прежде раскрывались перед ней так легко и ясно.

Пережить потерю этого дара было нелегко. Утешением, хотя и слабым, служила мысль о том, что усердная учеба снова даст ей возможность понимать алетиметр – хотя бы отчасти; но все равно она не сможет обходиться без книг, в которых запечатлены открытия многих поколений, веками накопленные знания о символах и возможных связях между ними. Какой ужасный контраст! Словно ты когда-то умел летать, как ласточка, но утратил крылья, а взамен получил пару костылей, чтобы хоть как-то ковылять по земле.

И это тоже было одной из причин ее меланхолии. Миссис Полстед не ошиблась: Лира действительно пребывала в меланхолии, а с тех пор, как испортились отношения с Паном, ей не с кем было об этом поговорить. Какой абсурд: они были единым существом, но при этом больше не могли нормально разговаривать друг с другом! Даже просто находиться рядом молча, и то было нелегко. И Лира все чаще ловила себя на том, что шепотом беседует с призраком, со своей фантазией о том, каким сейчас стал Уилл в своем чужом, недостижимом мире.

Не удивительно, что новый способ обращения с алетиметром ее заинтересовал: это была отличная возможность отвлечься. Методика передавалась из уст в уста. Никто не знал, с чего все началось и кто это придумал, однако ходили слухи о невероятных научных прорывах, о настоящей революции в теории, о сенсационных случаях толкований без помощи книг. Выходит, книги не нужны, они просто лишние! И Лира втайне от всех начала экспериментировать.

На вторую ночь своего пребывания в трактире «Форель» она сидела в постели, опираясь на подушку, согнув колени и подоткнув со всех сторон одеяла. Алетиметр покоился в ее ладонях, сложенных чашечкой. Низкий скошенный потолок, обои в мелкий цветочек, ветхий коврик на полу у кровати – все было необычайно уютным и как будто давным-давно знакомым, а от мягкого желтого света нефтяной лампы казалось, что в комнате гораздо теплее, чем показывает термометр. Пан сидел под лампой; в старые добрые времена он бы свернулся теплым клубочком у Лир на груди.

– Что ты делаешь? – спросил он.

В его голосе слышалась враждебность.

– Собираюсь снова опробовать новый метод.

– Зачем? В прошлый раз тебе от него стало плохо.

– Я хочу его исследовать. Открыть что-то новое.

– Мне этот новый метод не нравится. Не надо больше так делать.

– Но почему?

– Когда ты так делаешь, ты как будто пропадаешь. Я перестаю понимать, где ты. И мне кажется, ты и сама этого не понимаешь. Тебе не хватает воображения.

– Что-о?

– Будь у тебя побольше воображения, было бы не так плохо. Но...

– Да что ты говоришь?! С чего это ты решил, что у меня нет воображения?

– Я просто хочу сказать, что ты пытаешься от него избавиться и жить без него. А всё эти книги! Одна говорит, что его не существует, другая – что даже если и так, все равно неважно.

– Да нет же, нет...

– Ну, если тебя не интересует мое мнение, то и не спрашивай.

– Но я не... – Лира не знала, что сказать. Этот разговор выбил ее из колеи. А Пан бесстрастно смотрел на нее и ждал, что она скажет дальше. – Что же мне делать? – наконец воскликнула она.

Она имела в виду, что ей делать с Паном, как им все исправить. Но Пан понял ее иначе.

– Ну, предполагается, что нужно дать волю воображению, – ответил он. – Но для тебя это не так-то просто, да?

– Я не... на самом деле я... Слушай, Пан, я просто не понимаю, о чем ты. Мы как будто говорим на разных языках. Я не вижу связи...

– А кстати, что именно ты хотела посмотреть?

– Теперь уже и не знаю. Ты меня запутал. Но что-то где-то не так. И я хотела посмотреть – может, удастся выяснить, что именно.

Пан отвел глаза и медленно поволил хвостом из стороны в сторону, а потом просто отвернулся, запрыгнул на обитое ситцем кресло и уснул, свернувшись калачиком.

Значит, ей не хватает воображения? Она пытается от него избавиться? Ни разу за всю свою жизнь Лира не задумывалась, как у нее обстоят дела с этим качеством. А если бы задумалась, то, пожалуй, и признала бы, что за эту сторону ее личности отвечает, скорее, Пан, потому что сама по себе она была практичной, здравомыслящей, приземленной... Но откуда ей это было известно?

Все дело в том, что такой ее считали другие – или, по крайней мере, обращались с ней так, как если бы она была именно такой. У нее были друзья, которым, по ее мнению, воображения хватало: они были остроумными, говорили всякие удивительные вещи или много мечтали. Неужели она не такая? Очевидно, нет. Но кто бы мог подумать, как обидно будет услышать, что у нее нет воображения!

Правда, Пан сказал, что все это из-за тех самых книг. И действительно, «Гиперхоразмийцы» так и сочились презрением ко всем, у кого была художественная натура, кто сочинял стихи и говорил о «духовном». Значит, Готфрид Бранде подразумевал, что воображение и впрямь бесполезно? Лира не помнила, говорил ли он об этом прямо... Надо будет полистать книгу, проверить. Что до Саймона Талбота и его «Вечного лжеца», то его воображение было выставлено напоказ – и сводилось к очаровательным, но бессердечным играм с правдой. Это ошеломляло, кружило голову. Начинало казаться, что никакой ответственности вообще не существует, нет никаких последствий и бесспорных фактов.

Лира вздохнула. Она по-прежнему держала алетомер в ладонях, рассеянно поглаживая большими пальцами его рифленые колесики, наслаждаясь знакомой тяжестью увесистого прибора, поворачивая его из стороны в сторону и любуясь бликами света на блестящем корпусе.

– Ну что ж, Пан, я пыталась, – сказала она вслух, хотя и очень тихо. – И ты тоже пытался, сколько мог. Но продолжать ты явно не можешь. Хотя на самом деле просто не хочешь. И что же мы будем делать? Так жить нельзя. Почему ты меня так ненавидишь? И почему я тебя ненавижу? Почему мы не можем просто быть вместе?

Ей уже расхотелось спать. На душе было тяжело, и сна ни в одном глазу.

– Ну ладно, – прошептала она. – Теперь уже неважно.
Она выпрямилась и сосредоточилась на алетиметре.

Между новым методом и классическим существовало два основных различия. Первое было связано с исходным положением стрелок на шкале. Классический метод требовал формулировать вопрос, направляя три стрелки на три разных символа, тем самым точно очерчивая суть проблемы. Новый же метод предлагал толкователю выбрать один-единственный символ и направить на него все три стрелки. Те, кто прошел классическую подготовку, считали, что это грубое нарушение традиций, не дающее надежных результатов. Треугольник, образованный тремя стрелками, служил прочным основанием для последовательной и методичной работы, тогда как одна-единственная опора, на которую толкователь рассчитывает при новом подходе, порождает дикий и непредсказуемый хаос значений, потому что игла начинает стремительно метаться между символами.

Второе различие было связано с настроем самого толкователя. При классическом подходе требовалось сосредоточенное, внимательное и, вместе с тем, расслабленное состояние ума. Научиться этому было непросто. К тому же часть внимания нужно было оставить для обращения к книгам, в которых описывались многочисленные значения каждого символа. Сторонники же нового метода утверждали, что книги вообще не нужны. Толкователь не должен ничего контролировать, а должен войти в состояние пассивного созерцания, когда нет ничего определенного и все возможно в равной степени. Именно поэтому и Ханне, и Лире пришлось остановиться почти сразу, едва они начали экспериментировать с новым методом. Обоих ужасно укачивало. И теперь, сидя в кровати и размышляя об этом, Лира вдруг засомневалась.

– А что, если все пойдет не так? – прошептала она. – Что, если я заблужусь и не смогу вернуться?

Да, такой риск существовал. Без твердой опоры, без прочного якоря можно было запросто утонуть в этом бушующем море.

С отчаянной решимостью и вместе с тем не без опаски Лира повернула колесики и установила все три стрелки на одном символе – лошади. Почему именно лошадь, она не знала. Затем крепче сжала в руках алетиметр и закрыла глаза. Ее сознание устремилось вглубь, словно ныряльщик, прыгнувший с высокого утеса.

– Не ищи твердой почвы... войди в поток... слейся с ним воедино... пусть он проходит сквозь меня... волна за волной... нет ничего определенного... все подвижно... – бормотала она себе под нос.

Символы со шкалы алетиметра неслись на нее и пролетали мимо, накатывали снова и исчезали. Она то падала головой вниз, то взмывала ввысь, то рушилась в какую-то ужасную бездну. Образы, которые она полжизни знала как свои пять пальцев, то превращались в нечто пугающее, враждебное, то исчезали, растворялись в тумане. Лира расслабилась, отдавалась потоку. Она плыла и парила, кувыркалась, падала и вновь поднималась. Она ни за что не держалась. Стало темно, а затем вспыхнул ослепительный свет. Она стояла на бесконечной равнине, покрытой окаменевшими символами со шкалы алетиметра, в небе сияла огромная луна. Миг, и все изменилось. Ее окружал непроглядный лес, со всех сторон доносились звуки – звериный рев, человеческие вопли, шепот испуганных призраков. Стебли плюща дотянулись до неба, оплели солнце и стащили его вниз, на поляну, где храпел и рыл копытом землю разъяренный черный бык. Сквозь все это Лира плыла без остановки, бесцельно, отрешившись от всех человеческих чувств. Сцена за сценой – банальные, нежные, ужасные картины – разворачивались перед ней и гасли вновь, а она наблюдала за всем с интересом, но бесстрастно. Возможно, она уже спит и видит сон? Или это неважно? Но как отличить важное от случайного и бессмысленного?

– Я не знаю! – прошептала она.

Накатила тошнота и ужасная слабость – неизбежные последствия работы по новому методу. Отложив инструмент, Лира сделала несколько глубоких вдохов, и ей стало легче.

«Должен быть способ получше», – подумала она. Наверняка происходило что-то важное, вот только трудно было понять что. А о чем бы она спросила, если бы под рукой были книги и можно было бы узнать у старых мастеров о том, как лучше сформулировать вопрос и истолковать ответ? Конечно, о той кошке, которая ей недавно приснилась! Действительно ли это деймон Уилла и если да, то что это значит?

От этой мысли ей стало не по себе. Тотальный скептицизм, которому ее научили Бранде и Талбот, каждый по-своему, запрещал придавать значение миру снов и оккультных явлений. Это все детские забавы, бесполезный вздор. Но разве алетиметр – не врата в этот самый мир? Лиру буквально разрывало надвое.

И все же... та кошка цвета тени на залитом луной газоне...

Лира снова взяла алетиметр и установила все три стрелки на птицу, которая обозначала деймонов вообще. Снова закрыв глаза, положила алетиметр себе на колени, придерживая его, чтобы не упал, но без малейшего напряжения. Вернуться в настроение сна, который она видела, оказалось нетрудно: оно и так постоянно напоминало о себе, витая вокруг, словно тонкий, едва уловимый аромат. Во сне кошка, которая подошла к ней, была спокойной и счастливой и подставила голову, чтобы Лира почесала ее за ушами. Ее шерсть будто искрилась и потрескивала от восторга. И Лира поняла, что этот деймон – Кирьява, и ей позволено прикоснуться к ней, потому что она любит Уилла, а если она здесь, то и Уилл должен быть где-то рядом...

Внезапно сцена изменилась. Лира, все еще во власти воспоминаний, очутилась в каком-то красивом доме, в коридоре с окнами, выходящими в узкий внутренний дворик, где под лучами зимнего солнца сверкал огромный лимузин. Стены коридора были выкрашены в светлый мучнисто-зеленый цвет – или казались такими в бледном свете зимнего дня.

И там тоже была кошка-деймон!

Или нет... обычная кошка, и на этот раз она сидела спокойно и просто смотрела на Лиру. Не Кирьява. В пылу надежды, смешанной с разочарованием, Лира бросилась к ней, а кошка повернулась и неторопливо двинулась к открытой двери. Лира пошла следом.

Стены комнаты были увешаны книжными полками, а за столом сидел молодой человек с алетиметром, и это был...

– Уилл! – воскликнула она.

Удержаться было невозможно. Она узнала эти черные волосы, эту крепкую челюсть и напряженные плечи... но в следующий миг юноша поднял голову, и она поняла, что это вовсе не Уилл, а кто-то другой – примерно ее возраста, тощий, злой и высокомерный. И его деймон – вовсе не кошка, а пустельга – сидел на спинке его стула и желтыми глазами таращился на Лиру. Куда же подевалась Кирьява? Лира огляделась по сторонам – кошка исчезла. Лиру и молодого человека, сидевшего за столом, осенило одновременно – вот только поняли они совсем разные вещи. Молодой человек узнал девушку, до которой так отчаянно хотел добраться его наниматель, Марсель Деламар, и которая присвоила алетиметр его отца. А Лира догадалась, что перед ней – изобретатель нового метода.

Не успел он подняться, как Лира вытянула руку и захлопнула дверь.

Моргая и трясая головой, она очнулась в теплой постели, в трактире «Форель». От пережитого чуда и потрясения она чувствовала себя совсем слабой. До чего же этот юноша был похож на Уилла! Какая радость вспыхнула в ее сердце в тот первый миг – и каким ужасным было разочарование! А за ним тотчас пришло тревожное удивление, когда Лира вдруг поняла: она знает, что это за место, и кто этот человек, и чем он занимается. Но куда же подевалась кошка? Что она вообще там делала? Пришла, чтобы проводить Лиру к этому юноше?

Она не заметила, что Пан сидит на кресле у кровати, напрягшись всем телом, и внимательно смотрит на нее.

Положив алетиметр на тумбочку, Лира взяла бумагу и карандаш. Торопясь, пока видение не поблекло в памяти, она записала все, что смогла. Пан наблюдал за ней минуту-другую, а затем опять тихонько свернулся клубком. Вот уже несколько ночей они не спали на одной подушке.

Пока Лира не закончила записывать и не выключила свет, он не шевелился, да и потом подождал, пока ее дыхание не стало глубоким и ровным, как и положено во сне. Вот тогда-то он вытащил маленький потрепанный блокнотик из большой книги, в которой сам же его спрятал, и, крепко зажав в зубах, прыгнул на подоконник.

Окно он осмотрел заранее: оно было не подъемным, а со ставнями, на простой железной задвижке, так что Пан мог открыть его без помощи Леры. Миг – и он уже бежал по старым каменным плиткам двора; еще миг – и вспрыгнул на ветку яблони, а оттуда стрелой метнулся через газон, через мостик, на волю. Вскоре Пан уже мчался по широкому лугу Порт-Медоу к дальней звоннице часовни Святого Варнавы, смутно белевшей на фоне ночного неба. Он пробежал мимо дремлющих пони, и те встревожились во сне; возможно, среди них был и тот, которому Пан в прошлом году прыгнул на спину и вцепился когтями в шкуру, так что бедное животное пустилось с места в галоп, брыкаясь и вскидывая круп. В конце концов пони его сбросил, но Пан приземлился на все четыре лапы, хохоча от восторга. Это было одно из тех его приключений, о которых Лира ничего не знала.

Не знала она ничего и о блокнотике, который он нес в зубах. Эту записную книжку из рюкзака доктора Хассалья, заполненную именами и адресами, он утащил и спрятал, потому что увидел в ней кое-что, чего Лира не заметила. Сначала он хотел сказать ей, но потом понял, что время для этого неподходящее.

Он бежал и бежал – легко, бесшумно, без усталости, – пока на восточной окраине луга дорогу ему не преградил канал. Пан переплыл бы его без труда, но не хотел рисковать блокнотом. Поэтому он повернул и помчался вдоль берега к мостику, за которым тянулась Уолтон-Уэлл-роуд и улицы Иерихона. Перебравшись на другую сторону, он сосредоточился: тут следовало соблюдать осторожность. Время было хоть и позднее, но несколько пабов все еще работали, а на каждом углу горели желтые фонари, так что спрятаться от глаз прохожих было негде. Поэтому Пан бежал по неосвещенной тропинке вдоль канала, бежал быстро, но часто останавливался, оглядывался и прислушивался, пока слева не показались ворота на железном засове. Ему они были не помеха, и через несколько секунд Пан уже стоял во дворе «Игл Айронворкс», и над ним возвышались громадные корпуса металлургической мастерской. Узкая тропа вела к таким же воротам в конце Джаксон-стрит, застроенной невысокими кирпичными домами, в которых жили рабочие из мастерской и соседнего издательства «Фелл-пресс». Неподалеку на улице беседовали припозднившиеся прохожие, и Пан остановился в воротах, в тени двух зданий. Наконец, собеседники попрощались; один скрылся за дверью своего дома, а другой, пошатываясь, двинулся в сторону Уолтон-стрит. Пан подождал еще минуту, проскользнул в ворота и перемахнул через невысокую ограду перед последним домом.

Тут он припал к земле рядом с маленьким окошком полуподвала, тускло освещенным и таким пыльным и закопченным, что заглянуть внутрь было невозможно. Но Пан всего лишь прислушивался, и вскоре до него донесся хриплый мужской голос, обронивший пару случайных фраз. Отвечавший ему голосок был тоньше и музыкальнее.

Значит, они на месте и работают; это все, что ему нужно было знать. Пан постучал в окошко, и голоса тотчас умолкли. Бесшумной тенью Пан взлетел на узкий подоконник и посторонился, чтобы человек мог открыть окно.

Проскользнув внутрь, он спрыгнул на каменный пол и приветствовал кошку-деймона, такую черную, что, казалось, ее мех поглощает свет. В центре комнаты пылала большая печь, и жар от нее шел почти нестерпимый. Помещение казалось чем-то средним между кузницей и химической лабораторией. Стены и мебель потемнели от сажи, углы заросли паутиной.

– Пантелеймон, – кивнул человек. – Добро пожаловать. Давненько мы тебя не видели.

– Здравствуй, мистер Мейкпис, – ответил Пан, для чего ему пришлось выпустить из зубов записную книжку. – Как ваши дела?

– Жужжим помаленьку, – пожал плечами Мейкпис. – Ты один?

Лет ему было около семидесяти. Лицо покрывали глубокие морщины, а кожу – темные пятна от старости или от вьевшейся копоти. Пан и Лира познакомились с Себастьяном Мейкписом благодаря одному странному случаю с участием одной ведьмы и ее деймона. С тех пор они не раз навещали его и постепенно привыкли к его иронии, к неопишуемому беспорядку в лаборатории, к его обширным познаниям в самых неожиданных областях и к терпеливой доброте его деймона, Мэри. Мэри и Мейкпис знали, что Лира и Пан могут разделяться. Ведьма, чей коварный план и стал причиной их знакомства, в прошлом была его возлюбленной, и он знал о том, что ведьмы это тоже умеют.

– Да, – ответил Пан. – Лира... спит. Я хотел спросить вас кое о чем. Извините, что помешал.

Мейкпис сунул руку в старую металлическую перчатку и поправил чугунок, стоявший на краю печи.

– Пусть греется, – сказал он. – А ты садись, мой мальчик. Поговорим, а я пока покурю.

Он достал из ящика стола короткую сигару и закурил. Пану нравился запах курительного листа, но сейчас он едва различал его в дыму и чаду лаборатории. Алхимик сел на табурет и внимательно посмотрел на гостя.

– Ну, и что это за блокнот?

Пан подобрал записную книжку и передал ее Мейкпису, а потом рассказал об убийстве и о том, что за ним последовало. Мейкпис слушал внимательно, а Мэри сидела у его ног, не сводя глаз с Пана.

– А спрятал я этот блокнот, – закончил Пан, – и принес сюда потому, что в нем есть и ваше имя. Это что-то вроде адресной книги. Лира его не заметила, а я заметил.

– Давай-ка посмотрим, – сказал Мейкпис и надел очки. Мэри запрыгнула к нему на колени, и они вдвоем углубились в изучение списка. Рядом с именем каждого человека, упомянутого в блокноте, был указан его адрес и имя деймона. При этом каждое имя и адрес были записаны другим почерком, и не в алфавитном порядке, а, как показалось Пану, в географическом, с востока на запад. Начинался список с какого-то места под названием Хварезм, а заканчивался Эдинбургом, и в нем были города почти всех европейских стран. Пан три или четыре раза тайком просматривал его, но так и не понял, какая связь между всеми этими людьми.

Но алхимик, похоже, искал в списке какие-то конкретные имена.

– Из Оксфорда никого, кроме вас, больше нет, – сказал Пан. – Я просто хотел выяснить, знаете ли вы про этот список. И зачем он составлен.

– Говоришь, тот человек умел отделяться от своего деймона?

– Именно это он и сделал – прямо перед смертью. Его деймон... Она взлетела на дерево, где я сидел, и попросила помочь.

– А почему ты не рассказал Лире об этом списке?

– Ну... Все никак не мог выбрать время.

– Нехорошо, – покачал головой Мейкпис. – Отдай ей этот блокнот. Он очень ценный. У списков такого рода есть особое название – *clavicula adiumenti*.

Он указал на пару тисненых букв – С.А. – на задней стороне обложки, в нижнем углу, у корешка. Пан удивился, как тот вообще смог их рассмотреть, такой потертой и потрепанной была записная книжка. А Мейкпис пролистал страницы примерно до середины, вынул из кармана жилетки короткий карандаш и добавил какую-то запись, повернув блокнот боком.

– Что это значит? – спросил Пан. – Что за клавикула?.. И кто все эти люди? Неужели вы их всех знаете? Я не вижу никакой связи между именами.

– Разумеется, не видишь.

– А что вы туда вписали?

– Одно недостающее имя.

– А почему поперек?

– Потому что свободное место осталось только на полях. Повторяю еще раз: отдай этот список Лире и приходите вдвоем. Тогда я расскажу вам, что это значит. Но не раньше, чем увижу вас обоих вместе.

– Это будет непросто, – признался Пан. – Мы в последнее время почти не разговариваем. Все время ссоримся. Это ужасно, но мы просто не можем перестать.

– А из-за чего вы ссоритесь?

– В последний раз сегодня вечером – поругались из-за воображения. Я сказал, что ей не хватает воображения, а она расстроилась.

– И тебя это удивляет?

– Нет. Пожалуй, нет.

– А с чего это вы стали спорить про воображение?

– Уже и не знаю. Наверное, мы с ней по-разному понимаем это слово.

– Если ты думаешь, что воображение – это способность сочинять и придумывать, тогда ты точно ничего в нем не понимаешь. На самом деле воображение – это способность воспринимать и чувствовать. А из-за чего еще вы ругаетесь?

– Да из-за всего на свете! Она так изменилась! Она теперь читает такие книжки... Вы слышали про Готфрида Бранде?

– Нет. Но не говори мне, что ты о нем думаешь. Скажи, что сказала бы Лира.

– Гм-м... Ну ладно, попробую. Бранде – это философ. Его называют Виттенбергским Мудрецом. Ну, некоторые называют. Он написал «Гиперхоразмийцев», это такой толстенный роман. И я даже не знаю, что это значит! В самом тексте об этом ни слова.

– Надо полагать, это те, кто обитает еще дальше Хоразмии. Когда-то давно так называлась область к востоку от Каспийского моря. Ее современное название – Хварезм. И...

– Хва... стойте! По-моему, я видел это слово в списке!

Мейкпис снова открыл блокнот и кивнул:

– Да, оно тут. И что же Лира думает насчет этого романа?

– Он ее словно загипнотизировал! С тех пор, как она...

– Ты говоришь, что думаешь сам. А ты скажи, что сказала бы она, если бы я спросил ее, а не тебя.

– Ладно. Она бы сказала, что это книга невероятного... м-м-м... масштаба и мощи. Абсолютно достоверный мир... Не похожий ни на что, о чем она когда-либо читала... Э-э-э... новый взгляд на природу человека, пошатнувший все ее прежние убеждения и... показавший ей жизнь с совершенно новой точки зрения... Ну, что-то в этом роде, наверное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.